

МАКСИМ МАЛЯВИН

⊕ dpmmax

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА^е ЛУЧШЕЕ

или Блог добрых психиатров

Малявин Максим Иванович - Записки психиатра. Лучшее, или Блог добрых психиатров

Так исторически сложилось за неполные семь лет, что, стоит кому-то набрать в поисковой системе «психиатр» или «добрый психиатр» – тут же отыщутся несколько ссылок либо на ник `drmtmax`, уже ставший своего рода брендом, либо на мои психиатрические байки. А их уже ни много ни мало – три книги. Работа продолжается, и наше пристальное внимание, а порою и отдых по системе «конкретно всё включено» с бдительными и суровыми аниматорами, кому-то да оказываются позарез нужны. А раз так, то и за историями далеко ходить не надо: вот они, прямо на работе. В этой книге собраны самые-самые из психиатрических баек (надо срочно пройти обследование на предмет обронзовения, а то уже до избранного докатился!). Поэтому, если вдруг решите читать книгу в общественном месте, предупредите окружающих, чтобы не пугались внезапных взрывов хохота, упадания под стол и бития челом о лавку.

© Максим Малявин, текст, 2016
© Юлия Межова, иллюстрации, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

Вступление

Есть мнение, что не человек выбирает специальность, а очень даже наоборот. Мнение интересное, но, на мой взгляд, оно несколько пахнет фатализмом и умаляет роль личности в истории, пусть даже это история болезни. Все-таки приятно тешить себя иллюзией свободы выбора, будь то выбор профессии или спутницы жизни. Ладно, согласен, со вторым я чрезвычайно самонадеян и нагло себе льщу, но профессию выбрал сам, и только сам. Собственно, выбор окончательно сформировался (кристаллизовался, как сказали бы коллеги) к четвертому курсу, когда начался цикл занятий по психиатрии. Все сошлось воедино: и тематика предмета, и характерологические особенности учителей, и особая харизма самой психиатрической больницы, раскидавшей свои корпуса среди вековых деревьев Томашева колка – некогда деревни, ныне одного из районов Самары. Логика и холодный расчет тут и рядом не стояли. А потом был шестой курс, когда более половины всех занятий у нашей особой группы приходилось на психиатрию. А потом – собственно интернатура, которую мы проходили вместе с будущей женой (ни разу не хотевшей стать психиатром, но, поскольку с инфекционистами не вышло, то почему бы и нет?). Интереснейшие и умнейшие преподаватели и врачи, атмосфера старых корпусов (в некоторых сохранились еще те, столетней давности, дубовые двери и окна со стеклами в палец толщиной и с отдельной клетушкой для керосиновой лампы между рамами), неповторимая логика и философия предмета – боже, как все это было интересно!

А потом – другой город, другая больница. Дом у шоссе, тогда еще новенький, пахнущий краской, побелкой и свежестеленным линолеумом. Больничный комплекс, включающий в себя все, что нужно для автономного существования: поликлинику, дневной и круглосуточный стационары, лечебно-трудовые мастерские и даже спецбригаду – этаких гренадеров в белых халатах с бесконечно добрыми лицами. И пара санитарных машин-барбухаек для комплекта. И вот уже пятнадцать с хвостиком лет нашей работы здесь. При таком стаже работы кажется, что почти миллионный город отличается от деревни только этажностью застройки и временем на проезд из конца в конец. Стоит же зайти на рынок или просто прогуляться по улице...

– Здравствуй, как самочувствие? Таблеточки пьете. А отчего вас так долго на приеме не было? Непорядок...

Специфика заболеваний и особенности оказания помощи, порой недобровольной, отражаются психиатрию стеной недосказанности и таинственности, местами переходящей

в паранойяльную озабоченность, с теориями заговора и пугалами карателей от медицины по одну сторону регистратуры, и особым прищуром, с понимающим покачиванием головы – дескать, идейки у вас, батенька, того – по другую. Хотелось бы, чтобы мои рассказы помогли хотя бы отчасти преодолеть это отчуждение и недосказанность, приподняв завесу тайны над психиатрической кухней. Если нет – опять же, ничего страшного: пугало – тоже имидж.

P. S. Все имена действующих лиц изменены. Любые совпадения прошу считать случайными.

Вуайеристы поневоле

Психиатрические больницы могут располагаться либо в черте города, либо за оной. Причем старые больницы, на мой взгляд, чаще строились все же вне городов. Гатчинская, Калужская, Самарская (когда она строилась, Томашев колок был еще колком¹, а не городским районом), Ульяновская Карамзинка... Эта изоляция пациентов от горожан была на пользу как тем, так и другим. Наша психбольница тоже вначале была у черта на куличках, но потом чью-то голову посетила идея – и ее тогда не сочли бредовой, – что сему заведению самое место на стыке районов. С одной стороны, и медперсоналу на работу ездить недалеко, и больного можно быстро доставить. С другой...

Забрав на очередном вызове буйную пациентку, машина взяла курс на дурдом. Всю дорогу санитары предпринимали безуспешные попытки хоть как-то ограничить метания дамы по салону, потому что вязки, понадеявшись друг на друга, с собой не взяли. Для тех, кто не в курсе: вязки – это несколько метров фланелевой ткани, сложенной и простроченной в виде толстого жгута. Они заменяют такую полезную, но ушедшую в историю вещь, как смиренная рубашка, – считается, что этот пережиток темного прошлого позорит психиатрию как отъявленно гуманную специальность и унижает пациента. Ага, а вязки его возвеличивают чрезвычайно. Фельдшер решил, что без пары кубиков аминазина² тут никак, набрал шприц, промолвил: «Иншалла, мля», – и влился в коллектив. Теперь один из санитаров пытался удерживать больную за руки, другой – за ноги, а фельдшер – оголить ей зад и сделать целебный укол. Игла пронзила мягкие ткани, даму обуяли изумление и душевный трепет, и негодяи мужского пола разлетелись в стороны, аки ласточки (есть, есть женщины в русских селеньях!). В этот самый момент машина вильнула, даму качнуло, она угодила голой попой с победно торчащим из нее шприцем akurat в открытое бортовое окошко и на некоторое время

¹ *Колок* – участок леса посреди поля.

² *Аминазин* – антипсихотический препарат. Оказывает сильное успокаивающее действие.

в нем застряла. Все бы ничего, но в полдень на шоссе очень оживленное движение. «Уазик» с красующейся в окне задницей, увенчанной воткнутым в нее шприцем, гордо обошел строй троллейбусов, автобусов и маршруток (мигалки, сирена, расплюснутые о стекла губы и носы благодарных зрителей) и свернул во двор психдиспансера. Занавес, аплодисменты.

Дерьмовый вызов

Эпитет «дерьмовый» применяют по делу и не совсем, вкладывая в это изначально яркое и душистое понятие нечто негативное и нежелательное. Бывают, однако, случаи, когда в дополнительных подразумевающихся смыслах и оттенках нет нужды, а суть ситуации передается прямым значением слова. Спецбригада отправилась на вызов. Все как обычно: женщина в обострении, есть показания для недобровольной госпитализации, доступ в квартиру будет обеспечен кем-то из родственников больной. Выехали полным составом – врач, фельдшер, санитар. Остальной персонал приемного покоя коротал время за привычными занятиями: кости, бильярд, книги – что душа просит. Примерно через полтора часа спецбригадовский «уазик» медленно и печально скрипнул тормозами у крылечка. Повисла выдержанная в лучших театральных традициях пауза, во время которой все гарантированно отвлеклись от дел и обратили свое внимание на прибывшую машину, а потом дверь салона медленно открылась. Сначала показался ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ доктор с топором в руке, следом – ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ фельдшер с кухонным ножом в руке, а за ними ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ санитар, держа за ворот ночной рубашки ГРУСТНУЮ И ВСЮ В ДЕРЬМЕ больную. Замыкал процессию ГРУСТНЫЙ И ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ водитель. Когда удалось всех отмыть и переодеть, а больную, соответственно, госпитализировать, выяснились подробности. Прибыв на место, спецбригада обнаружила, что встречу им больная подготовила теплую и с запашком. Во-первых, она заблаговременно «заминировала» всю квартиру кучками дерьма на газетках и теперь метко ими кидалась. Во-вторых, по всей видимости не вполне доверяя метательному арсеналу, больная вооружилась ножом и топором, как те романтики с большой дороги. Операция по поимке и извлечению пациентки из квартиры проходила весело и задорно, с валянием кучи-малы по загаженной жилплощади и изъятием у пациентки колюще-режуще-рубящих предметов повседневного быта российских сумасшедших домохозяек. В машине веселье продолжилось – больная ни в какую не желала признать себя таковой и всеми путями, вплоть до рукоприкладства, старалась убедить медиков, что смена места жительства, даже временная, не пойдет ей на пользу. Ввязавшегося в дискуссию водителя тоже повалили по салону и, соответственно, угваздали в дерьме. Потом все же умудрились пациентку зафиксировать, сделали аминазин...

В машине потом еще долго сохранялась специфическая аура.

Бдительный

Работал в нашей спецбригаде санитар по прозвищу Бдительный. Трудно сказать, когда и

при каких обстоятельствах он получил это прозвище, но соответствовал ему довольно точно и в критические моменты вполне его оправдывал, а однажды даже оправдал сверх ожидаемого. Как-то раз, когда персонал спецбригады коротал время между вызовами, во двор-колодец приемного покоя въехал милицейский «уазик»-буханка. Оттуда вышел лейтенант и направился к сидящим на крылечке санитарам и фельдшерам.

– Вашего привез, забирайте.

Бывает, и нередко, что наш пациент, находясь в обострении, что-нибудь натворит или с кем-нибудь поцапается. Тогда его забирают в милицию, а уже оттуда, разобравшись, что к чему, доставляют к нам.

– Только он выходить из машины не хочет, так что вы уж сами как-нибудь...

Бдительный не спеша подошел к машине, открыл дверь и скомандовал:

– Вылазь.

Не дождавшись ответа, он вздохнул, извлек из недр УАЗа мужчину и, держа его одной рукой за ворот, а другой за ремень, понес в приемный покой. Лейтенант как раз рассказывал, как к ним попал больной. Увидев Бдительного с добычей, он пару мгновений хватал воздух ртом, а затем выпалил скороговоркой:

– Что вы, что вы, этого не надо, это наш сотрудник, он просто не в форме... немного.

После паузы Бдительный поставил сотрудника на землю, аккуратно отряхнул с него пыль и вновь направился к машине. Пациент с ужасом в глазах выглядывал откуда-то из-под сиденья.

– Вылазь.

На этот раз выносить никого не пришлось.

Да ты ведьма!

Будучи в обострении, пациент зачастую демонстрирует нечеловеческую силу и выносливость. Кажется, он попросту не задумывается, что ему что-то не по силам, что он способен испытывать боль или уставать. В результате старушка-одуванчик вполне способна запросто спустить вас с лестницы, а тщедушный олигофрен может дать деру от служителей Фемиды с двумя чугунными крышками от люков в каждой руке (металлолом ведь!).

Ольгу привезли в приемный покой в сопровождении наряда милиции. Внешний вид больной здорово напоминал куколку – не фарфоровую, а ту, из которой потом появляется на свет бабочка. В качестве кокона фигурировали вязки. Сколько их ушло на это сооружение, сказать было трудно, но у фараона Рамзеса бы точно глазки от зависти повышибало. Когда кокон развернули, обнаружилось, что на запястьях у Ольги еще и наручники. Правый браслет отдельно от левого, перемычка порвана.

Как выяснилось, Ольга на протяжении недели слышала у себя в голове голоса, которые,

между прочим, сообщили ей, будто соседи по коммуналке участвуют в заговоре с целью ее, родимую, со света сжить и для осуществления своего коварного плана мажут ее дверь особым ядом. Возмущенная их коварством, больная несколько раз пыталась пристыдить негодяев, но те изображали правдоподобное недоумение и продолжали делать свое черное дело. Чаша терпения, и в лучшие времена не особо-то и глубокая, переполнилась, и пациентка, кипя праведным гневом, отправилась выяснять отношения. Злокозненные соседи пытались закрыться на замок в своей комнате, но не тут-то было! Дверь вынесло как пушинку, а чтобы неповадно было запираяться впредь, этот мешающий предмет интерьера вылетел в окно (стоит ли упоминать, что открывать дверь было недосуг?). Подоспевший наряд милиции с трудом уговорил Ольгу примерить наручники, но тут соседи вспомнили какие-то старые обиды, выдвинули совершенно необоснованные претензии... Словом, подъехавшая следом спецбригада успела к моменту, когда такая нужная в хозяйстве вещь, как наручники, была порвана, как та грелка.

В наблюдательной (эвфемизм слова буйный) палате нашего Самсона в юбке во избежание эксцессов привязали к койке – целое искусство, знаете ли, мастера БДСМ нервно курят в углу. Больная громко и в доходчивой манере изложила окружающим свою позицию по этому вопросу. На шум откликнулась другая пациентка, Валя, тоже привязанная к койке в паре метров от Ольги (накануне она поколотила соседок по палате, выясняя, кто из них увел ее жениха).

– Это ты моего парня к себе присушила! – безапелляционно заявила она вновь прибывшей.

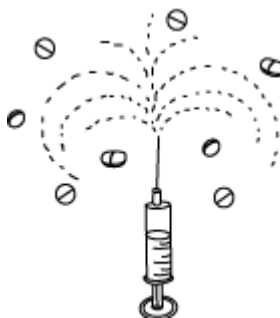
– Тебя, дуру, не спросила! – откликнулась та в сердцах.

– Да ты ведьма! – резюмировала Валя.

Думаете, на перебранке все и закончилось? Как бы не так! Когда кипящий в двух сердцах гнев нашел точку приложения, ничто уже не могло помешать дамам перейти от слов к действиям. Подпрыгивая и раскачивая койки, противоборствующие стороны сближались сантиметр за сантиметром, пока, наконец, не коснулись друг друга... Санитарки, которые через некоторое время заглянули в палату, увидели лежащих бок о бок на вплотную сдвинутых койках Олю и Валью. Заплеванных, уставших, но донельзя довольных каждая собой!

Пулька

Была у меня на приеме дама лет шестидесяти пяти с просьбой избавить ее от «пульки» в голове.

– Да как она туда попала?

– Вы не поверите!

– Ну, милая моя, мы говорим за лечение, а не за веру, посему внимательно вас слушаю. Скорбный вздох, печальный взгляд.

– Заболело два года тому назад ухо. Я пошла к лору. Она мне сразу не понравилась: такой, знаете ли, жесткий взгляд, а слова ласковые – убаюкивает, значит. И, пока ухо смотрела – раз! – и одним движением, я и заметить-то ничего не успела, а она уже все сделала.

– Что именно?

– Как что? Пульку в голову засунула, и так ловко, что я и не сразу поняла. Наивная. А через неделю почувствовала: пулька в голове начинает шевелиться, и от этих шевелений у меня все тело сводит, да так неприятно! Ну, я бегом к ней разбираться, а она меня словно в первый раз видит: не понимаю, мол, о чем вы. Какова змеюка!

– А снимок, рентгенографию черепа делали?

– А как же! Только пулька особой оказалась, не видит ее рентген.

– А к нам вы как попали?

– Так пошла к нейрохирургу, а он говорит, что дело деликатное, можно во время операции случайно полушарие задеть. Правое. А оно за логику отвечает. А мне без логики никак.

– И?

– Он и говорит: в таких тонких материях, мол, только психиатр может помочь. Есть, говорит, у психиатров особые таблетки, так они эту пульку заставят выйти естественным путем. И полушарие не заденут.

– Какой же грамотный вам попался нейрохирург! Полностью с ним согласен. Ну что же, вот вам заветный рецепт, вот тут я написал, как принимать, через недельку жду на прием, приходите, погляжу на вас еще.

К слову, паранойдная симптоматика с ощущениями чего-то инородного в организме – это отдельный разговор. Когда мы еще были интернами, нам предоставили возможность убедиться в том, что идеи и ощущения психотического уровня крепче железобетона и В ПРИНЦИПЕ не поддаются переубеждению и психотерапевтическим приемам.

Был случай, когда больная утверждала, что ее изнасиловали (враки и женские мечты; хотел бы увидеть то мачо с полным отсутствием зрения и зачатков интеллекта, а также инстинкта самосохранения), пусть милиция и отрицает сие леденящее кровь действо. При этом во время второго акта Марлезонского балета ей якобы поместили во влагалище пачку швейных игл (насильник, видать, был энтузиаст, к делу подошел изобретательно, с задором). Иглы разбрелись по организму, и больная ощущает их перемещение и покалывание. Заручившись одобрением начальства, мы принялись за дело. Выяснили у пациентки, сколько приблизительно было игл, какого размера, а потом купили и заржавили потребное количество. В назначенный день водрузили даму на стол процедурного кабинета, расчехлили аппарат для электрошоковой терапии (его окрестили медицинским импульсным магнитом) и приступили к действию. Периодически находилась иголка («вот она, вот она, кончик уже показался, не упустить!»), со звоном падала в лоток, медсестра мониторировала пульс и давление, ассистент вытирал со лба клоуна – «оперирующего врача» трудовой пот... Поиск всех игл занял час. Больную поздравили с успешно прошедшей операцией, а на следующий день во время обхода она вспомнила, что «еще в задний проход мне иголки тогда засунули», и вот они-то сейчас так колют, просто караул. Занавес.

В другом случае, по словам пациентки, у нее в животе завелась лягушка. Как завелась? Да в кувшин с молоком залезла, а больная наша его и оприходовала. Залпом. Жарко было, пить хотела. И теперь никакой личной жизни: то земноводное в животе квакнет, то выглянет срам сказать откуда! Лягушкой запаслись на кафедре нормальной физиологии (реолапку все помнят?); решили, что выманивать будем на живца. Вы пытались когда-нибудь привязать муху к длинной нитке? Попробуйте, муха узнает много новых слов! Лягушку «выманили», посадили в баночку, предъявили хозяйке.

– Это не она!

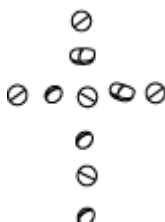
– А КТО это тогда?

Пауза.

– Это ее дочь. У той глазки были умные, и квакала она громче, увереннее, что ли...
С тех пор – только адекватная медикаментозная терапия!

Проверяющий

Как учили нас классики партийной пропаганды, со временем коммунистическое мировоззрение обуяет широкие массы людей, и принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям» можно будет применять, не опасаясь того, что потребности могут оказаться непотребно чрезмерными. До этого светлого момента в отдельно взявшейся социалистической стране должны рулить учет и контроль, а то вдруг кому-то не по труду захорошеет. Социализм сгинул, уступив место недоразвитому капитализму с феодальными замашками, а привычка проверять и контролировать осталась. Привычки, особенно дурные, они очень стойкие. Есть у нас на учете пациент. Обострения у Виктора (назовем его так) обычно бывают ранней весной. Маниакально-параноидный синдром, возникающий с завидным постоянством. В его исполнении обычно это выглядит так: рано-рано утром чуть ли не пинком открывается дверь какого-нибудь (предугадать трудно) отделения милиции, и на пороге появляется наш герой. Бодрый до омерзения, подтянутый и энергичный, он по-хозяйски окидывает взглядом помещение и укоризненно заявляет:

– Спим на боевом посту, товарищ как-вас-там? Ай-ай, нехорошо. А я, собственно, к вам тут с проверочкой, давно было пора, да все дела, дела... С этими словами он трясет под носом у сонного дежурного каким-то документом. Документ требует отдельного описания. Если бы милиционеру удалось сразу и в подробностях его рассмотреть, то выяснилось бы, что это обычный паспорт. Но. В него вклеен аккуратно вырезанный оттиск гербовой печати. Как-то, еще во времена правления Бориса Николаевича, Виктор написал президенту гневное письмо: дескать, смотри, до чего довел страну, как, мол, тебе не совестно. А в администрации президента кто-то возьми да напиши вежливо-нейтральный ответ ни о чем. Проникся наш пациент: как же, ответили, значит – право имею! Тут-то фабула бреда и сложилась окончательно. Мол, не хватает у президента времени ментовской произвол отслеживать и пресекать, посему и облакают его, Виктора, властью и чрезвычайным доверием. И наш пациент вырезал из письма гербовую печать, наклеил ее в паспорт и отправился творить добро направо и налево.

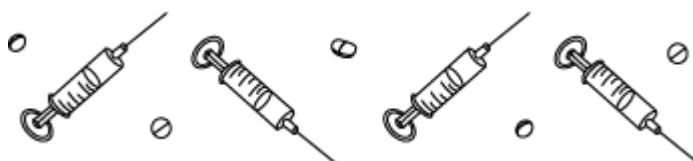
– Так, голубчик, распорядись-ка, чтобы машину сей же момент подали, поедем полюбуемся на ваши посты!

Вы не представляете, до чего убедительным может быть маниакальный больной. Иногда дело доходило даже до посадки в машину. Потом все же срабатывало профессиональное чутье, более тщательно проверялись документы... Стоит ли говорить, что в приемный покой

сердитые милиционеры обычно доставляют Виктора слегка помятым? Думаете, это его чему-нибудь учит? Только тому, что он не «проверяет» дважды одно и то же отделение. А служивые до сих пор ведутся.

Шекспир рыдает

Являясь, по сути, неотъемлемой частью мироздания, человек, тем не менее, постоянно пытается провести демаркационную линию: вот я, а вот – все остальное. Отношение к этому всему остальному сильно колеблется – от сакраментального «весь гребаный мир против меня» до «я готов весь его полюбить, и не по разу». Наверное, так и задумано – нам крайне необходимо отстаивать свою индивидуальность, обособленность и непохожесть. У окружающей действительности тоже есть свои соображения на сей счет. Вместе с парочкой запасных тузов в рукаве для тех, кто чересчур продвинулся в отстаивании собственной индивидуальности, – а нечего расслабляться!

Лидии Васильевне (дадим ей такие имя и отчество) за пятьдесят. Тридцать лет больна шизофренией. На инвалидности, по поводу которой не особо расстраивается, поскольку домашнее хозяйство – это постоянная работа, скучать некогда. А тут еще внуки, с которыми интересно возиться. Словом, жизнь бьет ключом. Поэтому, если уж она пришла не как обычно, за лекарствами, а попросилась в стационар – значит, дела обстоят серьезно.

– Что с вами случилось, Лидия Васильевна?

– Опять приболела, доктор.

– И что беспокоит?

– Опять мир вокруг изменился. Долго все было в порядке, но, видимо, время подошло. Лекарства-то я пила аккуратно.

– Что ж, болезнь – такая штука, она может порой свое взять, несмотря на лекарства. Что же произошло с миром вокруг вас?

– Понимаете, вот только что, буквально несколько дней назад, он был реальным, все чин чинком, а потом раз – и стал ненастоящим.

– То есть как это – ненастоящим?

– Даже не знаю, как вам объяснить. Кукольным. Бутафорским. Иду по улице – небо нарисованное. Натурально, конечно, художник не зря кушает свой хлеб, но с настоящим не спутать. Вороны – механические, воробьи – заводные. Дома – одна видимость. За окнами и стенами ничего нет, а если зайти и проверить, то специально там, куда я зайду, будет бутафорский подъезд с бутафорскими квартирами. Точнее, одной квартирой – той, в которую я решу зайти. Машины на улице – слишком игрушечные, хоть и в натуральную величину. В автобус села, поехала к вам в диспансер – словно на детском аттракционе, так все ладно и гладко, так все аккуратно подстроено. Покупаешь в магазине еду – еда ненастоящая. Кажется сначала – и цвет, и запах, и на ощупь все правильно, а стоит принести домой – опять бутафория. Даже приготовить можно, но будет все не по-настоящему. Люди вокруг слишком

яркие, слишком схематичные, типажные – или куклы, или актеры. Я вот думаю – откуда столько актеров может появиться? Ну так сейчас же кризис, люди за любую работу возьмутся.

– А родные что вам по этому поводу говорят? Им тоже мир кажется ненастоящим?

– А что они могут сказать? Их ведь тоже подменили. Загримировали, соглашусь, неплохо, видна рука профессионала. Но я-то своих знаю. А эти играют отвратительно.

– Лидия Васильевна, прошу прощения за нескромный вопрос: я вам тоже кажусь ненастоящим?

– Доктор, вот этого не надо. Я и так изо всех сил стараюсь к вам не приглядываться! Если и вы окажетесь подменным – как дальше жить?

– Ничего-ничего, все в порядке. Я очень даже настоящий. У меня только зарплата игрушечная, а так – все по-взрослому. Хочу вот еще о чем вас спросить: как вы думаете, для чего все это затеяно? Ведь выходит, что все шоу только для одного зрителя. В чем тут тайный смысл. В чем ценность вашей персоны?

– Вот! Вот над этим вопросом я и сама бьюсь! Не скрою – порой дух захватывает от этого всего, и страшно, и удивление – неужели все из-за меня? Кому это понадобилось? Что от меня хотят? А потом думаешь – ну, раз кто-то это смог устроить, значит, все же это зачем-то нужно. Ой, доктор, давайте уже скорее меня класть, а то мне страсть как хочется добраться до режиссера и показать ему, что такое настоящая критика! Ведь я себя могу не сдерживать!

Представив процесс деструктивной критики с применением подручных предметов, я поспешил написать направление. Пока она кого-нибудь не назначила на роль режиссера.

Демонический туризм

Со времен Стивена Кинга, после романов которого даже ночной поход в туалет можно было смело вносить в копилку храбрых поступков, демоны и прочие потусторонние обитатели явно перевоспитались, обрели харизму и хорошие манеры, а то и вовсе научились делать добрые дела и широкие жесты – прямо не силы зла, а потусторонняя благотворительная организация, вроде Красной Пентаграммы. Но наших пациентов не обманешь, у них есть опыт личного общения, который подсказывает: если демоны и читают про себя в книжках, то только с целью поржать над умильно-дебильными персонажами и тут же под настроение совершить какую-нибудь пакость. Ибо нефиг расслабляться.

Дмитрий (пусть он будет Дмитрием) знаком с демонами уже много лет. Он даже мог бы написать про них книгу, но не фантастическую, а документальную. Он-то знает, что эти бестии постоянно крутятся поблизости, вылавливая тех, кто послабее. Зачем? Дело в том, что сами они проявиться в этом мире не могут. Это как идея, которая вроде бы витает в воздухе, но сама по себе воплотиться не может, пока не овладеет чьим-то разумом. Мы же не видим призрак коммунизма, а вот членов партии запросто можно наблюдать воочию. Понятно, что у призрака к партийцам наверняка много вопросов и пожеланий, далеко не все из которых можно выразить приличными словами, даже прибегнув к метафорам и эвфемизмам, но... ладно, это уже другой вопрос...

Итак, с точки зрения Дмитрия, люди делятся на две категории: тех, кто способен увидеть

демонов, и тех, в кого демоны могут вселиться. При этом обитатели альтернативного измерения очень не любят представителей первой группы и всячески стараются навредить им, вселившись в представителей второй. Оно и понятно: кому приятно, когда подсматривают за твоими шалостями! Опять же, одно дело питаться где-то там у себя всякой нематериальной, идейно зараженной и мистически модифицированной гадостью, и совсем другое – кошерная человечинка. Приближение очередной волны потустороннего десанта Дмитрий чувствует заранее: сначала все события вокруг – взгляды прохожих, номера машин, заголовки газет – вдруг приобретают дополнительный, особый смысл. Потом пропадает сон, и ночь становится временем тревоги, мегалитров чая и многих метров выкуренных сигарет. И еще ожидания, напряженного ожидания: кто же на этот раз?

Обычно это домашние: то у матери глаза вдруг превратятся в черные бездонные дыры, то у отца изменится тембр голоса, вдруг прибавив к своему обычному звучанию визг на грани слышимости в сочетании с ужасным, пробирающим до костей, чуть ли не инфразвуковым басом, то у сестры начнут смазываться черты лица, чтобы почти сложиться в нечто хищно-рысье. И все. Домой можно не приходиться – ЭТИ теплых чувств не знают. Только потусторонний холод и неприкрытый кулинарный интерес.

Церковь не помогает, Дмитрий уже пробовал. До сих пор вспоминает, как хищно смотрели бабульки-одуванчики, как облизывался и потирал руки батюшка – Дмитрий еле ноги унес, а то был бы раб Божий, копченый с ладаном. Ходил к экстрасенсу – тоже сплошное разочарование. Дама, к которой он обратился, аж затряслась от радости, когда его увидела, – мол, вижу корень всех твоих бед как наяву, сейчас будем из тебя лярву выгонять. А сама то рожки тайком почешет, то копытцем цокнет. Курва.

В общем, как только в город с целью гастрономического туризма прибывает очередная группа демонов, Дима идет сдаваться в дом у шоссе. Там спокойно. Там персонал-кремь. Правда, порой то у доктора лицо поплывет, то сосед по палате клыки отрастит, но это уже такие мелочи! Посоветуешь доктору взять себя в руки, а на соседа пожалуешься медсестрам – и все снова стабильно и спокойно. Перед психиатрией демоны бессильны. Они, правда, пытаются навещать Дмитрия под видом тех же родственников, но присутствие санитара, такое монументально-умиротворяющее, держит их в узде, хотя, конечно, несказанно огорчает. Отбытие потусторонней тургруппы Дмитрий чувствует по тем же родственникам: они становятся теплее и человечнее, да и лица перестают искажаться. Можно без опаски проситься домой.

Проф

Это случилось еще в мою бытность студентом; по ощущениям все было пару лет назад, а на самом деле в конце 80-х – начале 90-х. Самара. Общага № 3 на Гагарина. Такая девятиэтажная свечка, родной дом для многих поколений студентов-медиков. Строго говоря, одна из многих, но о тех речь как-нибудь потом. При тогдашней перенаселенности мединститута, когда при поступлении конкурс доходил до восьми-десяти человек на место, получить место в общежитии было счастьем. По крайней мере, на первом курсе это удавалось, мягко говоря, не всем. Ну а уж те, кто попал... Впрочем, лучше тоже отдельной историей.

Жил-был в «тройке» студент по прозвищу Проф. Этиология сего никнейма безвозвратно утеряна, однако многие сходятся на двух версиях. Первая – ПРОФессиональный гонщик, то бишь человек, способный поддержать и развить до степени абсурда любую предложенную

тему разговора (университетское образование, как-никак). Вторая – ПРОФессор кафедры научного алкоголизма: эта версия кажется даже более вероятной. Жил он весело, кушал вольную студенческую жизнь большой ложкой, на лекции с занятиями приходил исключительно с недосыпа и похмелья, за что и пострадал. На моей памяти это был единственный студент, лишенный права проживать в общежитии ЗА АМОРАЛКУ. Комнату пришлось освободить. Пока Проф обивал пороги деканата, профкома и комитета комсомола (помните такой?) с битием челом и клятвенными заверениями искупить, отмолить и впредь не допускать, свято место оказалось занято, и кем!

Будь это парни, все было бы проще: поговорили бы по-свойски, нашелся бы угол, а там и всю комнату можно было обратно заполучить – главное, знать, в чем остро нуждается комендантша. Но заселились в комнату две девочки-лапочки, только-только со школьной скамьи, восторженно-удивленные, глядящие на старшие курсы как на полубогов – в общем, тьфу, да и только. И это не все! Каждая – каждая! – была при маме. Как они в этой каморке папы Карло помещались, это один бог ведает, но уходили солнышки на занятия отутюженные, накрахмаленные и (мама мия!) позавтракавшие горяченьким, а возвращались к прибранной комнате и сытному ужину. Проф был сражен в самое сердце, ему срочно требовался план ненасильственной эвакуации очаровашек-оккупанток. Было даже заключено несколько пари. Угадайте, на что. Проф неделю ходил хмурым. Он ДУМАЛ. К исходу недели план был готов.

В понедельник девочки, как обычно, ушли на занятия, и мамы принялись за ежедневные хлопоты, и тут раздался громкий стук в дверь. Отворив, тетеньки увидели на пороге небритое (та самая неделя!) существо с красными глазами, жутким перегаром изо рта (еще бы, всю ночь за успех мероприятия переживали), в живописно драной тельняшке и шортах цвета картофельной ботвы (отпиливаются от армейских галифе). В руках эль Чупакабра держало шприц Жане, наполненный густым раствором метиленового синего³. На носик этой адской машинки с помощью жевательной резинки и такой-то матери была посажена огромная игла для спинномозговых пункций. Окинув две застывшие фигуры мутным взглядом, Проф трясущимися руками протянул им шприц и попросил:

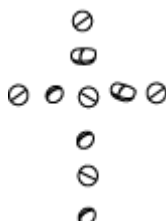
– Мать, ширни. Я не попадаю!

По свидетельствам очевидцев, весь остаток дня из комнаты доносился звук пакуемого имущества и не то вопли, не то лозунги:

– На квартиру!!!

Доктор, голос!

Эта леденящая кровь история произошла много лет назад, когда я еще студентом подрабатывал на скорой помощи одного из районов города Самары. Как правило, на каждой

³ Метиленовый синий – органический краситель. В медицине в основном используется как антисептик.

скорой любого района есть негласный, но общеизвестный список нелюбимых адресов. Наша подстанция тоже не была исключением. Своих героев, самых капризных и занудных пациентов, мы знали в лицо. Некая Прасковья Филипповна постоянно терроризировала нашу неотложку, с периодичностью до трех-четырех раз в день. Выезжая на ее «плохо с сердцем», приходилось в итоге убеждать болезную, что плюс-минус пять миллиметров ртутного столба в показаниях ее артериального давления – это физиологическая норма, что сегодняшнее аж девятичасовое отсутствие стула – это вовсе не признак каловых завалов, что кардиограмма вновь и в который раз не только инфаркта – даже аритмии-то не кажет. Ну и, естественно, учить наизусть географию и характер всяческих покалываний, бульканья, сжиманий и мурашек. Понятно, что от ипохондрика ждать чего-то иного не стоит, но, когда эпидемия гриппа, бригады не вылезают из машин, а вызов на ее адрес только за сегодня уже четвертый...

Вот на четвертом-то вызове Василич, доктор от Бога, ветеран афганской, и не удержался. Душа просила хохмы. Оставив фельдшера на станции и пошушукавшись с диспетчером, от чего та сделала большие глаза и быстро-быстро закивала, он заявил народу в курилке:

– Спорим на коньяк, что Филипповна на этой неделе никого доставать не будет!

Ударили по рукам, и доктор поехал. Вернулся он быстро. Через пять минут после его приезда в диспетчерской зазвонил телефон. Сняв трубку, диспетчер с минуту слушала, расплываясь в улыбке, кивала, а потом, нажав на рычаг отбоя, куда-то перезвонила. Коньяк Василичу проспорили, да еще как! Никто с этого адреса не звонил месяца полтора. Василич и диспетчер молчали как партизаны, поэтому на НАКОНЕЦ-ТО поступивший от Прасковьи Филипповны вызов чуть ли не жребий бросали, кому ехать, – до того любопытно было узнать подробности из первых уст.

Оказалось, что, открыв в прошлый раз доктору дверь, больная опешила: эскулап стоял на четвереньках и держал в зубах чемоданчик. Выдержав театральную паузу, он поставил чемоданчик на пол и четыре раза на нее гавкнул. После этого оборотень в халате повернулся и на четвереньках потрусил вниз по лестнице. Когда прошло замешательство, Филипповна позвонила в скорую вновь и пожаловалась, что доктор, гад, НА НЕЕ ЛАЯЛ. Диспетчер оказалась девушкой доброй и отзывчивой и пообещала прислать нормальных медиков.

Когда приехала другая бригада, «не в пример этим, все как на подбор, просто гренадеры!», врач участливо так спросил:

– Так вы говорите, на четвереньках стоял?

– Да, да!

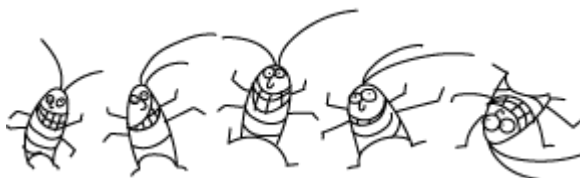
– И даже, простите, лаял, как собака?

– Да, истинный крест!

Надо сказать, что за все полтора месяца пребывания в психбольнице сердечко у Прасковьи Филипповны не болело ни разу.

Средство от соседей

За годы работы укрепляешься в осознании того, что бред – явление очень стойкое. Сравнивать его с обычной убежденностью, даже на уровне упертости рогами в стенку – все равно, что сравнивать незыблемость и прочность плит перекрытия с прочностью набора посуды на шесть персон во время бурного семейного скандала. Соответственно, большинство рассказов о том, как бредовый пациент был переубежден посредством личной харизмы врача, особых психотехник и навыка внушения восемнадцатого уровня, лично я воспринимаю с некоторой долей вполне закономерного скепсиса.

Валентина Петровна (пусть героиню истории зовут так) практически всю свою жизнь прожила в Баку. Работала на заводе, была на хорошем счету. Со временем сложилось так, что большинство ее друзей, родных и знакомых в силу разных причин, среди которых не последнюю роль сыграл государственный геополитический кретинизм, уехали из города. А тут еще выход на пенсию, вынужденное безделье вкупе с неожиданно подкравшимся избытком свободного времени. Каждый офицер и прапорщик в курсе: свободное время – это зло. Точно такую же злую шутку сыграла с Валентиной Петровной оказавшаяся ничем не занятой психика. Конечно, не стоит сбрасывать со счетов характерологические особенности, тонкости обмена веществ и нейрофизиологии, но запальным механизмом послужил именно провал в жизненных ориентирах.

Валентине Петровне стало казаться, будто соседи задумали недоброе. Да-да, те самые, которых она помнила еще мелкими чумазыми засранцами. Видимо, тайлся в каждом из них корешок зла, который при должном унавоживании и регулярном поливе вырос до вполне солидного корнеплода с агрессивно-мизантропическими свойствами. Вот и стали мелкие пакостники взрослыми бесстыжими вредителями, а также со свету сживателями. И ведь такие изобретательные: придумали, как с помощью компьютера (вот ведь тоже бесовско-заокеанское детище, будто обычных счетов не хватало!) ее мучить: то поясницу скрутят, то вдруг в ногах жилы начнут тянуть, то сердце прихватят, а то и вовсе начнут жар приливами по телу гонять. Ну как есть программируют несчастный организм на всякие непотребности.

Сначала страдальца просто терпела, а при попытках организма выкинуть очередное коленце спасалась травами, настойками да припарками. Потом ходила по соседям, пытаясь призвать их к порядку, да что толку – посмотрели как на дуру, да еще такое искреннее недоумение сыграли, чисто МХАТ на гастролях. Отписалась дочери о своих бедах, та прониклась, пообещала забрать к себе. Оно хоть и Поволжье, хоть и богом забытые степи, но все поближе к родным да подальше от соседей-истязателей.

Переезд прошел довольно гладко, и целых два месяца Валентина Петровна порхала аки ласточка – новые заботы, новые впечатления. Но потом вернулся рутинный привкус, а вместе с ним – и озарение: новые соседи ничуть не лучше тех, бакинских. А компьютеры у всех поголовно! Даже у детей. И вновь начались мучения: ломота, жар и холод, тянущие боли в мышцах. Плюс еще, судя по всему, стали соседи ей сверху фигурки человеческие на ниточках спускать (сама-то она не видела, но просто так уверенность ведь не возникнет, верно?). Стоило Валентине Петровне отлучиться из дома, эти фигурки начинали тайно разгуливать по квартире и устраивать диверсии почище партизанских: то молоко сквасят, то в хлеб плесени понапахают, а то ножи наточат так, что она ими постоянно режется. Пусть дочь и говорит, что ножи точит зять, но это все неправда – не может он настолько тещу не любить.

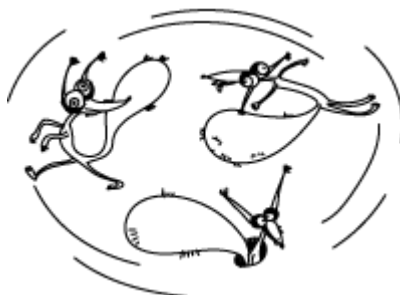
Дочь долго убеждала Валентину Петровну навеститься в дом у шosse. Та отнекивалась, даже пару раз всплакнула – мол, что же ты меня, совсем за дуру держишь? Зять, умничка, все очень правильно обосновал. Дескать, с соседями мы можем что-нибудь сделать? Нет, поскольку нет возможности доказать наличие состава преступления (он жутко образованный, слова лепит – часами бы слушала). Можно, конечно, сходить и начистить пару физиономий, ради любимой тещи не жалко, вот только соседи заявят в милицию, и виноватым будет угадайте кто? Поэтому, мать, надо сходить к психиатру. Есть у него в арсенале проверенные средства: говорят, даже экстрасенсам дар напрочь отшибает, магов плющит, как тех лилипутов на дискотеке с Гулливером, а зеленые человечки так и вовсе считают их секретным оружием

ПВО землян. Попросим доктора, пусть выпишет что-нибудь для невосприимчивости к компьютерным атакам, вроде какой-нибудь микстуры Касперского. Сказано – сделано. Хотя и не без трепета, но к психиатру сходили. А там, по его рекомендации, еще и к терапевту с гинекологом заглянули: дескать, соседи соседями, а климакса со стенокардией да остеохондрозом никто не отменял, и лечить их тоже надо. И про соседей доктор много чего говорил, запомнилось только про идеи отношения и воздействия и что лекарства надо принимать вот по этой схеме.

Теперь Валентине Петровне никакие соседи с их компьютерами и фигурками на ниточках не страшны. Главное – пить лекарства регулярно. Молод еще Билл Гейтс, чтобы супротив фармхимпрома козни строить!

Белочка. Она же котик

Белая горячка – явление очень даже национальное и на просторах родной страны вовсе не редкое. Более того, мы можем его экспортировать в другие страны вслед за нашими эмигрантами. Сей недуг настигает неосторожных с алкоголем граждан в самых разных местах, и привозить их в больницу откуда только не приходится: из дома, с работы, из гостей...

На этот раз спецбригаду вызвали в отделение милиции. По приезде в обезьяннике обнаружилось два помятого вида мужика, стоящих по стойке «смирно» возле решетки. Всем своим видом они демонстрировали полную законопослушность и страстное желание оправдать и искупить, лишь бы сей же час оказаться по другую сторону преграды. При более пристальном изучении обнаружился еще один обитатель зиндана. Крупный, крепко сбитый, с пудовыми кулаками дядечка, просто Илья Муромец, с опаской выглядывал из-под лавки.

Прибытию медиков обрадовались все. Дежурный, лучезарно улыбаясь, поведал:

– А вон и ваш клиент прячется.

С его слов, забрали дядечку из дома, где он отходил после двухнедельного запоя и, опять же, по его собственным словам, никого не трогал. Доставили в отделение, стали выяснять обстоятельства. Помогали собирать анамнез две практикантки из юридического. На свою голову. Вначале задержанный меланхолично отвечал на вопросы, и дежурный уже начал подремывать под монотонное бормотание, как вдруг...

– ВОТ ОН!!! СПРЯЧЬТЕ МЕНЯ СКОРЕЕ!!! – От рева дрогнули стены, а графин с водой издал жалобный бздыньк.

Илья Муромец шмыгнул под стол, девушки вспорхнули на стол, дежурный усилием воли и мышц сфинктера подавил желание рыбкой нырнуть в дверной проем.

– Ты что орешь, негодяй? – уняв дрожь в голосе, поинтересовался милиционер.

– Кот! Огромный. Усищи – во! Лапищи – во! В дверь заглянул. Голодный. Мя-аска хочет, гад! – И, на карачках приблизившись к офицеру, доверительно зашептал, крепко держась за

брючину: – От самого дома пасет! Вишь, на косточки, – кивок в сторону девчат, – не позарился, хитрый, ему понажористей кого. А во мне только полезного веса кило на сто потянет... Ты вот что, давай спрячь меня скорее. ААААА!!! СНОВА ЗАГЛЯНУЛ!!!

В общем, в обезьянник задержанный проследовал бодро, но вскоре его вопли поставили на уши двух его новых соседей. Кот не оставлял бедолагу в покое: заглядывал через решетку (дядечка прятался под лавку), появлялся под лавкой (дядечка лез на решетку), его чеширская улыбка светила из помойного ведра (как-то удалось уговорить ведро не выплескивать) – короче, играл с ним, как с мышкой.

Сдавали Илью Муромца только разве что без ковровой дорожки. В машине он первым делом прильнул к заднему окошку:

– Ну ты только посмотри! Следит, скот! – И, перебежав вперед, стал упрашивать водителя гнать что есть мочи.

Выяснив по пути, что в дурдом посторонних не пускают, что на всех окнах решетки и что, идя навстречу пожеланиям трудящихся, администрация ведет активный отстрел бесхозных кошек, собак и бешеных тушканчиков на всей вверенной территории, пациент успокоился. На всем пути до диспансера он только изредка поглядывал в окно, злорадно ухмылялся и крутил большие фиги.

Муж и жена

Рыбак рыбака видит издалека. Некоторые семейные пары настолько подходят под эту поговорку, что просто нечего больше и сказать. Многие из наших пациентов вступают в брак с такими же, как они сами. Когда больше половины участка знаешь в лицо, вместе с историями жизни и болезни, некоторые закономерности настолько очевидны, что даже статистическое исследование можно не проводить – ни к чему это. Для себя знаешь, а доказывать кому-то еще – есть в этом некий отголосок сравнительной фаллометрии.

Валя и Миша. У каждого годы и годы шизофренического стажа, многочисленные госпитализации, инвалидность. Они и на прием обычно приходили вместе. При этом постоянно друг на друга ворчали и стучали:

– Доктор, скажите ей, чтобы пила лекарства. Она не пьет, а без лекарств дура дурой!

– Это он не пьет, все уши прожужжал: «Я не больной, у меня особенности!» Видели мы эти особенности, ты, Миша, с ними вчера весь вечер разговаривал и спорил.

– А ты всю ночь не спала. И готовить не умеешь!

– Я тебя, дурака, караулила. А не нравится моя стряпня – вон в отделении каши гречневой просто завались! Очень помогает от дурных мыслей. Стряпня моя ему не нравится...

И так на каждом приеме. При этом ни один из них ни разу – ни разу! – не сдал другого в больницу. Очень даже наоборот. Именно эта семья известна в диспансере как киднепперы-рецидивисты. Они похищали... друг друга. Из больницы.

Однажды Валя пришла на помощь Мише, когда того пытались госпитализировать. Нет,

связываться с вызванной в поликлинику спецбригадой (тогда Автозаводский филиал диспансера еще располагался в Новом городе, на втором этаже обычной поликлиники) она не стала, здраво оценив неравенство сил. Она просто открыла окно второго этажа и подала проходящему в сопровождении санитаров Мише знак. Окно располагалось как раз над пристройкой крыльца. Без вреда для конечностей дражайший супруг сиганул в окно, очутился на пристройке, потом спрыгнул на асфальт и был таков. Справедливо полагая, что никто не будет подвергать ее гонениям, Валя преспокойно покинула поликлинику.

Второй раз Валя вызволила благоверного уже из отделения. Когда Миша стал чуть спокойнее и супругам разрешили свидания, она задействовала нехитрый план. Дело в том, что находящиеся в отделении больные видятся с родственниками в крыле, из которого есть выход непосредственно на улицу. Изначально это придумали, чтобы свидания, прием передач, а соответственно, и весь поток родственников проходили в стороне, противоположной ординаторским, которые, соответственно, выходили на внутрибольничные коридоры. Валя принесла с собой не только передачку, но и одежду, чтобы было во что переодеть мужа после побега. Далее спектакль был разыгран как по нотам. Прощаясь, Валя подошла к двери, которую уже начала открывать санитарочка, но вдруг повернулась к удаляющемуся супругу и, заломив руки, воскликнула:

– Миша, поцелуй же меня на прощание!

Все же злые шутки порой играют с нами мексиканские сериалы. Санитарка отвернулась, чуть не пустив слезу от умиления, и тут же была снесена на метр в сторону легким движением Валиного бедра, а оба супруга ринулись прочь, на свободу!

Долг платежом красен, и на следующий раз была уже Мишина очередь вызволять жену из дурдома. Он прибег к более масштабным действиям. В то время въезд в диспансер еще не был перегорожен шлагбаумом, и Миша беспрепятственно проехал внутрь на машине. Как он уговорил таксиста на такую авантюру, история скромно умалчивает. Наша (новая!) психбольница в плане своем напоминает букву «Жо», и прогулки больных происходят во двориках, образованных ножками этой буквы. Медперсонал выносит длинные лавочки и, садясь на них у открытого края двориков, создает для гуляющих больных преграду. Как выяснилось, весьма условную. Когда «шоха» на скорости вылетела из-за угла, никто и опомниться не успел, как Валя, в лучших традициях кенийских бегунов, взяла старт, ласточкой вспорхнула над лавкой и пригнувшимися санитарками, вскочила на заднее сиденье – и экипаж покинул гавань.

Надо ли говорить, что НИ РАЗУ вдогонку за супругами по их адресу не высылались спецбригада? Себе дороже.

То ли лыжи не едут...

Эта история случилась, когда мы были на интернатуре в самарской психбольнице. Жена несколько месяцев посвятила работе и учебе в тамошнем женском отделении. По

территориальному принципу оно обслуживало городские окраины (Мехзавод, Красную Глинку), а также всех иногородних и бомжующих дам. Коллектив – золотой, грамотный, слаженный. Само здание отделения – обособленно стоящая древняя одноэтажная деревянная постройка с собственным огороженным двориком, где летом устраивался огородик и всячески лелеялись цветочные клумбы – обладало какой-то неповторимой харизмой, служащей неназойливым фоном для в общем-то тяжелой ежедневной работы, которая благодаря мастерству сотрудников казалась непринужденной, ненавязчивой и даже какой-то идиллической. Наша интернатура по времени пришлась как раз на внедрение «Закона о психиатрической помощи и гарантиях соблюдения прав граждан при ее оказании». Речь там, в частности, шла о том, что теперь или больной давал письменное согласие на лечение, или лечащий врач получал геморрой, обосновывая законность пребывания отказника в отделении. Для этого в суд писалась телега с просьбой дать санкцию на недобровольное лечение имярек. Суд рассматривал заявление и, как правило, санкцию давал. Но однажды...

В ординаторской появились две молоденькие козючки с огромными ресничками, предъявили служебные удостоверения и изъявили желание учинить проверку законности пребывания вновь поступивших пациенток. Глазищи юных жриц Фемиды горели огнем праведного гнева, обращенного на злокозненный врачебный персонал: мол, томите в адском плену невинные души, ну ведь томите же, ну признавайтесь на счет «раз»! От чая с малиновым вареньем и домашними плюшками они гордо отказались: мол, знаем ваши уловки, нас не купить бочкой варенья и корзиной печенья. Сокрушенно вздохнув, коварный Чингачгук ди гроссе шланге Игорь Васильевич, он же в народе заотделением, дал санитарочкам распоряжение сей же секунд подать сюда Маринку.

Как Маринка попала в отделение – песня отдельная. Где-то за неделю до этого у нее случилось обострение, начались голоса и появились всякие вредные мысли. Маринка ушла из дома. В дремучий лес. В красном платье. За неделю лесной робинзонады платье изрядно поистрепалось, обувка потерялась вовсе и девчонка являла собой очень живописное зрелище, способное вызвать столбняк даже у медведя-шатуна. Скитаться ей, судя по всему, к исходу недели надоело, и она, выйдя на трассу, стала голосовать. С собой у нее была чудом сохранившаяся монетка; Маринка рассудила, что легковушка ее за такие деньжищи никуда не повезет, и ее выбор пал на грузовой транспорт. В итоге пострадали несколько водителей грузовиков: как только машина притормаживала, эта кикимора в красном врывалась в кабину и начинала кусаться и царапаться. Мужики, кое-как отбившись, давали по газам и надолго зарекались связываться с голосующим на дороге женским полом. Наконец нашелся один, который сумел ее скрутить и – оцените сознательность! – довезти до психбольницы.

Маринка вошла в ординаторскую и села на предложенный стул. Стараниями санитарочек, отмывших, заботливо расчесавших колтуны и даже соорудивших какую-никакую прическу, вид у девушки был самый что ни на есть приличный, если не считать больничного халата веселенькой расцветки, делавшего ее немного похожей на цыпленка-переростка. И если не обращать внимания на особый огонек в глазах. Проверяющие оживились, только что руки не стали потирать, но сдержались.

– Марина, расскажите, как вы здесь оказались, как вы себя ЗДЕСЬ чувствуете?

И Марина рассказала. В своей обличающей речи она посетовала и на режим (нахмурился зав), и на скудное питание (схватила за сердце санитарочка, лично следящая, чтобы все было выпито и съедено), и на грубость персонала (заерзали ординаторы). Консенсус больной и двух юных законниц рос и крепчал с каждой минутой повествования, они ахали, охали и бросали на докторов пристальные взоры. Праведный гнев близился к точке кипения и был уже на опасной отметке, когда негодница пожаловалась, что ее грозилась даже (боже мой, вся просвещенная общественность рыдает и выходит на тропу священной войны) ПРИВЯЗАТЬ К КРОВАТИ!

– За что?!

– Так вот и я спрашиваю – за что?! Брата моего убили? Убили!

Видя сетку прицела в двух парах очаровательных глаз, Игорь Васильевич попытался

робко возразить:

– Мариночка, он же у тебя умер черт-те когда!

– Молчите!! – Это Марина и проверяющие, хором. Ага! Скелетики в шкафах, доктора!

– Убили! Вот, смотрите. – И Маринка, подойдя к окну, жестом подозвала девчонок.

Те, сдерживаясь, чтобы не бежать вприпрыжку, важно подошли.

– Вон в той вон посадке и прикопали. А он со мной оттуда говорит. И говорит, и говорит.

Когда по делу что скажет, а когда ерунду несет. Кто? Да ты и несешь! Скажи еще, советчик нашелся! Ага, как же! Ему прогулы на городском погосте ставят, а он все туда же, под юбки этим двум засыхам смотреть! Да щазз, сам заткнись!

По ходу этого пламенного монолога лица девчонок-проверялок вытягивались, глазки становились большими-большими, а губки складывались в две буковки «О». Наконец одна из них очнулась от оцепенения:

– Женщина, вы что, ДУРА?

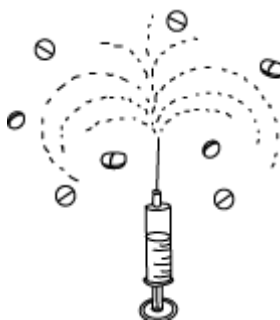
Практически не меняя ни скорости, ни интонаций, Маринка, полуобернувшись, ответила:

– Ха! Конечно, дура! Иначе чего я здесь лежу!

Вот на сей замечательной фразе и закончилась эта проверка.

Дебильная демография

Эта история из копилки жены. Ей, как участковому психиатру, нет-нет да и приходится бывать дома у пациентов нашего учреждения. На этот раз по распоряжению главного врача нужно было освидетельствовать даму с чужого участка и дать ответ гинекологам, может ли она по своему психическому состоянию вынашивать ребенка. Супруга прибыла на место и на несколько минут лишилась дара речи. Четырехкомнатная квартира улучшенной планировки была... Пожалуй, слово «угваздана» – слишком далеко от действительности: с таким же успехом можно утверждать, что Фрейд имеет некоторое отношение к психоанализу. Чтобы привести этот вертеп в порядок, надо было бы сначала пройтись огнем, потом брандспойтом, а потом замуровать дверь и забыть адрес. Атмосфера, точнее ее насыщенность, также поражала и отключала обонятельные рецепторы с третьего робкого вдоха. А еще перманентный шум. Топот, беготня, детские крики и плач, и все на одном уровне громкости. Достаточном, чтобы вести все разговоры на грани крика. Пациентка обнаружилась в дальней комнате. Подняться с кровати она не могла, поскольку после инсульта уже полгода как была парализована. И четыре месяца как беременна! Это не считая того, что у нас на учете тетенька состоит с детства по поводу умственной отсталости в степени умеренно выраженной дебильности. Равно как и ее супруг. Равно как и ОДИННАДЦАТЬ их детей. Опустив за явной

бесперспективностью вопрос, как у них хватило ума заниматься сексом в раннем постинсультном периоде, жена задала другой, вполне закономерный:

– Куда вам столько?

Ответ поражал своей незамутненностью:

– Умненького хотели!

Потусторонняя связь

Наверное, каждый из нас когда-либо задумывался о том, что же там, за последней чертой. Интерес к этой теме неисчерпаем и в целом понятен: мало что страшит так же, как неизвестность, а поди найди тайну более непроницаемую, нежели смерть. А все недостаток очевидцев. Мертвые – народ неразговорчивый. А любопытно, что называется, до смерти.

И пока кто-то читал «книги мертвых», кто-то посещал спиритические сеансы либо накачивал себя несусветной дрянью в поисках калитки (ну хотя бы дырки в заборе или, на крайний случай, замочной скважины) в Гадес, нашелся человек, подошедший к этой проблеме прагматично и основательно.

Это было в самарской психбольнице. На судебно-психиатрическую экспертизу был представлен пациент, против которого прокуратура возбудила уголовное дело по факту вандализма, порчи и тайного хищения муниципального имущества на какую-то довольно крупную сумму. Как выразился один из экспертов:

– Вот, по крайней мере, сумма, из-за которой стоило начинать сыр-бор. А то в прошлый раз из-за дебила, умыкнувшего мешок морковки, стоимостью в десятки раз меньше, чем сама судебно-психиатрическая экспертиза, такой шум устроили... Оно и понятно – показатели, отчетность.

Стали выяснять, в чем дело. Пациент давнишний, на учете черт-те сколько лет, ни в чем серьезнее, нежели выплунуть обеденный галоперидол⁴ в тарелку жены, замечен не был, и вдруг – вандал, расхититель городского имущества, да какого!

– Ну и зачем вам, милейший, двадцать одна трубка от городских телефонов-автоматов? В них же нет ценных металлов! Меди – и той кот наплакал.

– Я не собирался сдавать их в металлолом.

– А зачем же вам они?

Вот тут-то и выяснилась истинная причина раскулачивания городской телефонной сети в крупных размерах. Около полугода назад у больного на фоне относительного затишья в психосимптоматике вдруг появились голоса в голове. Да не просто голоса, а голоса покойников. Кто-то из этих людей умер давно, кто-то – не очень, но все они были так или

⁴ *Галоперидол* – антипсихотический препарат, назначается при маниакальных расстройствах, шизофрении, бреде и т. п. Лучше всего действует на галлюцинации.

иначе знакомы или близки нашему пациенту. Лодка критичного восприятия, идущая ко дну под столь плотным артобстрелом, продолжала подавать последние сигналы «may day» – мол, чтоб совсем козленочком не стать, пей галоперидол, на фоне его действия голоса мертвецов слышны совсем невнятно. Тут граждане усопшие и подкинули идейку: а давай, мол, телефонизируем кладбище! Нет, не всё, конечно же. Только по особым заявкам. Чей голос в голове отметился, того и подключаем. Ну есть еще пара застенчивых товарищей, тут, дескать, мы тебе подскажем адресок абонента. Исполнять спецзаказ больной ринулся бодренько, с огоньком, и в краткие сроки город лишился пары десятков работающих уличных телефонов, а к загробной телефонной сети подключилась, соответственно, пара десятков не совсем живых абонентов. Попался наш телефонист-некромант банально: кладбищенский сторож, не вовремя решивший сделать обход владений, наткнулся на подозрительного типа, закапывавшего телефонную трубку в ямку рядом с могилой.

Разобрались, отсмеялись, описали, порекомендовали суду в качестве меры пресечения амбулаторное принудительное лечение. Осталась лишь легкая тень подозрения: похоже, дядечка выдал не все свои загробные контакты...

Генерал терапии

Предаваясь воспоминаниям студенческой поры, не могу не отметить, что ряд преподавателей, с которыми нам довелось познакомиться и чьим речам мы внимали с трепетом и благоговением (светила медицины, небожители!), были запоминающимися, яркими, неповторимыми личностями. Только сейчас, ретроспективно анализируя впечатления тех лет, понимаешь, что некоторые из их особенностей относились скорее к числу психопатологий. Но ведь учили, и как!

Запомнился, и наверняка не только мне, профессор одной из кафедр терапии. Умнейший человек, потрясающе грамотный врач, он, что называется, читал пациента с лету. Однажды, будучи в Соединенных Штатах, он, проведя несколько минут у постели сложнейшего больного, без данных лабораторных анализов и дополнительных исследований установил правильный диагноз заболевания вплоть до мельчайших подробностей и степени нарушения основных функций. К нему везли больных отовсюду, он решал сложнейшие диагностические задачи... и при этом был со странностями. Такими же яркими, как и его несомненный талант.

Профессор ходил исключительно в генеральской форме. Говорят, что раньше на этой форме красовались соответствующие погоны, но после решительного протеста, выраженного официальным письмом из Минобороны в почти матерной форме, погоны доктора заставили снять. А лампасы остались. Как и фуражка. Был как-то случай: один полковник, придя по какой-то своей надобности в клинику мединститута, был вынужден ждать своей очереди. Он вышел покурить, и тут-то на сцене и появился профессор. Сам вид личности в генеральском и без погон оказал прискорбное воздействие на расшатавшую штабными учениями и карьерными пертурбациями психику офицера. А когда эта непонятного ранга личность в лампасах подошла, чеканя шаг, и доверительно отрапортовала: «Товарищ полковник, разрешите доложить, во вверенном мне подразделении за время моего дежурства

происшествий нет!» – бедный вояка чуть не проглотил свой окурок.

Определенно, у профессора присутствовали некие идеи относительно собственной генеральской миссии на передовых рубежах сражения с недугами человечества. Более того, персонал вверенной ему кафедры как-то не спешил разубеждать своего заведующего. В праздники, особенно 23 февраля, 1 и 9 мая, можно было с легким изумлением и тихой радостью (свят-свят, я в этом цирке не участвую!) наблюдать, как персонал кафедры бойким, почти строевым шагом следует под сенью красного знамени в сторону ЕГО кабинета, поздравлять дорогого шефа, пламенного борца и прочая, и прочая.

К студентам профессор был суров. Сколько их получило на экзаменах «банан», исходя из собственных, недоступных пониманию обычного смертного критериев оценки знаний, – бог весть. Как-то раз он спросил студента:

– Как вы относитесь к песням Аллы Пугачевой?

– Я ее не слушаю, мне некогда, я учебой занят, – ответил тот.

– Как, вы не знаете песен Аллы Борисовны? Вы, человек, получающий всестороннее университетское образование? Это два!

Следующему студенту, слышавшему диалог, был задан тот же вопрос.

– Ну как же, конечно, слушаю и очень люблю творчество этой певицы!

– Как?! У вас, студента-медика, есть время, чтобы интересоваться еще чем-то, помимо учебы? Это два!

К опоздавшим на лекцию студентам профессор относился недоверчиво-подозрительно:

– А кто-нибудь еще знает, почему она опоздала? И что там она прячет в сумочке? Вдруг пистолет или, – он делал большие глаза и губы трубочкой, – бомба?

Но сами лекции были прекрасны и познавательны, если отвлечься от личности лектора и некоторого своеобразия их подачи. На них выросло не одно поколение врачей. А особенности – ну какая же легенда без них!

Газы!

Приходит как-то ко мне на прием семейная пара пенсионного возраста. Видно, что у супругов сохранились теплые отношения, оба проявляют друг о друге заботу, которой могли бы позавидовать многие молодые парочки. Видно, что инициатором визита явился муж и что при этом он скорее стребет свою половину в охапку и убежит с ней куда подальше, но не даст ее в обиду. Деликатно интересуюсь причиной визита. Выясняется, что женщине стало казаться, будто соседи снизу пускают в их квартиру газ.

– Какой, природный?

Она смотрит на меня, как мать на сына-имбецила: ласково, но устало и с легкой укоризной. Выясняется, что нет, не природный, а самый что ни на есть отравляющий и в чем-то даже боевой. От этого газа она чувствует недомогание (крепкая тетенька, от газа, предназначенного для выведения из строя вражеских войск ротами и батальонами, у нее, видите ли, недомогание!), перестала спать ночами и потеряла аппетит.

– Что же вы в милицию не обратились? Или в ФСБ?

Еще один взгляд, дающий понять, что рейтинг этих организаций еще ниже моего, но пара таких вопросов – и они сравниваются. Муж нарушает неловкую паузу:

– Да, собственно, мы там уже были, – легкая боль воспоминаний во взгляде, – но они посоветовали обратиться к вам.

– А как именно вы поняли, что газ поступает снизу? Про недомогание с бессонницей я все уяснил, это, безусловно, улики, это противоречит всем конвенциям и нормам

международного права, но соседи снизу... Они что, в преступной организации состоят? Или с международными террористами связаны? «Аум Синрике» там, например...

Бинго! Меня не то что рублем подарили – горсткой жемчужин осыпали, такое потепление во взгляде чувствовалось физически – мол, вот! Умеет же понять несчастную жертву газового террора, когда юридическим не прикидывается! Далее разговор шел уже более доверительно и непринужденно. Да, именно секта «Аум Синрике». Да, соседи снизу сектанты, они даже глаза по-особенному щурить стали в последнее время. А догадалась просто: стала полы мыть – а в линолеуме дырочки, их глазом почти не видно (негромкий комментарий мужа с галерки: «То есть совершенно») – только если с увеличительным стеклом искать и под особым углом смотреть. И если наклониться ближе к полу, от газа начинает кружиться голова (тем же устало-любящим тоном: «Это не от газа, дорогая, это возраст и сосуды»), и это неудивительно, ведь газ нервно-паралитический.

– Ну, дорогие мои, с террористами разбираться, конечно, не в моей компетенции, вас бы на время от них в отделении спрятать, пока контртеррористическое подразделение будет делать зачистку здания. Нет? Категорически? Ну что ж... Выпишу я вам таблетки. Нет, соседей ими пользоваться не надо, не такие таблетки, да и соседи не тараканы. Это для повышения сопротивляемости организма в целом и нервной системы в особенности. Да, оборонная разработка, для очень деликатных задач. Вот. Не благодарите, не надо, просто придерживайтесь схемы приема, и вы приведете меня в неописуемый восторг. И вам всего доброго.

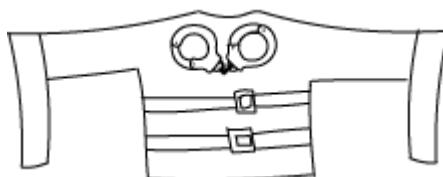
Через пару недель они снова пришли на прием. Лица супругов светились от радости.

– Спасибо, доктор! Ваши таблетки чудесно помогают. Я снова чувствую себя человеком. Я... я СПАТЬ СТАЛА БЕЗ ПРОТИВОГАЗА!

– И я тоже, – устало-облегченно произнес муж.

Об относительности

Этот случай произошел лет десять назад, когда автозаводский филиал амбулаторной службы психдиспансера находился еще на другом краю города. Вообще, такое местоположение вполне устраивало и докторов, и уж тем более пациентов: все под боком, далеко ехать не надо, начальство черт знает где. Омрачал всеобщую благодать только один факт: если нужно было в экстренном порядке госпитализировать больного, то на ожидание спецбригады, спешащей из прекрасного далека, уходило полчаса, как минимум. Нет, бывали дни вдохновения, свершений и рекордов, но все же, как правило, следовало запастись терпением и уповать на то, что биться с несогласным со своим диагнозом пациентом не придется.

На прием к моей жене пришла тетечка и с порога заявила:

– Делайте со мной что хотите, но я страшно желаю кого-нибудь убить!

– Вы не поверите, но порою я страстно желаю практически того же! – ответила доктор.

Слегка опешив и сбавив обороты, дама, тем не менее, настаивала на том, что желание ее

сильно, решимость тверда, настроение ни к черту, а посему возможности поистине безграничные. Доктор сделала условный знак медсестре, та кивнула, подхватила папку **ОЧЕНЬ** важных с виду бумаг, которые надо **ОЧЕНЬ** срочно подписать, исчезла за дверью, бодрой рысью преодолела дистанцию до регистратуры, набрала номер спецбригады и сказала в трубку: «Ребята, сейчас я вас обрадую неимоверно – у нас вызов!» Доктор тем временем начала писать направление, попутно расспрашивая пациентку, чтобы та не чувствовала себя незаслуженно забытой: мы, психиатры, при служебной необходимости можем быть крайне любознательными. А как давно у вас возникла такая замечательная мысль об убийстве? Хотите ли вы убить кого-то конкретного или же это вопрос искусства (либо «привыкли руки к топору»), и кандидатура как таковая не имеет значения? Желание присутствует постоянно или возникает приступами, и если последнее, то что эти приступы провоцирует? Сами пришли к такому желанию или «голоса» подсказали (отдельная ветка вопросов для «голосов»)? Как именно убивать будете? Куда труп денете?

Через некоторое время, продолжая отвечать на монотонные вопросы, больная жутко разобиделась. Не видя в бесстыжих глазах врача должного почтения и трепета, она начала проявлять признаки нетерпения и даже попыталась повысить голос, на что получила суровое внушение, что доктор, мол, старается не для кого-нибудь, а для ее же блага. Растущее недовольство уже грозило вывести противостояние на новый виток, как вдруг на сцене появился новый участник, изменивший весь ход дальнейших событий.

В поликлинику заявился Слава. Есть такая категория пациентов, в которых причудливым образом слились в одно целое болезнь и сволочизм личности. В таких случаях эффект обычно потенцируется, как у сочетания анальгина с димедролом. Или аминазина с реланиумом⁵. Или водки с клофелином. Пришло это чудо в прескверном настроении, поскольку было на днях выписано из отделения с добрыми напутствиями в объеме четырех кубов галоперидола деканоата в задницу (в данном случае «внутримышечно» – недопустимый эвфемизм). Циклодол⁶, который нейтрализует побочные эффекты галоперидола, Славе с собой не дали, зная его токсикоманические наклонности. Вот он и пришел в поликлинику с твердым намерением циклодол получить. И ведь получил бы, чай и мы в лесу не звери, да вот не было циклодола. Слава принял отказ на свой счет, интерпретировал его в лучших традициях кривой логики, резонерства и опоры на слабый признак и выдал аффективную реакцию с бычьим ревом и выбиванием всех дверей подряд. А вот медперсонал этот парень нехилой комплекции и близко не трогал: сказывался опыт многих, многих госпитализаций. Сопротивление быстро приехавшей спецбригаде, которая, если помните, была вызвана для жаждущей убийства пациентки за те самые полчаса до визита Славы, было оказано чисто символическое, и больного увели в машину. Медсестра крикнула вдогонку бригаде:

– Эй, а нашу-то красавицу забирать будете?

Войдя в кабинет, фельдшер и санитары увидели хихикающего доктора. Она показывала на спрятавшуюся у нее за столом пациентку: макушка и два испуганных глаза. Умоляюще глядя на врача, та произнесла:

– Доктор, миленький. А может, я домой пойду? Можно? Ну, пожааалуйста!

⁵ Реланиум – успокаивающее и снотворное.

⁶ Циклодол – противопаркинсонический, расслабляющий мышцы препарат.

С хмурчком

Что утро добрым не бывает, знают не только студенты, но и преподаватели. Есть, правда, разница. Если бодрое хмуро приключилось с профессором, да еще и в день зачета или (святые угодники!) экзамена, то студенчеству приходит северный пушной зверь. Полный.

В тот раз на анатомии именно так и было. Испытывая горячую, неистребимую никаким аспирином любовь к экзаменуемому, профессор задал вопрос. Точнее, поставил ситуационную задачу:

– Мужчину привязали за член к бамперу машины. Машина ме-е-е-дленно двинулась вперед. Какие связки страдают?

Выслушав и забрав ответы, он вздохнул (первые ряды испытали настоящую потребность если не закусить, так хоть занюхать), обвел всех укоризненным взглядом и промолвил:

– Голосовые, товарищи студенты! Все придете через неделю на пересдачу.

Цветочки-таракашечки

Жену однажды вызвали на консультацию в пульмонологию.

Ездить на консультации в соматические стационары⁷ – это, так сказать, полезная нагрузка психиатров амбулаторной службы. Вызов на этот раз был вроде по существу, то есть не невротическая пациентка, которой вдруг ком в горле стал ну так мешать, что жить дальше нет никакой возможности, а достойная немедленного внимания и лечения галлюцинаторная симптоматика. Еще точнее – делирий⁸. Казалось – как, откуда, бабулечка – божий одуванчик и ничего страшнее ложки кагора в церкви на большие праздники себе хлопнуть не позволяла. Ну, может быть, пять капель валокордина под животрепещущие новости с экрана. А тут – раз – и на ее белоснежной больничной простыне самым наглым образом появились (о ужас!) тараканы. Вот она и стала предъявлять вполне справедливые претензии в адрес медперсонала – совсем, мол, мышей (sorry, тараканов) не ловите, развели тут антисанитарию, вот при Сталине...

Механизм такого делирия прост: интоксикация на пике пневмонии плюс органика (ну у кого в таком возрасте нет хотя бы заваляшенького атеросклероза сосудов, в том числе и головного мозга?) равно делирий. Ну, знание этиологии – это здорово, это повышает самооценку, но надо же лечить. Вот и отправилась Оксана Владимировна в медгородок с

⁷ То есть обычные, не психиатрические стационары, занимающиеся лечением болезней тела.

⁸ Делирий – психическое расстройство, протекающее с нарушением сознания: галлюцинациями и бредом.

важной миссией извести тараканов на простыне. А заодно и в голове пациентки.

В отделении, по пути в палату, медсестра заново рассказала, как все происходило, и добавила:

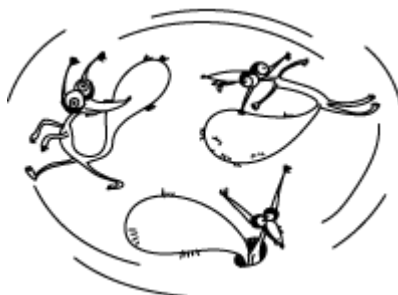
– А сейчас ей лучше. Вот, посмотрите.

На больничной койке сидела совершенно счастливая старушка. Восторженным взглядом она окидывала свое ложе и, буквально излучая радость, нежно гладила ладонью простыню. Медсестра пояснила вполголоса:

– Я подошла, встряхнула простыню и сказала, что тараканов больше нет, зато вон сколько цветов по просьбе заведующего ей насыпали. С тех пор и наслаждается. Может, не назначать ей ничего – хорошо же человеку...

О местах гнездования скунсов

Вообще, прикладная делирионавтика – тема столь же неисчерпаемая, сколь неупиваема та чарка, кою наш терпеливый и упрямый народ пытается уговорить. Дамы, конечно, все еще уступают пальму первенства кавалерам, но уже готовы их оттуда стряхнуть. Соответственно, доблестная спецбригада без работы не остается. Соответственно, симптоматика горячечных переживаний обретает новые краски, локации и новых персонажей.

Лариса (назовем ее так) вряд ли считает себя алкоголиком. Ну что вы, все же культурно – никаких перцовых настоек и дезсредств из аптек, никаких «777» в розлив – все только качественное и дорогое: коньячок под балычок, шампасик под ананасик. Просто будни бухгалтерии устроены так, что количество предусматривающих неперменное коллективное возлияние дат неуклонно стремится сравняться со средней продолжительностью года. Отказаться – значит отколоться от коллектива, который не поймет. И сделает выводы.

Однако коллектив коллективом, а организм на сей счет имел свои соображения, посему на двадцать седьмой день празднования чьего-то там юбилея он выразил решительный протест в виде то ли гриппа, то ли другой вирусной болячки – иммунитет, знаете ли, не жидкотопливный ракетный двигатель, на спирте не летает. Пришлось взять больничный и налечь на куриный бульон. Вот тут-то, спустя несколько дней, и началось самое интересное.

В одну из ночей муж Ларисы был разбужен воплем супруги: «ААА!!! СКУНС!!!» Он честно попытался перейти в вертикальное положение из горизонтального без промежуточных стадий, попутно проснуться и даже заверить жену, что нет, что все нормально и что он себя во сне контролирует. Но все было гораздо сложнее. Ему поведали леденящую кровь историю о том, что под покровом ночи ТУДА забрался скунс – вон, хвост торчит (жест в сторону интимной стрижки), и теперь он пытается занориться поглубже. А в процессе гнездования портит воздух – ну этот самый, бутилмеркаптан выделяет, вот! Так что настала очередь супруга показать незваному гостю, кто в доме хозяин, а лучше так и вовсе замочить скотину

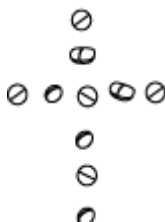
страшну, шустру и вонючу.

Супруг, постепенно начинающий подозревать неладное, стал было приводить контраргументы – мол, как мочить, если виден только хвост? Попытаться задавить гада в ходе акта исполнения супружеского долга – для тебя все что угодно, дорогая, но не будет ли тут легкого флера зоофилии? Опять же, есть риск, что негодник занорится так, что помогут только акушеры. Вытащить за хвост? Он даже сделал видимость попытки, но схлопотал по макушке и переключился на более конструктивные и менее травмоопасные методы возможной помощи. Вариант с МЧС, поразмыслив, забраковали оба – видимо, образ бравых ребят с налобными фонариками, болгаркой и прочим инструментарием, проявляющих нездоровый энтузиазм, оказался слишком ярок. Сошлись на скорой. Бригада приехала самая обычная, линейная. Видимо не желая воевать с дамой, они доставили ее в гинекологическое отделение – мол, там хоть смогут дать аргументированный отказ – с данными УЗИ и кольпоскопии... Доктора отделения, как выяснилось, уже имели некоторый опыт общения с дамами, которые обнаруживали самые неожиданные предметы в самом неподобающем для них месте. Одну из таких пациенток, которая заявляла, что у нее ТАМ работающее радио, пришлось смотреть врачебной комиссии. Скорее всего, для подстраховки, чтобы потом было легче объяснить появление психиатра в палате. А может, коллеги и в самом деле мечтали услышать ОТТУДА: «Говорит Москва!» Словом, когда Лариса поведала им о гадском скунсе, продемонстрировала хвост зверюги и похвасталась своими познаниями в органической химии, доктора дружно закивали, подтвердили, что случай, вне всякого сомнения, тяжелый, но у них на примете есть летучий отряд СЭС по дезинфекции, дезинсекции и дератизации. Один звонок – и они будут здесь. Только придется проехаться с ними, поскольку процесс деликатный, случай неординарный, а зверь редкий – не ровен час помрет, так ведь «зеленые» потом ни в жизнь такого не простят.

В итоге всю работу по смахиванию пудры с мозгов пришлось взять на себя психиатрам. К чести Ларисы будет сказано, известие о том, что скунс – это глюк, она восприняла на редкость хладнокровно – мол, глюк или нет, но давайте уже он меня покинет, а то нашел, понимаете, гнездо!

Бешеный склероз

Однажды на прием к нашему другу, тоже врачу-психиатру, пришла пациентка лет пятидесяти – пятидесяти пяти. Причем «пришла» – это громко сказано. С картинно-страдальческим выражением лица, ощупывая дрожащей рукой стену, она пересекла порог кабинета, громко заявив:

– Где у вас тут сесть. А то я не ориентируюсь.

Нашупав спинку стула, она стала медленно садиться мимо него. Сразу обратил на себя

внимание тот замечательный факт, что свою драгоценную пятую точку она опускала хоть и мимо стула, но не менее плавно и аккуратно, чем экипаж трансконтинентального авиалайнера сажает свою машину, дабы чего такого не повредить при посадке. Нарочито размашистыми движениями порывшись в сумке, от чего пол оказался усеян какими-то листовками, буклетиками и календариками, она извлекла из ее недр некую справку:

– Вот!

– Вот – что? – участливо поинтересовался доктор, предвкушая спектакль.

– Нет, кто тут из нас больной. Я была на приеме у терапевта, он меня посмотрел и написал справку, что психиатры должны дать мне инвалидность! Что тут непонятного?

– И что же с вами стряслось, позвольте полюбопытствовать?

Сделав страшные глаза, дама наклонилась поближе и доверительно прошептала:

– У меня БЕШЕНЫЙ СКЛЕРОЗ!

– Позвольте узнать с целью повышения образовательного уровня: это терапевт вам такой диагноз установил?

– Да-да, он там все написал, только я прочесть сама не могу: я читать разучилась. И писать тоже.

Доктор принялся за изучение справки, но вожделенного диагноза не обнаружил. Терапевт предполагал болезнь Альцгеймера под вопросом (вопрос в этом предварительном диагнозе был единственно правильным предположением, но терапевта винить не в чем: такие кадры и к нам-то нечасто заходят, что уж тут о коллегах говорить!) и интересовался – может, инвалидность, мол, дадите («а то она всех нас уже поимела», – читалось между строк без особых усилий и приборов).

– Ну хорошо. А что еще вы разучились делать?

– Я не могу есть. Я ложкой тычу мимо рта, меня сын кормит!

– А готовите сами?

– Сама, – спохватившись: – Но невкусно! Ой, мне плохо!

– Никогда бы не подумал. Наоборот, склероз – это самая приятная болезнь: ничего не болит и каждый день новость... У вас-то что плохо?

– Я ПАМЯТЬ ТЕРЯЮ! И ПОНЯТИЯ!

– Так и запишем: истекает, мол, памятью и понятиями. Ай-ай, это плохо, без памяти и без понятий. Без понятий сейчас никуда... А как вы нас-то, к слову, нашли? Без памяти-то?

– Добрые люди подсказали.

– Надо же, действительно добрые. С понятиями.

Путем косвенных расспросов удалось установить, что тетенька своим псевдодементным⁹ поведением терроризирует не только родного сына и невестку, но и в той или иной степени весь подъезд – то до магазина ее довести, то мешочек картошечки обратно принести – в общем, никому не скучно, и все при делах.

Самое интересное началось, когда доктор попытался донести до истекающего памятью и понятиями разума дамы, что инвалидность ей, как бы это помягче сказать, не светит. Началось утро в колхозе! Были стоны, были вопли, были попытки упасть в обморок (очень аккуратно, чтобы не помять пальто и не сбить прическу), были угрозы крестового похода в министерство, перемежающиеся криками «Где тут главврач?». Заглянувший на огонек заведующий (вот вы-то нам и нужны, Виктор Александрович!) тут же был насильно втянут в эмоциональную дискуссию о достойных инвалидности людях (у соседки Клавы – вторая группа, у Люськи тоже, у бабы Кати – первая, а я чем хуже?!) и черствых, совершенно не секущих тонкости момента докторов-садистах. Через полчаса насквозь больное создание удалилось на форсаже, напроць забыв про слеповато-глуповатое ощупывание предметов окружающей обстановки. Доктор с заведующим переглянулись и двинули на перекур. В

⁹ От «деменция», т. е. слабоумие. И «псевдо» – т. е. клиника напоминает слабоумие, но при этом на самом деле интеллект не страдает.

коридоре они вновь столкнулись с бешеной склеротичкой.

– Где справка, которую мне терапевт написал?

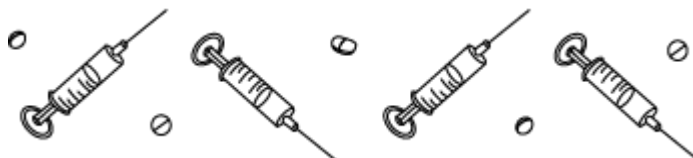
– В урну выкинул, – не моргнув глазом, соврал врач, успевший подклеить сей важный документ в амбулаторную карту.

Через час к заведующему пришла расстроенная санитарка.

– Что за безобразие, Виктор Александрович! Тут какая-то больная перевернула все урны на территории больницы. Такое впечатление, что весь мусор словно просеян. Сторожа вон тоже жалуются...

Аццкий сотона

Ходит к жене на лечение пациент. В миру его зовут, предположим, Артем. Истинное же имя нам, простым смертным, знать не положено. Впрочем, все по порядку.

Жил-был парень с простой русской фамилией. Годам к двадцати стал он осознавать – что-то в его жизни складывается не так: и друзей-то нет, и с работой ничего интересного, и зарплаты кот наплакал, и сам он собой ничего примечательного и внушающего уважения не представляет, хотя должен бы – вон какой богатый внутренний мир! Познакомился с девчонкой, женился и... взял ее фамилию. Тоже простую, но татарскую. Блажь? Ан нет, тонкий расчет. К моменту женитьбы Артему стало ясно: всем в городе заправляет татарская мафия, потому позарез нужна соответствующая фамилия. Мол, если она есть, все двери, лазейки, калитки и даже черные ходы открыты, получите, уважаемый, место у общаковой кассы! Насчет обрезания он как-то не задумывался, видимо, его планы так далеко не шли. Но время бежало, а деньги в конвертах никто не нес, нонкоитального респекта не выказывал, занять теплое место у какого-нибудь руля не звал. Что же пошло не так? Мыслительный процесс не прекращался, напоминая мартиновскую печь: старые, пришедшие в негодность идеи плавились и трансформировались, чтобы в итоге кристаллизироваться в нечто совершенно новое.

Ответ на все вопросы пришел неожиданно, поразив Артема своею стройностью и простотой: он, Артем, на самом деле и не человек вовсе! Он – дитя союза Бога и Сатаны. Ни больше ни меньше. Посему человеческая возня его не интересует. Что ему татарская мафия и родной когда-то автозавод – он сам по себе крут, как десять заповедей! Осталось дожидаться, пока родители отвлекутся от проблем вселенского масштаба и обратят взоры на забытого сына. Вот тогда он всем покажет места рачьих зимовок! Лично экскурсантов в преисподнюю наберет и сам сводит: а чего стесняться – там все свои, можно сказать, родные. На завод он, соответственно, ходить перестал: вдруг придет кто из настоящих родителей, а он на работе – неудобно получится. Перестал расписываться в документах и ведомостях: не положено сыну Божьему, да и дьявольскому в облом. Пришлось оформлять адско-небесному отпрыску группу инвалидности и лишать дееспособности. Больше всего поразил папа (биологический, не подумайте чего!): как только Артем стал инвалидом, да еще и недееспособным, тот пришел к врачу и серьезно так поинтересовался, кем теперь сын может работать. Засим повисла пауза, поскольку даже буквы в предполагаемом ответе доктора были непечатными, а врожденная

интеллигентность не позволяла все это великолепие озвучить. Так с тех пор Артем и завис меж адом и раем, периодически с надменно-неземным выражением лица посещая диспансер, – божий ты сын или чертов, а уколы делать надо!

Царь Олег. Очень приятно

Пациент, о котором пойдет речь, более десяти лет наблюдается в нашем диспансере у моего приятеля. Шизофрения, вторая группа инвалидности. Активное диспансерное наблюдение, как это предусмотрено для лиц, совершивших либо склонных совершить общественно опасное деяние. Впрочем, ничего подобного Олег себе не позволял, да и вряд ли позволит, но... Судите сами.

Манифест заболевания пришелся на конец восьмидесятых. Олег вдруг решил, что он завидный жених: как же, ему приводили свататься дочь самого Черненко, да вот Леонид Ильич Брежнев не позволил. Прямо так из могилы и заявил: не будет, мол, тебе, Олег, моего партийного благословения. Так и остался парень холостым. После расстройства предполагаемой свадьбы, а также эпизода с вымогательством у него денег (ну вы помните те лихие годы, когда каждый третий вдруг возомнил себя крутым до неимоверности) пациент уехал в деревню и занялся пчеловодством. Вопреки ожиданиям, свежий воздух и пчелы не принесли покоя мятущейся душе, и вскоре заступивший на пост президента Борис Николаевич Ельцин получил пухлый конверт из одного поволжского села от пчеловода Олега. В письме Олег предупреждал президента о том, что силы зла во главе с Леонидом Якубовичем готовят насильственный захват власти и что он, Борис Николаевич, падет жертвой американского самолета-шпиона, с которого и будет произведено коварное покушение. Далее на листе формата А4 шел подробный список лиц, которые также падут жертвами заговорщиков. К силам зла был причислен и Чубайс, обозначенный как снайпер из дзота, где окопался в качестве подтанцовки на случай, если самолет-шпион промажет.

Также загадочный пчеловод пообещал мысленно передать президенту координаты открытого им богатого месторождения нефти и попросил ментально подготовиться к сеансу передачи (время такое-то, частота ментальной волны такая-то), дескать, мне деньги не нужны, а вам для блага отечества не помешают.

В администрации президента и прокуратуре, конечно, взяли на заметку кандидатуру Чубайса как латентного снайпера-маргинала, но гневно рыкнули в сторону психиатров: мол, мы тут со своими дураками не успеваем справляться, так еще и ваши в виде бонуса добрые вести приносят! Пришлось пчеловода, вернувшегося к тому моменту в город, госпитализировать. То ли что-то пошло не так с сеансом ментальной передачи координат, то ли обиделся Олег на политико-экономическую нечуткость Бориса Николаевича, только дарить месторождение он передумал. И на пятый день пребывания в отделении на обходе попросил заведующего дать ему в долг под расписку двести миллионов долларов на нефтеразработку. У доктора при себе таких денег не оказалось, и поиск нефти был отложен до выписки.

Владимир Владимирович, сменивший на посту уставшего Бориса Николаевича, тоже не остался без внимания и вскоре получил письмо с предложением сотрудничать в области

нефтедобычи. Олег доверительно сообщил, что по сведениям, полученным из зуба, в который вмонтирован высокотехнологичный нанопередатчик, залежи нефти в районе Тольятти большие – ровно один биллион тонн. Владимиру Владимировичу с Олегом хватит. Реализовать добытое богатство он предложил через аукцион, но с одним условием: чтобы свою долю получили Юлия Панкратова, Сергей Лавров, Владимир Жириновский и любимый доктор – фамилия, инициалы. Себя же он скромно попросил назначить мэром любимого города. Также президент получил предупреждение о страшной организации врачей-убийц во главе с заведующим отделением, где лежал Олег: мол, враки это все, что там людей лечат, – там под гипнозом всем несогласным с заговором Якубовича вырезают щитовидную железу. Начисто. И человек посредством такого тиреообрезания¹⁰ становится дебилом.

Не получив внятного ответа, Олег окончательно разуверился в том, что добро когда-нибудь победит разум, а потому предпринял радикальный шаг. Он заказал фирменный штамп в одной из городских фирм, и теперь рядом со своей красивой подписью в конце письма (президенту, конечно, танки клопов не давят!) ставит печать: «царь Олег». Просто и скромно.

К исполнению.

Ван Хельсинг

Всякая ситуация имеет столько версий и трактовок, сколько человек ее наблюдают. Не считая реального положения дел. Вот, скажем, один случай: пациент с шизофренией, наблюдается много лет, имеет вторую группу инвалидности, периодически лечится в связи с обострением параноидной симптоматики. Так видим ситуацию мы, психиатры. Реальность Александра много более драматична и расцвечена в мрачно-готические тона.

Дело в том, что вокруг Александра наряду с обычными гражданами живут вампиры и оборотни. Здороваются с ним каждый день, делают вид, что ходят на работу, в школу или институт, ловко маскируя свою темную сущность за обликом законопослушного электората. Следы своих ужасных деяний они тщательно маскируют, лишь иногда мелькнет кровавое пятно в углу рта или на одежде да повеет мертвечиной. Еще собаки спасают. Они чувствуют, кто есть кто. У Александра их четыре, они – надежные помощники в его священной миссии. Если бы не он, вымер бы Тольятти. И покупала бы страна «жигули» вампирской сборки. Никому нельзя верить. Даже родственникам. Вон младшего брата уже вампиром сделали. Иначе с чего бы ему бояться священного электрошокера! Ну ничего, арсенал у Александра большой, на всех хватит. На днях опять братец-вампирыш приходил, уговаривал идти сдаваться докторам. Размечтался! Да там вампир на оборотне и Франкенштейном погоняет! Вон лет пять назад электрошоком мозги поджарили, так года три вампира от обычного человека отличить

¹⁰ От латинского названия этой железы – glandula thy(e)oidea.

не мог, все вокруг казались добропорядочными горожанами, а так ведь не бывает! Не может такого быть, чтобы все скоропостижно исчезли. В общем, спустил на брата собак. В обоих смыслах.

Нечасто госпитализация одного человека собирает вместе столько людей разных специальностей. МЧС, сотрудники ЖЭКа, милиция, отряд по отлову бродячих собак и, естественно, спецбригада. И толпа соседей в качестве массовки. Наверное, замок средневекового феодала средней руки во время осады собирал толпу заметно скромнее. Вскрыв дверь (МЧС), осаждающие столкнулись с яростным сопротивлением со стороны собачьего авангарда, которое было сломлено залпом из ружей с транквилизаторами (отряд по отлову собак). Вперед пошла группа захвата (спецбригада в лице двух санитаров); милиция в виде наблюдателей за законностью происходящего скромно стояла на пороге. Наконец упакованного в кокон вязок Александра повели в санитарку. Финалом этой драме послужили два рюкзака с арсеналом, которые вынес и положил к ногам служителей Фемиды брат (который вампир). В рюкзаках лежали электрошокеры, баллончики с газом и газовые пистолеты, вызвавшие заметное оживление в рядах милиционеров, и много-много деревянных колышков. Скорее всего, осиновых.

Злостная кверулянтка¹¹

Когда-то, во времена империи, было модно писать в НКВД: «Как сознательный гражданин и истинный патриот своей Советской Родины, преданный делу КПСС, довожу до Вашего сведения...» Те времена прошли, а люди не изменились, не ослабевает поток писем в соответствующие инстанции. Наши пациенты тоже продолжают вносить в него свою лепту.

Наблюдается в нашем диспансере пациентка по имени Галина. Со своими соседями сверху Галина находится в состоянии перманентных боевых действий. Благодаря ее бойкому перу соседи успели познакомиться с работниками ЖЭКа, мэрии города, СЭС, участковым милиционером, следователями из прокуратуры; писала она и президенту России (возможно, я кого-то упустил, простите великодушно). От этих облеченных властью лиц семья, которой не посчастливилось жить над скорбной головою Галей, узнала про себя массу интересного и интригующего. Помните Пушкина:

Сосед наш неуч, сумасбродит,
Он фармазон; он пьет одно

¹¹ *Кверулянт* – жалобщик, сутяга; психопатическая личность со склонностью к сутяжничеству.

Стаканом красное вино...

А тут похлеще, хоть и в прозе. Соседи с удивлением для себя обнаружили, что являются шайкой сутенеров, замечены в кровосмесительных связях, оргиях, повальных пьянках (может, обиделась, что не пригласили?) и прочей аморалке. А еще они, аки спайдермены, лазят по ночам на веревках к ней на балкон с коварными намерениями облить мочой и посыпать пеплом ее свежестиранное белье (видимо, такое сильное спайдерменское колдунство), а саму Галину пристрелить из незаконно приобретенного у мафии всея Тольятти пистолета. Но то ли ракурс для выстрела подводил, то ли совесть просыпалась, а до смертоубийства дело так и не дошло. Соседям пришлось потратить время и нервы, объясняясь и доказывая, что они не верблюды, тьфу, не пауки. И так много раз. К чести соседей, никаких ответных демаршей против Галины они не предпринимали и параллельной переписки с инстанциями не вели.

Есть у структуры бреда интересное свойство: если только это не истинно паранойяльная моноидея, остающаяся неизменной годами, следует со временем ожидать расширения бредовой системы с включением в нее все новых лиц и событий. Бредовая система Галины не стала исключением, и вскоре прокуратура была ошастливлена целым списком лиц с указанием, за кем какой грешок водится. Ну, соседи как закоренелые сутенеры-скалолазы-убийцы в нем первыми отметились, как же без них... Далее вор в законе (вот уж не в курсе, знал ли несчастный, что он вор), своровавший все деньги из такого-то банка, еще лиц десять с грешками помельче, а также особенно запомнившийся гражданин, воровавший электроэнергию непосредственно с Волжской ГЭС (затрудняюсь представить себе этого сверхчеловека, тырящего мегаватты с высоковольтных линий электропередач, – воображение сдается).

Одним из последних было письмо прокурору России (всея), непосредственно в Кремль. В послании она требовала «выгнать с АвтоВАЗа и расстрелять спец. Кутузовский колхозный список» (привел как есть), в составе четырех деревень: Клявлино, Кутузово, Георгиевка и Волоколамка, которые в 1941 году позорно дезертировали (четырьмя селами плюс скарб и скотина), в Вино-Сборном вырубili себе село и жили «в немецко-фрицевской предательской Родины форме», и было у них триста пушек и машины немецкие. Жили себе припеваючи, жрали людей из соседних сел (список) и получали нетрудовые доходы аж из самой Германии. А потом, не иначе как по приказу с Запада, всем скопом подались на АвтоВАЗ. А тут недремлющая Галина – получи, фашист, гранату. В общем, прокуратура нас даже просить ни о чем не стала. По тону их письма, с которым нам были переданы сии художества, было заметно, что они тоже насладились.

Вишлист

Эта история из копилки нашей подруги Татьяны. Она работает детским психиатром. Я уже высказывал мысль о том, что груши на яблоне не растут и что наследственность играет далеко не последнюю роль среди причин наших заболеваний, а тут такая роскошь! Просто невозможно отказать себе в удовольствии написать об этом.

Есть на участке Татьяны пацанчик-дебильчик, милый ребенок, только слабоумный. Более ничего – ни психопатизации, ни чего другого – ни-ни. Инвалид. Каждый год проходит переосвидетельствование, продляя группу. И вот однажды на пороге Татьянинного кабинета появляется его мама, вид которой заслуживает отдельного описания. Нет-нет, внешне все нормально, но вот... Представляете, как выглядит ребенок, когда или нашкодит, или

собирается потребовать от строгого, но справедливого родителя чего-то непотребного? Еще так может выглядеть любимый щенок, сгрызший не менее любимый тапок. Вот именно с таким видом мама этого пациента бочком пересекает кабинет, сжимая в руке за спиной лист бумаги.

– Я к вам по поводу инвалидности. И ИПР.

ИПР – это индивидуальная программа реабилитации инвалида, если кто не в курсе. Тем, у кого недержание мочи, – памперсы, неходячим – кресла-каталки, кто не может трудиться в обычных условиях (это о взрослых) – трудовые рекомендации и так далее. Но здесь-то о чем может идти речь?

– У вас же есть пункт про технические средства реабилитации? Так вот я тут набросала примерный список того, что нам нужно.

И с этими словами она разворачивает на столе перед доктором свой листок.

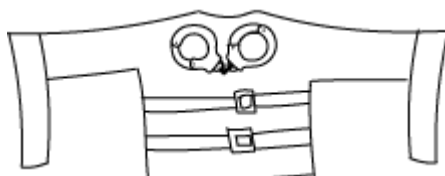
Друзья мои, вы все знаете (кто-то у кого-то видел, а кто-то грешен – писал сам), что такое wishlist, или хотелочка. А Татьяна, человек в интернетских заморочках неискушенный, увидела впервые.

– Телевизор, компьютер, стиральная машина, велотренажер, массажер... Ну вы бы еще вписали горн, саблю и щенка бульдога! Или автомобиль.

– Ой, а что, автомобиль можно? Давайте я впишу, спасибо, как-то не подумала! – радуется дама и тянется за ручкой.

Маниакальное

При слове «маниакальный» гражданину, неискушенному в вопросах психопатологической терминологии, рисуется этаким убивец со всевозможными гаджетами, от скромного ножичка до вполне заDOOMчивой бензопилы. На самом деле все несколько иначе, и вместо вышеописанного коварного субъекта гражданской наружности нашему взору чаще всего предстает энергичный человек с блеском в глазах и приятной улыбкой, с полуслова понимающий собеседника и поразительно тонко подхватывающий любую нотку его настроения.

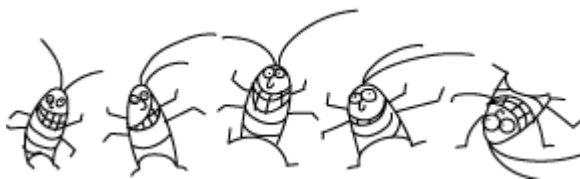
Строго говоря, маниакальный аффект в его классическом варианте характеризуется триадой: повышение настроения вплоть до ощущения счастья, восторга, экстаза – это раз; ускорение темпа мышления (я думаю нормально, а окружающие – ручные тормоза от поездов дальнего следования) – это два; громадьё планов, целей и задач (гипербулия) с бешеной активностью по их осуществлению – это три. Минус критика к мыслям, оценкам и поступкам. Сна нет, но нет и необходимости в нем – не время спать, когда так прет. И энергия, море энергии!

Представили. А теперь представьте начальника среднего звена Очень Большого Завода, находящегося в таком состоянии. Это случилось больше десяти лет назад. Товарищ Икс, придя на службу очень рано, развил чрезвычайно бурную деятельность. Получили утренний втык слегка охреневшие от такого напора директора производств, получили втык не менее

охреневшие директора смежных предприятий, но все это были марципанчики! Созвонившись с зарубежными партнерами, товарищ Икс то ли ошастливил, то ли озадачил их многомиллионными контрактами от своего имени. На вполне закономерно возникший вопрос: «Ху из мистер Икс», – оный спохватился, промолвил нечто вроде: «Ах да, вы ж еще не в курсе, бедолаги», – и издал приказ, согласно которому он, такой-то и такой-то, увольняет такого-то и такого-то с должности гендиректора, а сам, так уж и быть, милостиво изволит занять его кресло. Бо не фиг хорошему предприятию болтаться без жесткой, но ласковой хозяйской руки.

Тут-то окончательно пришедшие в себя прочие начальствующие лица содрогнулись, подскочили и (кто-нибудь помнит телефон психбригады?) поскакали принимать меры. Это был триумф нашей барбухайки! Никогда еще на КПП завода их не встречали столь радушно. Ну разве что хлеба-соли и ковровой дорожки немного не хватало.

Шизофазия

Был у меня на участке интереснейший пациент. Сейчас он живет в деревне, и о его дальнейшей судьбе мне ничего не известно. Шизофреник с многолетним стажем, инвалидность, недееспособность – полный букет. Не считая дефицитарной симптоматики¹² (куда ж без нее) и одной особенности, которая превращала каждый визит в шоу. Какая особенность? Шизофазия.

Определение можно привести, порывшись в Википедии: «Шизофазия (в отличие от словесной окрошки, потока несвязанных слов) – психиатрический симптом, выражающийся в нарушении структуры речи, при котором фразы строятся правильно, однако не несут никакой смысловой нагрузки, иногда с повторяющимися речевыми оборотами». А вот как мы общались с ним, что называется, в реале.

– Здравствуйте, Михаил.

– Михаил не Михаил,
Всех соседок я покрыл,
Мохнорылый семикрыл,
Винторогий словофил.

– Как ваши дела?

– Дела как дела,
Грыз наемдни удила,
Мамка хера привела,
Чуть ежа не родила.

Все это говорится на одной ноте, без какого-либо выражения вообще, с лицом, на котором застыло выражение отрешенного благодушия. Такими, наверное, бывают юродивые на паперти. Старушка мать, пришедшая с великовозрастным чадом на прием, укоризненно

¹² Дефицитарная симптоматика – выпадение отдельных психических функций, следствие утраты каких-то звеньев психической деятельности.

качает головой:

– Миша, как не стыдно!

– Стыдно – не видно,
А видно – завидно,
А нет – так и ладно,
Невнятно, понятно.

– Выпишу вам, Михаил, таблеточки, будете пить.

– Таблетки пить —
Печень растить,
Мыслей не думать,
Детей не родить,
Мать их етить.

Выписываю рецепты, объясняю маме, как давать лекарства (хотя она уже и так все лучше меня знает), прощаемся. Михаил задвигает очередной стишок, потом хитро смотрит на меня и полушепотом доверительно сообщает:

– Доктор, вербализация —
Это стыд, и стыд ужасный,
Это грех, и грех опасный.
Кто снимет копию мою,
Пускай ступает во хмелю,
Кто снимет копию мою,
Пускай ступает во хмелю.

Овидий Назон Гай Юлий анекдот.

Подмигнув, он покидает кабинет. Я скучаю по этому пациенту. С кем он там играет в шахматы? Не споил ли его местный электорат?

Авторское право. И лево

Характер болезненных переживаний наших пациентов напрямую зависит от условий, в которых они живут и воспитываются, а также от личностных и интеллектуальных свойств: так, дебил если и услышит в своей голове чьи-то голоса, то теорему Пуанкаре они с ним обсуждать, скорее всего, не будут. По той же причине перевелись у нас Наполеоны и Кутузовы. Их место заняли другие, не менее одиозные, по меркам современности, личности.

Когда я работал в женском отделении психиатрической больницы, к нам поступила дама балзаковского возраста в маниакально-бредовом состоянии. Чрезвычайно яркий макияж – театр Кабуки нервно жует бамбук: что-то невообразимое, невообразимых же оттенков, на голове, а главное – этот особенный блеск в глазах. Ну и вся маниакальная триада – настроение, мышление, моторика... В приемном покое ее приняли, оформили, переодели, санитарочки отвели в палату. Тут-то и началось представление. Причем в буквальном смысле.

Войдя в палату, больная всем улыбнулась, небрежно поклонилась, взяла в руку воображаемый микрофон:

– Ну, здравствуйте, дорогие мои. Знаю, знаю, как вы по мне соскучились... – И хорошо поставленным голосом с легкой хрипотцой запела песню «Арлекино».

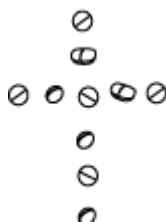
Неизбалованные свежими впечатлениями пациентки встали полукругом и начали хлопать в ладоши. Из числа дам помоложе и порезвее нарисовалась подтанцовка – этакий «Тодес» под галоперидолом. Представление было прервано где-то в районе третьей песни, когда в палату с криком ворвалась чрезвычайно сердитая больная:

– Ах ты, самозванка! Это я Алла Пугачева, люди, не верьте ей! – И вцепилась новой пациентке в волосы.

Как-то стихийно круг больных разделился на два лагеря поклонниц, что определило зрелищность и масштабность палатного побоища. Четко действовали санитарочки, которые сновали между участницами спонтанного шаша, всплескивая руками и приговаривая: «Ах, батюшки, да что ж такое творится, прямо срамота!» – ловко набрасывали одеяло то на одну, то на другую больную, выводя их из зоны конфликта, пока не остались две главные героини. Женщин разняли, и до конца лечения они находились в разных палатах. Во избежание.

Батюшка

У психиатрии непростые отношения с религией. С одной стороны, психиатрии как дисциплине научной пристало на веру ничего не принимать, посему откровения пророков рассматриваются лишь как материал для ознакомления и с целью повышения общеобразовательного уровня. Относительно самих пророков и мессий выдвинуто немало предположений, особенно по части психопатологии. С другой стороны, предмет, являющийся объектом внимания психиатров, сам не поддается измерению и не может быть представлен к столь же тщательному осмотру и анатомированию, что и брэнное человеческое тело. Посему на многие вопросы ответ «бог его знает» остается преобладающим.

Сейчас между психиатрией и РПЦ установилось некое подобие негласного перемирия. Психиатры не щурятся пристально на заявления пациентов о том, что они блюдают пост и ходят на литургии, а священники убеждают прихожан из числа наших больных, что Господь одобряет не только горячую, от сердца, молитву, но и регулярный, от участкового психиатра, прием лекарств. Более того, у нас при дневном стационаре открыт храм Святого Пантелеймона.

Мне приходилось общаться с разными священниками, одного даже довелось лечить. Более же всего запомнилась мне беседа с одним батюшкой. Весь облик этого священника можно охарактеризовать словом «породистый»: батюшка высокий, статный, плотно сбитый, крест отклоняется от вертикали на должный солидный градус, борода лопатой, густящая, но главное – взгляд. Такой добрый-добрый. И с лукавой искоркой. И бас. Таким не то что бокалы – чугулки крошить можно. И степенные, экономные движения. Перекрестил – что душу заштопал. Не идет – шествует. Сразу видно, Божий человек. Такому на исповеди и не захочешь, а поведасешь, с кем, когда и сколько раз, не считая размеров взятки, данной-взятой намеренно.

В нашем разговоре речь зашла о том, какова, с точки зрения церкви вообще и батюшки в частности, причина психических расстройств.

– Ну, сын мой, с неврастением все более-менее понятно. Сие страдание суть наказание души за грех гордыни. Не оценил человек истинного запаса своих душевных сил, возомнил о себе больше, нежели чем на самом деле из себя представляет, – вот и растратил лишнего. Вот тебе и страдания, и душа комком за грудиной сжалась, и члены затряслись, и сердечко бьется трепетно, да и от любого звука-блика вздрагивает аки заяц под кустом.

– А, положим, обсессивно-фобические явления?

– Это, чадо мое, есть одержимость. Демонические мысли.

Брови святого отца чуть сдвинулись, и я почувствовал легкий дискомфорт. На месте демонических мыслей я бы поспешил убраться подальше в геенну огненную, подальше от карающей пудовой десницы.

– А истерический невроз, батюшка?

– Истерический невроз, равно как и кликушество, суть необузданный разгул страстей низменных, распущенность и отсутствие внутренней сокровенной строгости к себе. Ох и беда с такими прихожанками! От иной не знаешь чего и ожидать – то ли лоб расшибет, молитву творя, то ли под рясу к тебе полезет – мол, проникся ли отче ея срамною красотищей, тьфу ты, Господи, прости!

– А с ипохондриками что? Что по этому поводу думает святая церковь?

– Церковь, сын мой, знает. Это вы, люди светские, думаете, в том удел души вашей незрячей, чтобы к истине на ощупь брести, аки котят слепые, несмышленные. Ипохондрия сиречь сотворение кумира из своего драгоценного здоровья. Помнишь, чадо, слова о том, что тело – храм? Так вот храм-то храм, но только лишь как хоромы для души, не более. А до кого-то не дошло слово Божье; ну да что ж поделаешь, видать, пока Господь мудростью одаривал, эти охламоны в своей хоромине евроремонт делали. Или унитаз импортный ставили.

– Отче, мы с вами все о неврозах толковали. А психозы – это что. С бредом, галлюцинациями...

– А вот это, сын мой, от лукавого. С этим биться и нам, и вам. Нам – молитвой и постом, вам – галоперидолом.

– То есть одной лишь молитвой – никак? – решил я подначить батюшку.

Он взглянул на меня очень терпеливо и понимающе – дескать, иной бы огреб и за меньшее, да что с тебя, материалиста диалектического, возьмешь, окромя анализа кала на гельминты...

– Чадо, вот ежели б Богу было угодно чудеса творить направо и налево, да на оленях развезжать, да каждому подарочек под елку ховать – он бы так и делал. Да только мудрость его превелика, и чует Спаситель – зело велика в народе страсть к халяве. Дай вам поблажку, вы не то что Бога – вы как ходить и хлеб насущный добывать разучитесь, а будете только милостей кланяться да адвокатам жаловаться – мол, тут не по списку благодать снизошла да там вовремя елей с манной небесной недопоставили. Дудки! Только потом и кровью, трудом ежедневным да благодарностью превеликой за хлеб насущный. Аминь.

Я даже перекрестился, чем заслужил степенный наклон головы и одобряющий взгляд. Батюшка ушел, оставив в душе невольное восхищение и белую зависть: бывают же люди!

Диета по-нашему

Как заявил Метатрон в любимом мною фильме «Догма»: «Всякий, кто утверждает, что слышал Бога, на самом деле слышал меня или свое воображение». История общения человека и сверхъестественных существ очень обширна и уходит корнями в столь давние времена, что было бы непростительной смелостью пытаться ее проследить. По долгу службы нам чаще приходится работать именно с теми, кто вместо голоса Бога слышит свое воображение.

Как-то пришла ко мне на прием пациентка, которая наблюдается в диспансере много лет. Обычно ее визит проходит по стандартному сценарию: приехала, доложила о состоянии, пожаловалась на жизнь, получила лекарства, уехала. Но тут сразу возникло ощущение, будто что-то не так. Это ощущение трудно объяснить словами, оно вырабатывается с опытом, в процессе наблюдения за пациентом. Ты видишь походку, мимику, выражение глаз – и мозаика складывается.

- Что с тобой случилось?
- Я за две недели похудела на семь килограммов.
- Ничего себе диета!
- Это не диета, это Бог.
- В смысле? Сделал липосакцию? Поставил целебную клизму?
- Нет. Он запрещает мне есть.
- Опаньки... То есть так и говорит – мол, не ешь еды, Гертруда?
- Не-е, он не говорит – он дает понять, что он так хочет.
- А ты не пробовала его не слушаться?

На меня посмотрели как на вандала, устроившего в местном соборе конкурс гангста-рэперов.

- Если я его не послушаю, он порвет мой мир.
- Это как это?
- Он уже делал мне ощущение, что мир мой разрывается на части, и от этого мне помогал только галоперидол.

– Ну галоперидол вообще страшно крут и радикален, просто чудо-оружие в руках воинствующего атеиста. А ты уверена, что это Бог? Таких поступков как-то больше ждешь от лукавого, право слово.

- Он дает понять, что он Бог.
- Ну да ладно. Не буду тебе подсказывать радикальный мусульманский метод дифференциальной диагностики Бога и шайтана. Мы пойдем другим путем. В отделение.
- Ой, спасибо, доктор. А то кушать очень хочется...

Лицо психдиспансера

Есть у косметических компаний и глянцевого журналов такой ход – выбирать известную модель или актрису в качестве «лица». Ярко, запоминается и создает нужные ассоциации. Если нашему психдиспансеру позарез понадобится кандидат на подобную роль, то есть мнение, и не только мое: это Саша.

Саша – давний и всеми любимый больной. Органика со слабоумием, эпизодические эпилепсии¹³. При этом – безобиднейший человек, который почти все свободное время проводит на территории дурдома, причем по доброй воле: тусуется похлеще Тимати, общается с другими больными, стреляет деньги у пришедших на водительскую комиссию, чтобы купить в буфете сигарет или чайку. Впрочем, зная Сашу как родного, чай ему наливают и так, Христа ради. Внешне – классический юродивый с паперти, вплоть до косоглазия и неполного набора зубов, а также жутко невнятной дикции, почти без согласных. Мы даже интересовались, не калымит ли он около какой-нибудь церкви, на что Санек разразился длинным плаксивым монологом из гласных букв, с явным преобладанием нецензурных их сочетаний, из коего следовало, что на любой паперти существует жесткая конкуренция, царит голимый протекционизм, да еще и крыше надо отстегивать. Кому конкретно отстегивать, мы так и не поняли и долгое время перебирали варианты, но Саня никого не сдал.

Одевается Саша соответственно ситуации и поставленной цели. Если пришел тусоваться – одет неброско и относительно аккуратно. Если пришел проситься в отделение – почти наверняка наденет телогрейку с надписью хлоркой на спине «шуба лисья», драный малахай и трофейные валенки времен бегства Наполеона из России. А один раз он сразил нас на месте. Уже подходя к крылечку родного дурдома, мы обнаружили Саню вальяжно восседающим на лавочке в ослепительно-белой рубашке, черных брюках с отутюженными стрелочками – муха, пролетая, крылышки порежет – и в черных солнцезащитных очках а-ля «Men in black», хотя куда им! Наш Саша такой охотник за глюками и бредовыми фабулами на тропе войны с атомным мегатомагавком, что Уилл Смит роняет скупую мужскую слезу и лезет в карман за антидепрессантом! Слегка обалдев, мы приблизились и спросили суперагента, чего это он сегодня такой красивый.

– Кто куда, а я по бабам, – гордо заявил тот.

– Везет некоторым... А мы вот на работу, – вздохнули мы с женой, поднимаясь на крыльцо.

Как-то раз мы с Сашей разыгрывали психотерапевтический спектакль. Пришел ко мне несознательный гражданин, который был пролечен от алкоголизма и клялся-божился, что уж теперь-то точно в течение года – ни грамма. Опять же, и срок блокады был годичный. Так нет же, через восемь месяцев выпил и приехал с претензией: а почему это Высоцкий выпил и умер, а мне всего лишь нездоровится? Срочно требовались реабилитационно-воспитательные мероприятия с элементами показательной порки. На счастье, Саша тусовался в диспансере. Снабдив его запасом сигарет и сладостей, я объяснил ему, что надо делать. Через пять минут моей беседы с несознательным товарищем дверь в кабинет приоткрылась и в прогале нарисовалась жалобная физиономия.

– Максим Иванович, помогите, мне плохо, снова припадки начались, просто сил нет!

– Саша, я ведь предупреждал тебя после второй блокировки, что наш метод гуманный, но шуток не прощает.

– Что же мне теперь делать?

– Поздно, мой друг, поздно. Теперь – только регулярно ходить на прием.

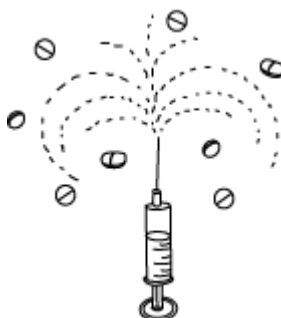
¹³ *Эпилепсия* – эпилептический припадок.

– Ааааа, какой же я идиот!

Сорвавшийся товарищ ошарашенно выслушал наш диалог и решительно заявил, что ему нужна повторная блокировка на максимальный срок и что отныне пусть только кто-нибудь заикнется при нем насчет выпить – ух, он ему! Только пусть доктор скажет честно – после первого срыва ведь такого сразу не бывает, да?

В общем, пора брать Сашу в штат.

Мнительность

Однажды по телефону позвонила женщина и, перемежая полезную информацию всхлипываниями, попросила проконсультировать ее дочь, поскольку у той «послеродовая депрессия и даже психоз». Идти на обычный прием обе – и мама, и дочь – отказались категорически, поскольку за пару дней до этого имели в другом городе беседу с психиатром, и он «такого наговорил, что мы до сих пор в шоке». Я даму успокоил, как мог, клятвенно заверил, что «проконсультировать» и «госпитализировать» – это не синонимы, из них даже рифма так себе, на уровне непроплаченного слогана... Договорились о встрече.

Встретились, начал расспрашивать, чувствую – не то. Ну вот хоть ты тресни, нет ощущения, что человек болен! Да, последние пять дней плохо спит, да, три дня толком не ест, но при всем при том – живые, адекватные ситуации эмоции, мимика, выражение глаз. Расспрашиваю, с чего весь сыр-бор. Оказывается, что женщина всю жизнь отличалась мнительностью и тревожностью. Как и ее мать. Как и бабушка. Ну мнительность и мнительность, учиться, работать и выйти замуж она никоим образом не помешала. Родился ребенок, вполне здоровый, настало время делать прививку от полиомиелита. Сделали, хотя мама и попереживала – дескать, случаются осложнения, как бы вдруг чего... И все, возможно, переживаниями и ограничилось бы, ан нет. Вечером домой позвонила жутко бдительная и страшно инициативная медсестра и поведала леденящую кровь новость: мол, прививку-то вы сделали, а о том, что у ребенка признаки рахита, не знаете. Доктор забыл сказать, ну так я вам говорю. Вот, собственно, с этого звонка-то все и началось. Пошла себя дама накручивать: рахит – значит, я плохо за дитем слежу, я плохая мать, я вон и грудью-то толком его не кормила, искусственник, вот и заболел, а мы ему еще и прививку, а осложнения, а то, а се... На следующий день тревожно-мнительные мамаша с бабушкой вдвоем прискакали в поликлинику и поставили всех на уши. Неважно, что никакого рахита не оказалось, а всего-то лишь подозрение на оный. Решили взять анализ крови. Ребенок вполне справедливо возмутился таким нарушением целостности своих кожных покровов, у старшей мадам стало плохо с сердцем, младшая разревелась – ну правильно, жалко же. И все бы, опять же, ладно, но это только принято считать, что снаряд дважды в одну воронку не падает. Нет, господа, как показывает практика, чаще всего снаряды продолжают упорно гвоздить указанное место, пробивая ход к Австралии! Все та же медсестра произнесла контрольную фразу: «Ее бы психиатру показать, вон какую она истерику выдала...»

Сказано – сделано. Для любимой дочери мама по суперблату нашла специалиста аж где-то в другом крупном городе, договорилась о встрече, и семья тронулась в путь. Встреча не задалась. То ли врач был излишне увлечен фрейдистским толкованием всего и вся плюс

слишком настойчиво выпрашивал, какие наркотики и какое спиртное предпочитает юное создание (ну человек всю жизнь занимается наркологией, отсюда и штиль, и деформация), то ли сама консультация, загадочным образом состоявшаяся в двенадцать ночи, была для него на текущие сутки лишней, да только все закончилось слезами со стороны консультируемой и мрачно-неопределенными прогнозами со стороны консультанта. Чтобы не отпускать пациентку уж совсем без рекомендаций, он выписал пару препаратов – снотворное да глицин, который еще никому и никогда не вредил, наказал принимать всенепременнойше и – внимание, третья контролочка – взял расписку, что такая-то и такая-то снимает с доктора всю ответственность за свою дальнейшую судьбу. Вот после этого визита сон и аппетит пропали напрочь. Мало того что она плохая мать, мало того что ребенка запустила, так еще и сама психически больной оказалась. Доктор зачем расписку взял? Посмотрит данные, подымет адрес, отправит свою запись по месту жительства – и привет, получите место в уютной палате! Абзац котенку!

Уже не могу в точности припомнить всех слов, которые я изыскал, дабы успокоить: что такие молодые и красивые интереснее мужьям, нежели дурдому; что психбольница не резиновая и на всех желающих мест не хватит; что очередь расписана на три квартала вперед и никакие уговоры не помогут; что письмами из чужих городов главврач топит печку долгими холодными вечерами... И кто вам вообще сказал, что вы – психически больная. А подать-ка его сюда, пусть взглянет в глаза мои суровые! Мнительность, милая, – это хорошо. Почему? Она – ваш ангел-хранитель. Она много раз не давала вам наделать глупостей. Просто вы, солнышко, устали: ухаживать за ребенком, да еще и с вашей мнительностью – жутко утомительное занятие. Я бы мог назначить курс лечения, но не буду. Лечить вас от вашего характера даже Богу не под силу, а моя жалкая попытка и вовсе бы потянула на манию величия. Вы, кстати, не заметили, что за все время нашей беседы я так и не спросил, как вас зовут. И не спрошу. Ступайте.

Вчера звонил радостный муж. Несостоявшаяся пациентка четыре ночи спит как совесть депутата, с аппетитом ест и обещает дать в глаз первому, кто назовет ее ребенка рахитичным.

Кукушка

Эта история из копилки еще одного доктора-психиатра, нашего друга. Есть у него на участке больная шизофренией со второй группой инвалидности. Сыну девятнадцать лет, муж давным-давно сбежал. На прием пациентка ходит регулярно, делает пролонги¹⁴, последние несколько лет все было тихо и гладко. До последнего визита, когда она вдруг заявила, что теперь ей нельзя принимать лекарства.

¹⁴ *Пролонги* – форма выпуска нейролептиков, препараты длительного действия. Даются в среднем раз в месяц. Удобны тем, что пациенту не надо каждый день пить таблетки, а врачам, соответственно, не нужно следить за тем, пьет пациент лекарства или нет.

– Это еще пуркуа?
– Я беременна, доктор.
– Поздравляю. Ну что ж, действительно нельзя.
– И вот еще что. Мне нужна справка о том, что мне можно вынашивать и рожать, а также направление на другое УЗИ.

– Ну со справкой никаких проблем, а что не так с УЗИ?

Тут пациентка извлекла из недр дамской сумочки (вы такие знаете, с четвертым измерением, где все вечно теряется) снимок УЗИ и лист с записью специалиста, где тот писал, что ни в чем не уверен, но все возможно, и беременность предположительно есть, если дама так настаивает. Александр Алексеевич, наш приятель, восхитился – это надо же было так индуцировать¹⁵ доктора!

– Да вы сами убедитесь! Просто надо еще более подробный снимок сделать, на другом аппарате!

– Да-а... Что называется, я не гинеколог, но посмотреть могу...

Пришлось созывать консилиум, на котором доктора по очереди вглядывались в снимок, изображая мощную работу мысли, на глазах меняющую френологический облик – Ломброзо удавился бы от осознания собственной несостоятельности. По уровню латентной экспрессии сцену можно было сравнить с картиной «Депутаты Госдумы осознают величие и гениальность квадрата Малевича». Как и доктору УЗИ, явных признаков беременности никому из присутствующих найти не удалось. Наконец, Александр Алексеевич выразил общее осторожно-сдержанное мнение:

– Вы бы того... поосторожнее с частыми УЗИ. К чему будущего ребенка (и специалистов узкого профиля заодно) лишний раз тревожить.

– Да что с ребеночком делается! Его кукушка охраняет.

– Кто?!

– Кукушка. Вот, разве не видно?

Она взяла в руки снимок.

– Вот это, – тычок пальцем в черный прогал, – ребенок. Это, – палец смещается в сторону, – кукушкино гнездо. Видите четыре яйца? Вот она на них сидит и заодно моего ребенка охраняет.

Доктора в полной тишине переглянулись. Положение обязывало сохранять спокойствие истуканов с острова Пасхи, но в голове упорно крутилась картина, достойная пера Ильи Глазунова: устало-беззлобно матерящийся ангел-хранитель, обсуждающей с кукушкой план вынашивания и родов и на всякий пожарный грозящий ей перстом – дескать, не смей подменить потом дитё своими четырьмя кукушатами, а то я твою натуру знаю! Чертики в глазах давно сменили «летку-еньку» на отрешенно-исступленное «яблочко», и для контролечки не хватало только пара из ушей.

– А сама кукушка где?

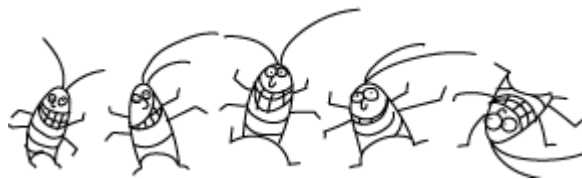
– Как где? Полетела за червячками. Скоро вернется.

Проводив даму, врачебный коллектив переглянулся и сполз на пол от смеха. Воображение упорно рисовало образ кукушки, деловито снующей туда-сюда с червячками в клюве.

Р. S. Поскольку беременности так и не обнаружилось, прием лекарств возобновился, кукушка благополучно покинула гнездо, с облегчением вздохнули взрослый сын, специалист ультразвуковой диагностики и участковый гинеколог.

Снова о родственниках пациентов

¹⁵ *Индукцированное помешательство* – разновидность психогенного заболевания, при котором бредовые идеи психически больного человека (индуктора) воспринимаются другим лицом.

История эта тоже из копилки нашего друга Александра Алексеевича. Как уже упоминалось, иногда (редко, но метко) родственники наших пациентов сами являются людьми весьма неординарными, имеющими особый взгляд на жизнь, особую логику, совершенно особый морально-этический комплекс быстрого свертывания и, до кучи, айне специале вундерваффе в виде кляузно-кверулянтской внутренней установки широкого радиуса действия. Хабитус¹⁶ такого чуда чаще всего можно заранее просчитать по безразлично-скорбной складочке в углу рта, по хронически поджатым губам, по катастрофически низкому, буквально несовместимому с мирной жизнью уровню стыда, совести и самокритики в глазах, по мертвяще-сосущему ощущению от самого его присутствия рядом с тобой.

Однако промашки бывают и у профессионалов, и Александр Алексеевич понял, что зря расслабился, только когда уже было поздно пить «Боржоми». И ведь в самом деле, кто бы мог подумать!

Объявился у него на участке дедулька с сенильной деменцией, а проще говоря – со старческим слабоумием. Ну объявился и объявился, население города не только стареть имеет тенденцию, но и с ума сходить по всяким причинам, процесс закономерный, наше дело – лечить по мере скромных возможностей и помогать в социальной адаптации. Инвалидность с недееспособностью и опекой справили, лекарство назначили. Поскольку лекарство дорожущее, то для его выписки (бесплатно, естественно) пришлось доктору собрать врачебную комиссию, чтобы обосновать коллегам и особенно начальству правильность сего назначения. Собрал, доказал, лекарство выписал. Дочь дедульки лекарство и инструкции, как его давать, получила, с доктором мило раскланялась, все разошлись довольные друг другом. Время идет, дед лекарство получает и принимает регулярно, без перебоев.

Но вот как-то раз главврач звонит Александру Алексеевичу и велит тому явиться пред светлы очи с баночкой вазелина для облегчения воспитательного процесса. Не помнящий за собой в недавнем прошлом смертных грехов доктор в полной непонятке отправился на аудиенцию, где ему с порога предъявили – дескать, хреново вы, Александр Алексеевич, дедушек с деменцией и их дочек удовлетворяете. Неудовлетворенные граждане страшны в гневе и дьявольски изобретательны в способе мести. Из-за вашей, доктор, нечуткости к их проблемам и чаяниям минздрав области поимел сначала жалобу, потом меня, а уж я-то... Вам что, лекарства (далее следовало название именно того препарата, который доктор выписал старичку) жалко?

Такого красноречия Александр Алексеевич не демонстрировал давно. Видимо, сыграла роль абсолютная необоснованность жалобы вкупе с представленной картиной жесткого порно в кабинете главврача. Непечатными были даже жесты рук и выражение глаз. Секретарь с блокнотом прильнула к замочной скважине – конспектировать. Не убавил красноречия доктора даже тот факт, что главврач – женщина. Худо-бедно разобрались, воспитательно-наказательное соитие было отменено, порешили вызвать дочь больного, чтобы прояснить ситуацию с жалобой.

Та прискакала на следующий день. На прошедший предварительно строгую внутреннюю цензуру вопрос доктора, зачем она так некрасиво поступила, дама без тени смущения посмотрела ему в глаза и ответила:

– А это, дорогой доктор, я сделала для того, чтобы у вас даже мысли не возникло

¹⁶ Хабитус – 1) внешний вид; 2) (мед.) конституция, предрасположенность к заболеваниям.

отменить папе лекарство.

Охреневший от такого своеобразного толкования понятий профилактики и превентивности Александр Алексеевич так и не нашелся что сказать и с тех пор общается с дедушкиной дочкой осторожней, чем с гранатой без чеки.

Кто куда, а мы сдаваться

Можно бесконечно долго рассуждать о том, что содержание пациентов в закрытых отделениях ущемляет их права, наносит непоправимый вред личности, скрещивать и ломать на этом поприще рога, копыта и челюсти – все равно в итоге каждый останется сидеть на своей кочке зрения. На самом деле не все наши пациенты шарахаются от психбольницы как черт от ладана. И речь не только о страдающих госпитализмом завсегдатаях отделения неврозов. Бывает, что и отделения закрытые, и у больных далеко не невращения – а не выгонишь. Опять же, не потому, что идти некуда.

Юра (пусть его зовут так) наблюдается довольно давно. Сравнительно молодой шизофреник, при этом имеет уже довольно выраженный эмоционально-волевой дефект – болезнь развивается довольно быстрыми темпами. Из стационара практически не вылезает. Инвалид второй группы, бессрочно. Оксана долго пыталась подобрать нужные препараты, варьировала дозировки, сочетания. Все тщетно, дома пациент держался от силы месяц, а чаще – около недели-полутора. Почему?

Через некоторое время все стало понятно. Оказывается, с самого первого дня поступления в стационар Юра становился тихим, спокойным, вполне довольным жизнью, лопал банальный аминазин с не менее банальным галоперидолом, будто кот деревенскую сметану, и только что не мурчал от счастья. Сон – богатырский, аппетит – ему под стать, настроение – даже сквозь броню дефекта видно, что хорошее. Слоняется взад-вперед по коридору, временами перекидывается парой-тройкой фраз с другими больными, одним глазком поглядывает, что по телевизору кажут. Ухудшение начинается незадолго до выписки. Юра делается тревожен и задумчив, о чем-то спорит сам с собой, сам с собою же не соглашается и на себя же сердится и матерится. Выписывается он неизменно с вселенской тоской в глазах и тем особым отрешенно-мученическим хабитусом, что мог бы сподвигнуть Илью Глазунова написать что-нибудь эдакое, эпически-апостольское, с легким налетом садомазо.

Можно к гадалке не ходить – на третий день после выписки вещи будут аккуратно сложены, а Юра начнет нарезать круги по дому, будучи охвачен чемоданно-госпитальным настроением. Все увещания мамы – мол, я тебя еще домашней едой не откормила, на дачу не свозила, родственникам не всем показала – окажутся тщетны. Сын будет непреклонен: только массовые госпитализации спасут Родину, и начинать надо с него! Это притом, что мама души в сыне не чает, всячески о нем заботится, старается приодеть, чем повкуснее накормить... бесполезно. И нет никаких признаков того, что у Юры, к примеру, бред отношения или воздействия, что он маму мнит каким-нибудь демоном или колдуньей особой вредности – ничего подобного. И «голоса» ему давным-давно ничего интересного не рассказывают. Просто Юре в отделении лучше и спокойнее. Мама даже гадала, не приглянулась ли сыну медсестра какая или санитарка, – но нет, никто не признается. Помыкавшись на воле (век бы не видать!) несколько дней, Юра вприпрыжку несется в приемный покой. Не завидую пикету борцов с карательной психиатрией, окажись они у Юры на пути. Нельзя людям с неокрепшей психикой получать такой мировоззренческий

поджопник. Уже в дверях он старательно прощается с мамой: мол, орехуар, сама не приходи и передачи не носи. О, эта томительно-сладкая процедура оформления истории болезни! О, этот наизусть знакомый путь до отделения! Закрывается, щелкнув замком, отделенческая дверь. Всем спасибо, все СВОБОДНЫ.

Повелительница глистов

Пришла ко мне на прием пациентка пятидесяти с лишним лет. На руках – направление от невролога на консультацию. Интересуюсь, что ее беспокоит, и получаю в ответ жалобы на головную боль и общую усталость. И все. И все, а разве что-то еще должно волновать? Пытаюсь выяснить, с чем и почему направил невролог, поскольку в направлении на консультацию написан только жутко интересный предварительный диагноз «Консультация». И ни одной наводящей фразы. Дама вспомнила, что в речи доктора звучало что-то вроде нервного истощения и депрессии.

– У вас сниженное настроение?
– Не то чтобы сильно сниженное: так, есть проблемы.
– Что за проблемы, если не секрет?
– У меня завелись глисты.
– Поправьте меня, если я ошибаюсь, но вам стоило бы обратиться к инфекционисту.
– Дело не в этом. Они завелись у меня в квартире.
– Э-э-э, еще раз прошу прощения, вы имеете в виду таких маленьких червеобразных бомжиков, живущих в теле человека без прописки и разрешения хозяина, или это вы так ласково зовете домочадцев?

– Нет-нет, я живу одна. И сама глистами не болею. Они просто завелись у меня дома, и теперь от них спасу нет: на кровати, в шкафах, в посуде – они везде! Это у меня еще зрение хорошее, и я их вижу. Никто больше не может их разглядеть – ни соседи, ни участковый терапевт.

– Боже, вы и терапевта вызывали, чтобы он на них взглянул. И он приехал? Вот это, я понимаю, преданность делу! – Я пытался представить себе участкового терапевта, отважно прибывшего посмотреть на рассадник гельминтов. Почему-то в обязательной атрибутике присутствовали костюм бактериальной защиты и коктейль Молотова. И много, много спирта. – Нашел?

– Нет, у нее тоже зрение не очень, а микроскоп она забыла в своем кабинете. Очень советовала показаться психиатру, сказала, что это от стрессов все.

– А вы?

– А что я? Я-то знаю, откуда они завелись, уж точно не от переутомления. Просто я окно раньше открывала с северной стороны, у меня там москитная сетка, а теперь там ездит много

машин, шумно очень, и я стала открывать окно с южной стороны. Сетки на нем нет, вот они и налетели. Как раз под окнами собак выгуливают, они гадят, а глисты ко мне летят. Всего-то третий этаж...

Образ мелких крылатых глистов, стройными рядами устремляющихся в гостеприимно распахнутое окно, поразил меня до глубины души. Возможно, кто-то нарисовал бы себе вполне по Фрейду картинку: червячки, крылышки, раскрытые окна... Мне же, падла, нарисовался молочно-белый многочлениковый Кетцалькоатль, ехидно матерящийся и распадающийся на кучу шустрых хихикающих фрагментов. Отогнав эту делириозную картинку, я вернулся к беседе:

– И как вы с ними боретесь?

– Перетрясла все белье. Все перестирала. Купила себе парогенератор, теперь все обрабатываю.

– Помогает?

– Ненадолго. Полдня от силы – и снова налетают.

Беседа продолжалась долго. Параллель, которую я упорно пытался провести между крылатым глистом и галлюцинацией, каждый раз успешно херилась отсутствием критики (с другой стороны, какой критики я хотел от галлюцинирующего пациента?) и сворачивалась похлеще клубка аскарид. Мол, где логика, доктор, – пью галоперидол я, а исчезают они? Стойте-стойте, тут какая-то нестыковочка. Может быть, лучше будет его растолочь и по углам посыпать (тут у меня было огромное искушение посоветовать зарядить им кадило и пройти с молитвой по всем углам, и поглубже, поглубже вдыхать)? Все, чего я смог добиться, – это обещания заглянуть, если нарушится сон (у нас такие лекарства!). Показаний для недобровольного лечения нет, пациент лечиться не желает. Все. Дальше будем ждать. Скорее всего, мне все же удалось заронить в ней зерно сомнения в рациональности происходящего.

All that she wants¹⁷

Порой, анализируя природу неврозов у молодых замужних женщин, приходишь к выводу о том, что, сколько ни говори о достижениях ученых, пославших прогресс куда подальше, и о самом прогрессе, что обиделся и ушел весьма далеко, с природой не очень-то и поспоришь. И если женщина начинает засматриваться на чужих детей в колясках, умиляться при виде витрин с одеждой для младенцев и с некоторой завистливой ревностью поглядывать на своих беременных ровесниц – настоящий благородный муж должен обеспечить немедленную сбычу мечт. И не волнует, что на дворе кризис, в Европе адронный коллайдер, в мире такое холодное глобальное потепление, китайцы облизываются на Дальний Восток, а родная футбольная сборная раздражает даже больше, чем Госдума.

Невнимательность к исполнению своего священного боевого супружеского долга (по сути и результату, товарищи мужчины, а не по букве, с томиком «Камасутры» и презервативом наперевес!), а также бредовые идеи о равноправии и, ерго, равнообязанности супругов в постройке семейного бюджета (дорогая, может, еще немного поработаешь, тебе прочат карьерный рост, и вообще ты у меня такая бизнес-вумничка...) опасны. Чем? Все тем же невротическим конфликтом. Между хрустальной мечтой и пресово-кузнечной якобы необходимостью. Примеры. В недалеком прошлом целых два за один рабочий день, с

¹⁷ Все, чего она хочет (англ.).

интервалом в полтора часа. Закон парных случаев в действии.

Случай первый. Дама двадцати шести лет, бухгалтер, муж – на неплохой работе с приличным заработком, детей нет. Почему? Строим загородный дом, доктор, все как-то не до того (невыразимая печаль в глазах), муж просит подождать еще пару лет... Что в итоге? Дама второй раз за полгода успела пролечиться в дневном стационаре с субдепрессивно-ипохондрической симптоматикой (плюс истерические нотки) и уже готова сдать в отделение невротиков: за грудиной и в кишечнике жжет (есть нет никакой возможности), руки периодически сводит (писать нет никакой возможности), голова то немеет, то раскалывается (какая, нафиг, бухгалтерия, какие, к Фибоначчи, числа!). Ну и так, до кучи – слезы, безысходность, ощущение «самая несчастная в целом мире я», бессонница.

Второй даме тридцать, работала бухгалтером, умничка-лапушка, мамина дочка, домашняя девочка, недавно уволилась, познакомилась с мужчиной своей мечты, на носу свадьба. Но вот незадача – будущий муж считает, что специалисты такого полета должны приносить городу славу, а семье – денежку в клювике. К рождению ребенка он и вовсе как-то не готов: как так – не успели пожениться, и вдруг ребенок; опять же, с мамой надо посоветоваться... В результате у дамы впервые в жизни возникла невротическая реакция: все те же подавленное настроение и безысходность с эпизодами тревоги, чувством заложенности за грудиной – «будто камней навалили», вялостью и разбитостью, рассеянностью, отсутствием аппетита (потеряла пять кило за месяц) и все тем же жжением, но блуждающим по всему телу. И панический страх перед работой: вдруг, мол, не оправдаю доверия, вот стыд-то будет!

В итоге с интервалом в полтора часа рассказывал им обоим историю про третью даму, с участка моей жены. Знакомство Оксаны с пациенткой началось с визита супруга последней. Тот влетел в кабинет, с глазами, как у перепуганного лемура, и стал упрашивать доктора вот прямо сейчас съездить посмотреть благоверную, ибо случилось страшное: лежит и не встает. Со вчерашнего дня. Шла с рынка, где работает продавцом, ноги стали подкашиваться, еле добралась до дома, а там и вовсе слегла. Нет-нет, до туалета под руки водим. Главное – не отпускать, иначе упадет. Нет-нет, не падала, но предупреждала, что может. Поехали смотреть. Пациентка действительно лежала в кровати и напоминала парализованную сову, то есть могла только поворачивать голову и моргать огромными глазами. В ходе сбора анамнеза выяснилось, что у супругов есть взрослая дочь, они собирались обзавестись вторым ребенком, да решили немного подождать, плюс мужу подвернулась работенка – гонять фуры куда-то ну очень далеко, по месяцу дома не бывает, на носу еще один рейс... В общем, команду «сидеть, рядом!» мужу подавать не пришлось, он оказался догадливым товарищем, а курс из десяти инъекций реланиума и упаковки алпрозолама сотворил чудо с восстанием с кровати и выходом на работу. Через годик родился второй ребенок, а невроз напоминает о себе лишь изредка, на фоне переутомления, и выглядит как мимолетная слабость в ногах, которая быстро проходит. Ребенок здоров, муж рядом, работает в пределах города – что еще нужно для тихого семейного счастья. В общем, хана неврозу.

Обе дамы, судя по блеску в глазах, очень воодушевились предстоящей семейной беседой. С меня с интервалом в полтора часа было взято две клятвы «объяснить ему, что это не моя придурь, а его счастье!»

Ах, какая женщина!

Всю жизнь мы проводим в погоне за счастьем. При этом на разных этапах нашего жизненного пути этот зверек-метаморф приобретает самые различные черты, мимикрируя под нечто вполне осязаемое и понятное, но отчего-то перманентно недостижимое. Школа без троек, институт без взяток, девчонка с курса, квартира, жена соседа, машина как у людей, жизнь без геморроя, билетик в рай, хотя бы на галерку... А можно ставить перед собой конкретные маленькие задачки и быть пусть немножечко, но постоянно счастливым от того, что они все решаются и решаются.

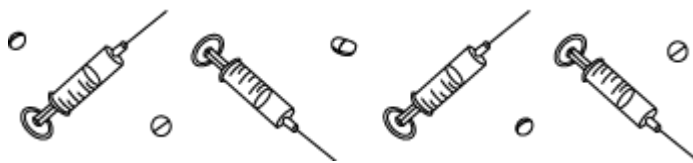
Ходит к жене на прием одна пациентка, скажем Гюзель. Даме лет пятьдесят, из которых она более двадцати больна шизофренией. Само заболевание, к счастью для нее, обострения дает нечасто, в основном с бредом отношения (сослуживцы, как ей кажется в эти моменты, говорят про нее за спиной всякие гадости, обсуждают подробности ее личной жизни, подсиживают и только о том и мечтают, как бы выпереть несчастную Гюзель с работы). Поскольку Гюзель дама деятельная и обиды копить не привыкла, она довольно быстро дает аффект с разборками почище индийских сериалов – тех, где звонкие пощечины и пронзительный плач главной героини о загубленной жизни, несправедливости окружающего мира с элементами неверия в победу добрых сил.

У Гюзели две взрослые дочери, которых она сама вырастила, воспитала, которым помогла получить образование: пусть колледж, но это уже кое-что. Квартира ухоженная, с полным набором постоянно обновляемой бытовой техники и вовремя производимым добротным ремонтом. При этом должность, которую она занимает на заводе, даже близко нельзя назвать высокооплачиваемой. В чем секрет? В мужчинах. Только за период, который знает ее Оксана, мужчин было пять. Чем она их берет? Напором, обаянием и большими миндалевидными черными глазами. И чем-то неуловимо отстраненным, словно не от мира сего. В ходе длительного амбулаторного наблюдения замечено, что каждого нового избранника хватает на период от выписки из стационара и до следующего обострения. Меня покоряет логика и целеустремленность этой чудо-женщины: сознательно отказавшись в принципе от погони за мужем и штампом в паспорте, она ставит перед собой совершенно четкие задачи: обставить квартиру, одеть, накормить и обучить дочерей, а себя, любимую, не оставить без необходимой дозы мужских гормонов. Как настоящий управленец, она умеет делегировать полномочия мужчине, разъяснив тому, что в дом нужно приносить не только яйца, но и деньги, а также пользу как таковую, и так это умело аргументирует, что мастера нейролингвистического программирования могут брать у нее уроки. Платные, разумеется. Сила убеждения у Гюзель такова, что, даже когда наступает очередное обострение и гурия превращается в фурию, избранник, горестно стелая, препровождает ее в психбольницу, куда потом исправно носит всякие вкусоности и полезности большими пакетами.

Но вот обострение исчерпывает себя, настает день выписки, и вместе с аффективно-бредовой продукцией уходит в прошлое очередной мужчина. Сердце вновь свободно, душа полна не то что надежд – железобетонной уверенности, что раз уж Гюзель захотела, то она точно будет счастлива. Ой, а вон и мужчина интересный...

Только маму не пускайте

Стремление матери заботиться о своем ребенке само по себе не вызывает удивления, будучи вполне закономерным. Однако порою в этом стремлении появляются нотки иступленного фанатизма, и тогда забота оказывается не менее навязчивой, чем внимание санитаря к пациенту в наблюдательной палате, а побочные эффекты напрочь перечеркивают ожидаемую пользу.

Пациент, о котором пойдет речь, наблюдается в диспансере. Зовут его... пусть Игорь. Игорю тридцать пять или около того, он – яркий пример роли наследственности в генезе психических болезней (на яблоне – яблоки, на груше – груши, и не перепутать). Отец страдает маниакально-депрессивным психозом, причем обострения протекают только в виде гипоманиакальных фаз. Маниакальная, с ее классической триадой (заметно повышенное настроение, ускорение темпа мышления вплоть до скачки идей и чрезвычайная двигательная активность по типу дизеля в интересном месте), была лишь однажды, он отлежал в стационаре, где получил группу инвалидности, – фаза длилась очень долго. На этом его знакомство с больницей завершилось.

Мужик нашел себе кучу шабашек, постоянно подрабатывает, особенно будучи в гипоманиакальном состоянии, когда работоспособность отдельно взятого его превосходит возможности бригады молдаван, кормит и обеспечивает семью, построил и обставил две квартиры и не собирается останавливаться на достигнутом, несмотря на возраст. Мы стараемся не дышать и плюем через левое плечо, лишь бы не сглазить. Мама – очень жесткая и властная мадам, которая за неимением возможности нежно и крепко держать мужа ежовыми рукавицами за стратегические места переключила сауоновское око материнского внимания на сына. Ну и до кучи на невестку, благо той, приехавшей из деревни и родившей Игорю сына, некуда деваться с этой подводной лодки.

Планомерно ведомый железной материнской рукой в светлое будущее, Игорь в детстве и юности не особо-то и сопротивлялся, поэтому этап «садик-школа-институт» прошел по начертанному плану. А вот дальше пришла пора отцовским генам опомниться и внести свои коррективы – что-что, мол, вы там наметили? Причем, в отличие от отца, фазы у сына, как на грех, были депрессивными. Это повергало маму в тягчайшее недоумение: как же так, я знаю, как должен болеть эмдэпэшник, у меня муж такой, а это не МДП – это сын сговорился с докторами и теперь придушивается, чтобы назло мне не стать большим белым человеком, – вон опять на диване разлегся, дармоед! Соответственно, на фоне такого домашнего прессинга фазы были не то чтобы глубокими и резко выраженными, но длительными и противными, с постоянными госпитализациями, с выходом домой на два-три дня и последующим обиванием порогов поликлиники – дескать, все, пора снова сдаваться. И попробуй не положить! «А у меня суицидальные мысли, доктор, никак нельзя мне дома оставаться. И попросите, пожалуйста, чтобы маму не пускали, ну что вам стоит!» Не пустить маму, к слову, было сложнее, чем остановить миграцию перелетных гусей или запретить эпидемию гриппа одним указом и поголовной модой на марлевые намордники.

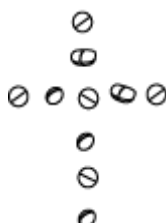
Помните Илью Муромца? Так вот, у меня есть некоторое подозрение, что тридцать лет и три года на печке он провалялся в депрессивной фазе, а потом его выбило в маниакальную, вот и пошел он творить добро направо и налево. А что не улыбался при этом – ну такой он, суровый муромский парень. Опять же, продуктивность его богатырская – вон сколько подвигов в одно лицо совершил. В один прекрасный день Игорь тоже почувствовал в себе неимоверный прилив сил и готовность НА ПОСТУПОК. Страхнув пыль с диплома юриста, он

отправился совершать финансовое чудо для отдельно взявшейся семьи. Чудо оказалось на поверку Змеем Горынычем и схарчило почти весь семейный бюджет, после чего икнуло, пукнуло и улетело. На этом завершилась первая из маниакальных фаз. Вторая фаза накрыла Игоря к моменту его устройства юристом (в рамках второго, контрольного прохода по граблям) в некую фирму. Харизма маниакального человека творит чудеса, и троянский Игорев конь предстал тем, кто имел с ним дело, ахалтекинцем, не иначе. От разорения на лихо заключенных договорах предприятие спасло только то, что ошалевшие от столь выгодных предложений клиенты решили перезвонить гендиректору и попросить у него немного той травки, что курит новый юрист.

Кое-как, путем кропотливого подбора лекарств и отстранения мамы от воспитательного процесса, удалось, наконец, добиться относительно стабильного состояния пациента. Правда, мама постоянно штурмует кабинет врача с жалобами на отбившегося от рук чада и призывами вернуть вот прямо сейчас сыновнюю послушность. А не так давно Игорь пришел устраиваться на завод. Простым работягой. Решив, что гипоманиакальность слесаря механосборочных работ под присмотром бригадира может приятно удивить градообразующее предприятие и сыграть решающую роль в социальной адаптации пациента, врачебная комиссия подписала ему бегунок.

На Бога надейся...

Помимо прочих несомненных достоинств, вера в Бога обладает мощным психотерапевтическим действием, ибо не просто так считают Его утешителем страждущих, пастырем и тихой гаванью. Только не всем нашим пациентам доступна истинная, чуждая перегибов и крайностей, мудрость, которая гласит, что одними молитвами психически здоров не будешь. Или, словами арабских мудрецов: «На Аллаха надейся, а верблюда привязывай». Или, словами познавших дао большого бизнеса: «Плати и взятки, и налоги, и про откаты не забывай». Ибо подобен пациент в психозе, ищущий прибежища в храме Божьем, пылающему брандеру¹⁸, посетившему битком набитую гавань, тихую и спокойную ДО его появления.

Наталья (назову ее так) наблюдается в психдиспансере уже больше двадцати лет. Шизофрения, параноидная форма. Инвалид второй группы, на данный момент уже бессрочно. Вне обострения вполне себе милый человек, занимается домашним хозяйством, нянчит внуков, ходит в православную церковь. В церкви Наталью тоже знают, причем очень хорошо. И очень давно. И как облупленную. Наталья была католичкой, пока однажды, лет десять-двенадцать назад, не услышала голос одного из архангелов, который поведал ей много

¹⁸ Брандер – корабль, нагруженный горючим и взрывчаткой для поджога и уничтожения вражеских судов.

интересного про местного пастора. Тогда она, кипя праведным гневом, ринулась в крестовый поход за чистоту веры и нравов. Битва состоялась прямо посреди проповеди и могла бы приобрести эпический размах, не вмешайся в диалог Натальи с архангелом, происходящий по ходу нарезания кругов вокруг алтаря за пастором с крестом наперевес (добротный такой, увесистый, из дома перла), демон ада. Он объявил, что покушение даже на не совсем уже святого отца все же является грехом из разряда тяжких. Даже смертных, правда, Люци. И посему он уполномочен вот прям сейчас забрать сию душу в теплое местечко с инфернально обходительным персоналом, сковородки подогреты, масло в чанах кипит, только вас и ждем, Вельзевул и его хтоническая команда. Архангел что-то возразил, демон привел контраргумент и уперся рогом, и понеслась дискуссия о Законе Божьем, преступивших его, мерах пресечения и сроках отсидки. Пока, застыв соляным столпом, Наталья внимала перлам красноречия одного и многоэтажным с коленцами конструкциям другого, подоспели опомнившиеся прихожане с подручными средствами транспортной иммобилизации. Пройдя курс лечения, Наталья к католикам охладела, но душа требовала веры. И таковая была обретена, на сей раз в лоне православной церкви.

Особенно подкупили ее сердобольные бабульки, которые слово за слово прознали про Натальин недуг и, ахая и цокая языком, отсоветовали принимать таблетки и делать ежемесячные уколы – это ж химия голимая, наркотик на наркотике, прости гос-споди, у тебя от них совсем мозг скукожится. И стала Наталья лечиться исключительно молитвами и постом. Такого лечения хватило ненадолго, и вскоре архангел заговорил с ней снова. Правда, на сей раз он стал убеждать ее сходить на исповедь. Ну, исповедь – дело богоугодное, и долго тянуть она не стала. Пришла, начала рассказывать... Строго говоря, Наталью винить не в чем. Кто ж знал, что именно в этот момент припрется демон и начнет ее, Натальиным, языком рассказывать такое, что красного как рак батюшку спасли только проявленные чудеса смиренномудрия и вовремя скатавшиеся в трубочку уши. Лишь глубокая врожденная интеллигентность удержала его от греха сквернословия в эпитетах к услышанной ереси и прихожанке лично, свечку ей... в руки. Снова госпитализация, снова курс лечения и снова бабульки на страже Натальино мозга, желудка и печени. Снова молитвы и пост. Собственно, архангел с демоном не против. Они, судя по всему, успели подружиться и ждут удобного момента, чтобы поболтать, подискутировать, а иногда от скуки берут на себя контроль за телом подопечной. Тогда весело становится всем прихожанам, а бабулькам – в первую очередь. Бог не фразер, он шельму метит, и гонки с препятствиями и напутствиями время от времени разнообразят размеренный церковный быт.

Правда, после того как чуть не был похерен то ли крестный ход, то ли еще какое массовое мероприятие, батюшка наложил на Наталью строгую епитимью: являться к участковому психиатру не реже раза в месяц и все наказания последнего выполнять резво и с огоньком, а не то лично галоперидолом причащать будет. Архангел с демоном прочухали, что погорячились, и теперь встречаются лишь изредка и общаются шепотом, чтобы снова не погнались.

Вновь о делах царских

Несмотря на то что сейчас довольно сложно встретить пациента, мнящего себя царственной особой, тема просвещенной монархии нет-нет да и будоражит чье-нибудь воображение, и это вполне закономерно, я бы сказал. Ну посудите сами: президент – оно, конечно, престижно и тешит самолюбие, но размах не тот. Ни тебе думу разогнать, ни губернатора повесить – демократия, понимаешь. Депутатом той же Госдумы, равно как и партийным лидером, на моей памяти не захотелось возомнить себя ни одному: нет в сем предприятии ни масштаба, ни искры Божьей; вот так помрешь – ни памятника, ни города в твою честь, ни романа, на худой конец. Разве что комиксы.

Эта история произошла больше десяти лет назад. Пришла как-то в диспансер бумага из прокуратуры – дескать, разберитесь, пожалуйста, со своей подопечной, а то она тут нам царские указы шлет один любопытнее другого. Указы, к слову, действительно были довольно интересными и местами дельными. Мэра предполагалось выпороть и отправить на освоение Сибири. В компании с директором автозавода. Расстрельный список был невелик – всего-то департамент ЖКХ. Ну и по мелочи: покаяние в церкви для руководства милиции, отлучение культурно-массового сектора от воскресной чарки... И все бы ладно – ну пишет человек указы, да и пусть его, порой нежно любимое начальство и похлеще указы спускает, а с некоторыми пунктами в самой глубине души можно было бы и согласиться, – но тут всплыла соседка пациентки, с которой произошла неувязочка на почве несоблюдения придворного этикета: та ни в какую не соглашалась на земные поклоны. Да что там – даже до книксена в присутствии августейшей особы не снизошла, за что и была бита по шее с обещанием воспитательно-показательной декапитации в следующий раз. Обещание, в отличие от сана, было воспринято очень серьезно, посему участковый доктор рассматривала уже две телеги на свою подопечную, соображая, как же поступить. Отправлять спецбригаду не хотелось – хлопцы там горячие, могут отнестись без должного пиетета. Дождавшись санкции суда, доктор в сопровождении спецбригады сама отправилась к пациентке, намереваясь уговорить ту лечь в больницу. На аудиенцию доктор была допущена без проблем, даже спецбригаде было высочайше дозволено войти и остаться, но потом ее величество попеняла врачу, что та посмела явиться без доклада, не по записи и вообще – где ваши манеры, милочка?

– Ах, ваше величество, дела чрезвычайной важности и срочности требуют вашего незамедлительного присутствия. Умоляю, едьте!

– Что за срочность? Мы даже откушать не успели.

– Государыня, дума окончательно дошла до изумления. Они указы, что вы писать изволили, до сей поры обсуждают да поправки вносят. Мало того, имеют наглость нелестно отзываться о ваших организаторских и (страшно говорить, прямо крамола какая-то) умственных способностях. Настроения нездоровые да речи якобинского толка... ведь так и революцию, чего доброго, проморгаем. Уж вы бы, ваше величество, съездили, сделали внушение!

– Внушение. Я им сейчас клизму сделаю! Ведерную! Каждому, никто не уйдет без царской благодати! Не хотят умом понимать всю мудрость правления, так я другой путь для вразумления найду! Едем, и немедленно! Поправки они вносят, ха! Не жилось при конституционной монархии, будет им абсолютная! Сибирь большая, мест на всю думу хватит и еще на десять останется! Гони, голубчик!

Персонал отделения, в которое поступила пациентка, с ходу получил разнос за нерадение и общий бардак, но клятвенно заверил, что к прибытию удалившихся на срочные внеочередные каникулы депутатов все недостатки будут полностью устранены, а вот вам бы, ваше величество, здоровье не мешало поправить, а то сгорите ведь на службе отечеству, право слово, нельзя так с собой!

Граница на замке

Вопреки норме христианской морали, предписывающей ближнего своего любить как себя, уже глубоко любимого, отношения с соседями зачастую не лишены некоторой пикантности и даже элемента параноидной озабоченности – мол, кто знает, что у них на уме – даже в той самой среднестатистической норме. Что говорить о случаях, когда имеющиеся под боком пресловутые ближние включаются нашим пациентом в его бредовую систему! Скучно не будет никому, можете не сомневаться.

История взаимоотношений пациента (назовем его Василий) и его соседей долгая, насчитывает много лет и напоминает оборону линии Маннергейма. Обороняется Василий стойко, самоотверженно, с призывами к совести и, в минуты вдохновения и творческого подъема, раздачей матерно-психологических портретов каждому супостату. Объект обороны – его жилплощадь. По глубокому убеждению пациента, нечистые в помыслах соседи решили нарушить одну из христианских заповедей и все как один возжелали его кровных квадратных метров. Да не просто возжелали, а стали предпринимать активные действия по захвату территории.

Вначале действовал один сосед: стал специальной закаленной и заточенной ложкой с глушителем выскребать бетон из их общей стены. Стена становилась тоньше, жилплощадь у соседа больше, а его мысли – слышнее несчастному Василию. А что хорошего можно услышать в соседских мыслях? Правильно, ничего. Одни лишь коварные планы и ничем не объяснимую соседскую нелюбовь. И слова нехорошие. Ценные идеи долго не залеживаются, и вскоре улучшить свои жилищные условия, не прибегая к выходу с мешком денег на рынок недвижимости, возжелал другой сосед. Стены истончились и с другой стороны. Этого обоим показалось мало, и они начали понемногу сдвигать стены внутрь его, Василия, квартиры. Выйдет, бывало, тот в магазин за продуктами, возвращается – а жилплощадь как будто меньше стала. Купил рулетку, измерил: вроде есть колебания в пределах сантиметра, но ощущения-то говорят о другом! Не иначе у них сговор с магазином хозяйств.

В этот преступный сговор оказались втянуты еще два супермаркета и центральный хозяйственный рынок. Возникла идея заказать копию эталонного метра, но, где гарантия, что у соседей нет своих людей на почте? Участковый милиционер, посвященный в преступные планы поскребунчиков-передвижников, ахал и цокал языком, а потом заставил дыхнуть, чем совершенно себя дискредитировал. На какое-то время помогли распорки из деревянных брусьев, но потом поддались напору и они – по миллиметру в день, но неумолимо. Василий терпел еще неделю, а потом решился и пошел на переговоры. Соседи оказались терпеливыми. Они последовательно выслушали обзорную лекцию относительно истинного облика самих себя, с яркой и емкой характеристикой содеянного, потом – предложение сдать ложки-скребки, потом – требование вернуть стены на место и восстановить их девственную толщину и только после этого послали соседа куда подальше. Затем последовала бурная дискуссия о нормах христианской морали, в ходе которой обе стороны возлюбили друг друга по несколько раз, потом к диспуту присоединился участковый, но все испортил, поскольку не был крещен. В конце концов соседи отправились по домам зализывать и заклеивать раны физические, а Василий – в психбольницу, латать душевные.

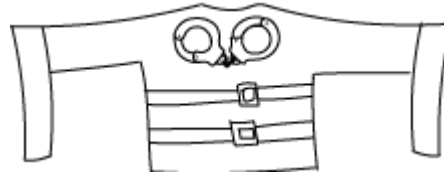
С тех пор установилось зыбкое перемирие, которое нарушается раз в пару лет: Василию надоедают лекарства, а соседям – границы их квартир, и оборона маленькой квартиры выходит на новый виток. Недавно присоединились соседи сверху, так что забот хватает.

Тарзан-суицидник

Нет, покажи мне, что готов ты сделать:
Рыдать? Терзаться? Биться? Голодать?
Напиться уксусу? Съесть крокодила?
Я тоже. Ты пришел сюда, чтоб хныкать?

© У. Шекспир. *Гамлет, принц датский*

Все-таки Великая Отечественная оставила очень глубокий след. В том числе это заметно и по степени среднестатистического обмеления мужского населения. Слишком берегли то, что оказалось в дефиците, и вот вам результат. Нет чтобы ради своей единственной свернуть горы, набить все три рожи Горынычу, поотрывать Кощею предполагаемые контейнеры со смертью и привести любимую в собственноручно построенный терем. Нет, куда там! Это ж не наш метод! Куда проще и действеннее, а главное, менее затратно пробить ее на жалость. Наглотаться какой-нибудь дряни и заявиться к любимой, шантажируя суицидом; можно для пущей достоверности поцарапать предплечье чем-нибудь острым, но не сильно, а то ж вот так загнешься, не испытав любви! Губит наших дам их сердобольное «он же без меня пропадет» и «да он мужичонка ничего, пусть и пропащий, ему бы бабу хорошую», ох, губит! Да и мужикам все меньше шансов остаться мужиками – зачем, ведь и так дают!

Это представление развернулось под окнами юной девы, которую не один месяц обхаживал истероидный воздыхатель. Дама уже имела возможность убедиться в том, что ничего интересного, кроме анализов, этот молодой человек собой не представляет, что общение с ним ей не просто в тягость, а прямо-таки штангисту не пожелаешь. Она решилась на расставание и спокойно, без истерик заявила – мол, прости, некогда дорогой, но с этой минуты уже непоправимо бывший фройнд, ну сколько можно пить кровь, ищи доноров в другом месте. До молодого человека спустя некоторое время дошло: его бросили. Нет, вы представляете, какая наглость? Ладно бы он бросил ей этак небрежно: «Геть, геть, тобі я больше не кохаю», – вильнул кормой и ушел в свободное плавание – это было бы нормально и закономерно. Но чтобы его, такого драматично-загадочного, вышвырнули как надоевшую игрушку! Как использованное резиновое изделие номер два! Нет, с этим решительно нужно что-то делать. Конечно, ни о каких вершинах духовного роста и чудесах характерологического преображения речи и близко не шло. Это ведь какой труд, причем долгий и с непредсказуемым результатом, это не про нас. Нам бы что-нибудь поярче да побыстрее, и чтоб все ахнули и срочно полюбили, а то вон какое чудо пропадает. Можно было бы пойти простым проторенным путем, то есть часто, но неглубоко (больно же, да и сухожилия задеть недолго) поцарапать себе руки лезвием, да вот незадача: та, которой предназначено зрелище, не открывает дверь, следовательно, шоу резко теряет в ценности и целенаправленности, думаем дальше. И ведь придумал!

Представление развернулось перед окнами бессердечной красавицы; поскольку все они выходили на одну сторону, да еще и невысоко, то пропустить его было невозможно. Опять же, отвергнутый страдалец заранее убедился в том, что предмет его страсти находится дома. Далее последовала душераздирающая сцена повешения... на собственных трусах! Вешался наш герой аккуратно, чтобы не повредить себе чего, – а то ведь жизнь одна, на всех девчонок не

напасешься. Зрелище и в самом деле того стоило: пара камешков в окно для привлечения внимания – и вот данный во всех смыслах этого слова фрукт покачивается на ветке раскидистого дерева в одной футболке, позванивая тем, что ниже пояса. Господь приглядывает за своими детьми, даже непутевыми. Первый раз не выдержала ветка. Второй раз порвались трусы. Поняв, что его популярность у населения двора резко растёт, парень решил не смущать окружающих деталями своей анатомии, соорудил из футболки что-то вроде эротичных шортиков (ну с отверстием для головы на интересном месте), связал предательские трусы двойным узлом и в третий раз полез на дерево. Тут-то и подоспел наряд милиции, который девушка вызвала сразу же, как только обнаружила Тарзана-суицидника. Из милиции его забрала спецбригада. В приемном покое несчастный долго объяснял, что жизнь ему на самом деле очень даже дорога, но дежурный врач был непреклонен: «взялся за гуж – не говори, что ингуш» (© Гоблин). Итог – полтора месяца детального знакомства с психбольницей. Чтобы впредь неповадно было.

Полный самоконтроль

Вопросы самокритики и самоконтроля актуальны, пожалуй, для любого из нас. Не интересуется вопросом правильности своего поведения и тем, как он выглядит в глазах окружающих (ну хотя бы время от времени), лишь дебил, пациент в психозе или наглое самоуверенное кю. Да и наши пациенты нередко пытаются анализировать свои поступки и самочувствие хотя бы затем, чтобы вновь не оказаться в больнице.

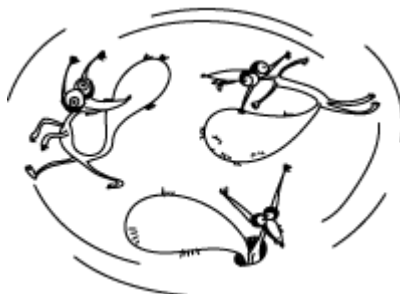
...Стаж болезни у Ольги внушительный – полтора десятка лет. За это время она не раз успела побывать в стационаре и твердо усвоила: если госпитализируют – значит, есть за что, значит, где-то она себя вела неправильно и что-то нарушала. Знать бы еще что? То, что за сутки до госпитализации она объявляла столовую, где работала много лет, рассадником инфекции, инкубатором гельминтов, детским садом для тараканов и домом престарелых для окрестных крыс, не в счет. Так же, как и крупномасштабные боевые действия против вредителей: посуду в хлорку, дуст и отраву по углам, личный контроль за мытьем рук, дымшашки с особым составом наготове. Отлавливали ее уже на том этапе, когда показывать ладони и вытирать ноги об особую тряпку приходилось малость охреневшим посетителям столовой.

После стационара Ольга исправно ходит на прием, причем каждый раз докладывает, что производственную дисциплину не нарушает, дома тоже поддерживает идеальный порядок, спать ложится вовремя, с чужими мужчинами не заигрывает, не подумайте чего плохого, доктор. Муж, приходящий вместе с нею, все подтверждает и в целом всем доволен; только вы, доктор, сами ей скажите, что мыть полы с хлоркой каждый день – это явный перебор. И пусть она не заставляет нас тереть руки щеткой перед едой и после туалета, мы же с детьми не на

операцию собираемся. Да, вновь перехватывает она инициативу, а в остальном все у меня нормально, никаких нарушений интеллекта, я за этим очень строго слежу и все контролирую. Что, вам действительно интересно как? Очень просто, доктор: я каждый день внимательно гляжу на себя в зеркало, проверяю интеллект. Гляжу, гляжу – нет, все нормально, я себе нравлюсь и на дуру не похожа. Никаких признаков снижения интеллекта на лице не нахожу. И сразу мне становится спокойнее.

Так что, выходя из дома, внимательно посмотрите на себя в зеркало. Нравитесь ли вы себе? Нет ли у вас на лице признаков пострадавшего интеллекта. А то мало ли что.

Инопланетные внедренцы

Доблестные, трудолюбивые и упорные в желании впихнуть невпихуемое и упить неупиваемое граждане продолжают пополнять ряды делирионавтов, поставляя спецбригаде новых пассажиров, наркологии – новых клиентов, а нам с вами – новые увлекательные истории. Тяжело, когда в семье есть алкоголик, – много сил, нервов и домашней утвари уходит на убеждение его в неправоте и необходимости знать меру. Если алкоголиков в семье подавляющее большинство, то сил, нервов и домашней утвари уходит не меньше, только уже с целью выяснить, кто из них настоящий алкоголик и кто в одно лицо уничтожил заначку.

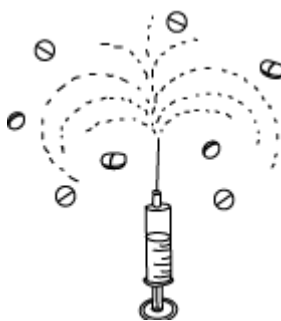
В этот раз барбухайку и ее гвардейский экипаж вызвали, переведя звонок с «03», а там народ опытный и закаленный, просто так беспокоить не будет. Прибыв на место, спецбригада с порога получила хорошую ингаляционную дозу экзогенного этанола и выяснила два момента: первый – что помощь нужна юной даме, и второй – что им тут не рады. Ожидали, мол, увидеть линейную бригаду, а на драгунов из дурдома ну никак не рассчитывали и вообще, за кого нас тут держат? Мы все поголовно приличные уважаемые люди: вот скажи, Паша, ты меня уважаешь? Доктор, что за идиотские вопросы, у человека просто болит печень, сделайте все как было – и ауфвидерзеен. Тут в разговор вмешалась девушка, ради которой, собственно, и был принят вызов. Нецензурно настояв на необходимости выслушать ее версию происходящего, она стала излагать. Спиртное? Ну да, употребляли. Не зло, не зло, не надо наговаривать. Так, литров по пять-шесть пива на человека. Ну хорошо, хорошо, еще водочки граммов по пятьсот-семьсот. Ага, в день. Ага, на человека. Разве ж это много? Мы ж в кругу семьи, под телевизор да за разговором, все культурно. И так три недели, а что – отпуск, имеем право. Родители так и вовсе на пенсии. Да нормально все было, только вот теперь болит печень. Как именно болит? Грызут ее, вот и болит. Кто. А вот тут самое интересное, доктор, вы не поверите. Как выяснилось далее, после трех недель ударного запоя произошло одно событие. Во время очередных посиделок на кухне – ну куда же наш человек без кухонных посиделок – в открытую форточку шмыгнула летающая тарелка и скрылась... как вы думаете где? Правильно думаете. Муж даже предлагал свои услуги по изничтожению гаденышей – ишь, мол, нашли тоже корабль-матку, вагонавы непрошеные! Только пока он пытался настроиться на нужный градус морального подъема, пришельцы внедрились слишком глубоко, и исполнение супружеского долга вместо предсмертных воплей вызвало лишь гомерический хохот и обидные эпитеты; хорошо, что слышала их только пострадавшая.

Дальше – хуже: мало того что их наглое хихиканье и разговорчики теперь постоянно

доносились из глубин утомленного алкоголем организма, вдобавок инопланетяне стали по очереди вгрызаться в печень и приговаривать, что, мол, вкусно, но без пива не совсем то, а в нее больше не лезет! Вот и пришлось вызвать скорую: черт с ними, с пришельцами, – они как пришельцы, так и ушельцы, обещали, что ненадолго, но печень-то болит! Так что, доктор, сделайте что-нибудь от печени, а то сил моих женских больше нет. И кстати, может, вы глянете, где они ТАМ?

Кое-как открестившись от перспективы гинекологического осмотра с поимкой мерзавцев (причем, для разнообразия, не зелененьких, а черненьких – сама видела, когда парочка выглядывала... как откуда?), доктор Денис Анатольевич заявил, что случай, конечно, экстраординарный, но он знает нужных специалистов. Только придется прокатиться, на дому такие операции чреваты межпланетными конфликтами. Пришлось, правда, на корню похерить зарождающийся конфликт внутрисемейный, но убедительный тон и пара вовремя вставленных юной дамой убийственных матерных доводов быстро решили все вопросы. По дороге в больницу пришлось провести профилактическую беседу, что, дескать, пораженная алкоголем печень для таких инопланетных засранцев – первейшее лакомство, а если учитывать, что дорожку они протоптали и координаты наверняка запомнили, – все, красавица, отныне только чай и минеральная водичка!

Телефон-убийца

Немалая часть наших пациентов довольно настороженно относится к современной технике. Одни считают ее дьявольским изобретением, ниспосланным нам во искушение. Вот, например, кондиционер во время адской жары: кто-то молится об отпущении грехов и ниспослании прохлады, а кто-то совершенно богохульно выставляет нужный градус на пульте дистанционки. Другие считают технику составной частью всемирного правительственного заговора с целью тотального зомбирования, что в целом не мешает пускать розовые слюни над сто пятьдесят восьмой серией чего-нибудь эдакого. Третьи пользуются ею, но всячески экранируются от зловредных лучей чего бы то ни было и зубрят сценарии поведения в случае взятия в космическо-тарелочные заложники – хороший тон, размер алиментов...

Ольга давно с подозрением относилась к сотовым телефонам. Совершенно непонятный принцип работы, куча неизвестных опций, инструкция, в которой, несмотря на знакомый алфавит и русские, в целом, слова, совершенно невозможно ничего понять, – все это с самого начала вызывало тревогу. Мало ли что туда напихали! Опять же, все эти слухи про рак мозга и поджаренное микроволновым излучением серое вещество... народ зря болтать не будет. Еще ни одно широко разрекламированное народное благо не обходилось без чуть заметного душка тщательно завуалированной попытки геноцида, уж это она знает точно. Но опасения опасениями, а штука дорогая, выкидывать жалко. Так и пришлось носить эту чертову машинку с собой, замирая при каждом звонке и принимаясь после отбоя, не пахнет ли жареными мозгами. А тут последняя неделя как-то не заладилась, под сердцем поселилась сосущая тревога пополам с тоской, от бессонницы перестали помогать даже лекарства – все к одному, что-то должно было случиться. Оно и случилось: после очередного звонка в телефоне что-то щелкнуло, и четыре маленькие пули глубоко впились в мозг. Шайтан-девайс все же оправдал

роившиеся вокруг него опасения, как то ружье, добросовестно повисевшее на стене положенное количество актов. Странно, но Ольга даже почувствовала облегчение: наконец-то! Процесс умирания не особо впечатлил: умерла и умерла, хрен ли переживать. Даже телефон-пулемет не стала выбрасывать – дело сделано, два раза не убьют. Далее по сценарию предстояла встреча с Богом. Тот был занят и все время с кем-то разговаривал по телефону. Самого Бога не было видно, но его голос в голове звучал отчетливо. Столь же отчетливо было и ощущение Божьего присутствия где-то рядом. В перерывах между звонками он довольно сердито пояснил свежееусопшей, что, как ему сообщили, ни по одному из ведомств она не прошла, поэтому ни в рай, ни в ад ей пути нет, поскольку отсутствуют соответствующие документы. Так что пусть валит в психдиспансер и лечится, а то ишь чего удумала – стреляться из телефона! Ее бы еще факсом переехало!

Ослушаться гласа Божия Ольга не решилась, поэтому на следующий день исправно доставила свое телефоном застреленное тело на прием. Даже будучи зомби, вела себя прилично: на человечинку не зарилась, ограничившись купленной в буфете сосиской в тесте, утробно не завывала, обстоятельства смерти и содержание загробных бесед излагала без энтузиазма, но внятно. Сетовала на потустороннюю бюрократию: ведь нет чтобы умерла так умерла – обязательно надо, чтобы по всем ведомостям прошла; проще в Штаты на ПМЖ уехать. В отделение отправилась охотно: правильно подобранное лечение и охранительный режим, они даже зомбям на пользу. А там, глядишь, либо воскресят, либо определятся, наконец, с пунктом назначения. Телефон на хранение сдала беспрекословно. Только сначала вынула батарейку: оружие положено хранить разряженным.

Что женщине для счастья нужно?

Наш друг Александр Алексеевич подбросил историю. У него специализация по сексопатологии, и периодически обращающиеся за помощью пациенты не дают ему забыть про сей знаменательный факт его биографии. Одна семейная пара запомнилась ему надолго.

Обратились они к доктору с жалобой на то, что дама перестала испытывать оргазм. То есть еще некоторое время назад все было в порядке, и вдруг раз – и ушла из жизни радость, осталась суета и бессмысленные телодвижения. Доктор подошел к проблеме со всей ответственностью: женский оргазм – штука тонкая и капризная, это вам не член с его боевым и транспортировочным положениями. Долго собирал анамнез, анализировал, размышлял. Вроде бы придраться было особо не к чему: супруги молодые, пышут здоровьем вообще и в половой сфере в частности. Анализы гормонов тоже четко укладывались в норму.

Пошел сбор анамнеза по второму кругу, практически с пристрастием. Пара вдруг вспомнила, что незадолго до прискорбной утраты был семейный скандал. Муж попался на измене. Огреб сам, получила по шее коварная соблазнительница, потом было примирение с прощением – все как у людей. Вроде бы вот она, причина, хватайся за нее и психотерапевтизируй до синхронного многократного обоюдного оргазма – ан нет! Оба супруга на такой мелочи совершенно не циклились, да и трудно было предположить, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ могло бы невротизировать эту на редкость психически уравновешенную, закаленную многочасовыми сменами работы на конвейере пару.

И все же сама картина уж очень походила на невротическую. Лечились они долго и старательно: психотерапия, медикаменты для дамы – и хоть бы намек на улучшение! Но доктор был упорным, а пара – целеустремленной. Оргазм, правда, оказался той еще сволочью: маячил неподалеку, хихикал, корчил рожи и казал всякие обидные фигуры, но так ни разу и не дал себя испытать.

И вот в один из очередных визитов врач попросил страдалицу еще раз подробно, вплоть до выражения лица описать, как обычно происходит исполнение супружеского долга. В ходе в меру красочного рассказа выяснилось, что действие происходит на полу.

– Отчего же не на кровати? – поинтересовался доктор.

– Так где же на всех кроватей напасть, в однокомнатной-то малометражке!

– На всех, это на кого?

Как оказалось, в квартире проживали еще два человека: брат мужа и брат жены. Оба приехали в город из тех деревень, откуда, собственно, и были родом супруги, и обоим было негде приткнуться. На ночлег размещались в следующем порядке: по центру – супруги, а по сторонам – понаехавшие братья, каждый рядом со своим родственником. Вот в такой сложной геополитической обстановке, дождавшись, пока нежелательные свидетели уснут, дабы не выслушивать советы и не раскланиваться под аплодисменты, супруги и занимались сексом, готовые в любой момент замереть и притвориться три часа как спящими. И так они поднаторели в вопросах конспиративного соития, что ни разу не были разоблачены. Только вот оргазм этого безобразия не смог вынести: он-то по-тихому не умеет, ему подавай чтоб широко, не по-детски и словно маленькая смерть, а тут пока прислушаешься к храпу охломона справа, пока приглядишься, не открыл ли глаза слишком близкий родственник слева...

На доктора посмотрели с недоверием: что, неужели женское счастье нуждается в уходе? Причем братском? Причем, чем дальше, тем лучше? Зато через пару недель Александр Алексеевич на себе почувствовал, как смотрят на загадочных могущественных колдунов: со смесью восхищения, почитания и страха. Ай, доктор, ай, шайтан: братья ушли – оргазм вернулся!

Радиомачо

Не устаю поражаться стойкости и живучести наших алкоголиков, а главное – их преданности порочному идеалу. На улице тридцать с хреном градусов тепла, черти жалуются на непристойное пренебрежение вновь прибывших и призывы «поддать жару, фиг ли весь ад выстудили», а эти пьют как пили. В жару медикам следует четче давать рекомендации, какой именно жидкости надо пить больше. Пережившие похмелье в летний зной могут смело корчить рожи инквизиции и показывать неприличные знаки пыточных дел мастерам – скорее вторые и третьи выдадут аффект с суицидом, чем первые запросят пощады. Белая горячка тоже отрывается вовсю, посещая особо продвинутых в их поисках истины на дне стеклотары.

Виталия накрыло на пятый день суровой завязки. Он вообще человек слова: сказал жене,

что будет пить, пока деньги не закончатся, и выполнил обещание до последнего червонца, потраченного на последнюю перцовую настойку (не знаю, на что будут жить аптеки, когда ее запретят, наряду с антисептическими 70-градусными пузырьками-выручалочками). Альтернативная реальность, вежливо выждав положенный срок, делегировала к Виталию своего особого представителя.

Тот не стал обставлять свое появление ни инфернальными красками, ни горней музыкой: к чему весь этот антураж, мы же взрослые люди, все еще продолжающие чисто по инерции путь атеиста, которым нас когда-то весьма аргументированно послали! Поэтому он просто появился на экране телевизора и объявил – мол, хреново ты, дорогой товарищ Виталий, исполняешь свой супружеский долг, ай хреново! Проценты по твоему долгу набежали такие, что только ежедневная пародия на взбесившийся перфоратор в твоём исполнении может поправить дело, а твоим хозяйством сейчас перфорировать никак, максимум – конопатить да замазывать. Да и сам ты не столько перфоратор, сколько дятел-паралитик. Так вот, говорит гость с экрана, я пришел помочь твоей беде, потому как имя мне – Радиомачо, и я намерен списать всю твою задолженность. Без ансамбля. Супруга твоя не против, я так и вовсе за – видишь, как крупно тебе повезло!

И не успел Виталий сказать свое твердое мужское трехбуквенное, как тот уже выскочил из телевизора и бойко поскакал в спальню, на ходу избавляясь от обуви и лишних деталей туалета. Ворвавшись туда тремя секундами позже, претендент на ветвистый избыток кератина узрел полуодетую супругу, возлежащую на кровати перед телевизором (их всего в квартире было три), в который коварно нырнул полуодетый спринтер-стриптизер. Издав рев благородного оленя, способный на корню скосить либидо у любого парнокопытного самца в пределах прямой слышимости, Виталий ринулся за ящиком с инструментами.

Наверное, еще никто не разбирал телевизор так быстро и так заинтересованно. Потрясая кинескопом, будто это был кувшин с запечатым в нем джинном, супруг-должник уже прикидывал, как бы вскрыть этот сосуд, чтобы побеседовать с негодником по-мужски. Но Радиомачо оказался шустрым малым: он успел выскочить и, послав воздушный поцелуй присутствующей (хоть и в легком ступоре) даме, поскакал в зал, где был третий телевизор. Эпопея со скоростным демонтажем бытовой техники в погоне за семейным покоем продолжилась. Радиомачо просто так сдаваться не желал, он обзывался обидными словами и пару раз шарахнул преследователя током, пока тот не догадался выдернуть шнур из розетки.

Прибывшая спецбригада застала чуть было не обманутого мужа посреди останков трех телевизоров, с молотком в руке. Он непрестанно матерился и метался между тремя кинескопами, призывая, чтобы «долбанный наперсточник» вылез и имел с ним разговор, как мужчина с мужчиной.

Ехать в больницу Виталий долго не соглашался, громко и нецензурно сомневаясь в супружеской верности своей половины. Пришлось привести три убойных аргумента: жену уговорили прокатиться до приемного покоя, супружеский долг она простила, а кинескопы снесли вниз, к подъезду, вдруг кому из женщин пригодятся?

Инфернальные сны

Надо сказать, что инфернальная тематика с ее картинами Страшного суда, мучений грешников и прочих ужасностей будоражит пытливые умы не одного поколения. Тут

действительно широкий простор для совместных прогулок воспаленного воображения и распоясавшегося подсознания, с итогом многократного овладения одним другим в виде эпических саг, картин, поэм, фильмов и прочих страшилок. Анекдоты не в счет. А уж если за дело берется разум, изначально пребывающий в своей, особой реальности...

Игорь (назовем его так) регулярно ходит на прием. Кого-кого, а его убеждать в необходимости лечения не нужно. У него есть выбор: или он пьет лекарства и ночами просто спит, или...

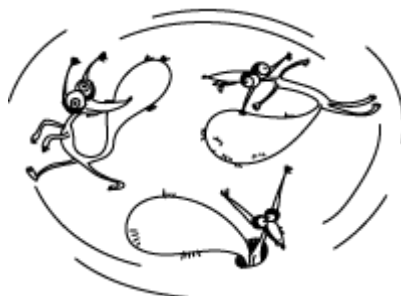
Началось все лет десять назад, когда ему во сне явился кто-то из низших демонов – мол, не того ты, брат, полета птица, чтоб за тобой ангел утренней звезды лично мотылялся, – и устроил ознакомительные покатушки по адским областям. По всем, которые можно было за ночь осмотреть и даже немного продегустировать. Наутро Игорь проснулся в поту, на мокрой простыне, весь словно побитый и местами даже понадкусанный, с четкими воспоминаниями о головокружительных похождениях и напутствием: «До следующей незабываемой ночи, мой грешный друг», – в ушах. С этого момента жизнь парня утратила обыденность и стройность своего течения и стала более похожа на приключения шпиона-засланца: днем – родной завод и до слез любимый конвейер, ночью: «Ну надо же, кто бы мог подумать, что тебе так понравится! Что бы такого тебе сегодня показать?» Мало того, теперь перед каждым головокружительным низвержением в нижние миры (а в том, что их много, у Игоря больше нет никаких сомнений) несчастному работяге устраивали урезанный вариант Страшного суда – так, в виде ужасненького заседания, очередная серия. Там ему припоминали какой-нибудь грешок, вроде того, сколько раз и в каких любопытных позициях он тайно возжелал своего мастера смены за такой идиотский график работы и такое начисление зарплаты. Потом следовал приговор, и ночные похождения имели умопомрачительное продолжение, уже с оттенком некоего извращения и с очередной мощной дозой адреналина, тестостерона и матерных эпитетов всему происходящему.

Игорь честно пытался исправить положение. Он ходил в церковь (издевательское хихиканье на очередном заседании и реплики мелких бесенят из зала с советами, ЧТО надо курить вместо ладана и куда вставлять свечки), к экстрасенсам (гомерический хохот после каждого визита и меткая, исчерпывающая, но исключительно нецензурная характеристика очередного астралострадальца), даже к шаману вуду (рыдал и бился в истерике весь адский коллектив – теперь, мол, известен секрет отбеливания не только ануса, но и негра целиком). Пытался не спать, но на четвертые сутки черти явились на завод и засели в бытовке – мы, мол, не гордые, здесь подождем.

Наконец Игорь пришел туда, куда намеревался идти в последнюю очередь. Вопреки опасениям, никто не стал хватать его под белы ручки и не делал неприличных предложений вроде полежать. Выслушали, расспросили про детство и юность, поболтали за жизнь и поинтересовались, как он отнесется к перспективе попить лекарства. Долго? Ну всяко дольше пары недель, так ведь и адским туристом он заделался уже давно, скоро почетным гастарбайтером станет. Нет, не наркотики, окстись, родное сердце, к наркотикам ты опоздал, гашишем да опиум лечили в девятнадцатом веке. Ну, кому золотые времена, а кому так и не очень: ты бы к стоматологу тогдашнему сходил – вполне так infernally. Где-то к третьей ночи с начала приема лекарств десцендум ад inferum¹⁹ прекратилось, уступив место крепкому сну. Несколько раз, к вящей радости соскучившихся демонов, Игорь прекращал пить таблетки – мол, я ведь не хроник какой-нибудь, я справлюсь сам. «Правильно-правильно, мы тебе еще не все показали», – подбадривали адские обитатели, и желание экспериментировать с внутренними резервами и силой воли проходило как-то само собой. Все же ночью лучше просто спать.

Кругом засада

¹⁹ Нисхождение в ад (лат.).

На этот раз экипаж барбухайки прибыл в отделение милиции, поскольку получасом ранее оттуда позвонили и убедительно просили «забрать вашего архаровца, пока он не распугал всех приличных хулиганов, наркоманов и охломонов».

Эдик не был оригинален в выборе средства постижения дао. Зачем торить высокогорные тропы в поисках просветления, зачем созерцать пупок в ожидании сатори, когда можно сгонять проторенной тропой по маршруту диван – магазин, взять аквавита квантум сатис²⁰ и созерцать телевизор до полного взаимопонимания и обоюдоуважения с внезапно подобревшей реальностью. Комментарии жены не в счет – она тролль хоть и злобный, но свой, родной, время от времени любимый.

Как это часто случается, вначале была успешно преодолена точка беспохмельного пробуждения, затем началась увлекательная погоня за ускользающей, игриво покачивающей всеми полусферами, хмельной эйфорией, которая плавно перешла в исполненный некоторой озабоченности бег от угрюмо-небритого, в бурке и папахе, похмелья – не ровен час догонит и овладеет... А потом жена сказала свое аргументированное домашней утварью «нет». И так три дня. На четвертый день, выйдя на балкон, Эдик долго вглядывался в припаркованные внизу машины. А чуть позже пригнулся, слился с архитектурой и стал напряженно вслушиваться. Так и есть. ОНИ ВСЕ приехали за женой. А ведь он говорил, он предупреждал: длинный язык – быстрый кирдык. Видимо, где-то наболтала лишнего, а может, даже и поцапалась с кем (что неудивительно, при ее-то идиотской манере считать мужиков тупиковой ветвью эволюции) – и вот он, результат. Сейчас ее будут убивать. Сидят, обсуждают. Кто на стреме, кто будет штурмовать, кто соседей отвлекать, кто расчлененку в пакетах выносить. И ведь как все складно продумали. В одиночку не отбиться. Настрога наказав малость ошарашенной развитием сюжета жене сидеть под кроватью, Эдуард тихой сапой покинул осажденный дом и метнулся к скоростижно ставшим ближе и роднее милиционерам, благо машина ППС как раз проезжала мимо. Те, проникшись драматизмом момента, свезли женоспасателя в отделение. А уж там, отвечая на вопросы дежурного, мужик вдруг осознал, что попал в гадючник. Причем в прямом смысле слова. Причем пополам с лягушатником. Змеи кишели вокруг, они ровным слоем покрывали пол, так что лягушкам приходилось прыгать по их извивающимся телам – безо всякого, впрочем, вреда для себя. Издав боевой клич африканского воина (мамба вышла, людям страшно-страшно), Эдик оказался с ногами на столе. Дежурный предпринял последовательно два нечеловеческих усилия над собой: он сначала НЕ запрыгнул на стол, а потом НИКОГО НЕ ПОКАЛЕЧИЛ.

Увидев новоприбывших в белых халатах и с добрыми, понимающими лицами, страдалец понял, где он сейчас может оказаться. Перспектива оставить жену в одиночестве разбираться с бандитами его вовсе не обрадовала, и он решил, что фиг с ними, со змеями, если эти идиоты в погонах решили завести служебный серпентарий, то это их личное дело, а он и виду не подаст. Поэтому в беседе с медперсоналом Эдик был напряжен, но очень корректен, все время косился на пол и поджимал ноги, но наличие змей (еще и издеваются, сволочи, одна чуть в

²⁰ «Живая вода» (шутливо о крепком алкоголе) в нужном количестве (лат.).

штанину не залезла, гнездиться вздумала) упорно отрицал. Пока у доктора не возникла интересная, мать его, идея.

Наклонившись к полу, доктор подцепил змеюку пожирнее и кинул ее Эдику: лови, мол. Прыжку Эдика позавидовал бы вратарь любой сборной – если бы было принято бросаться ОТ мяча. Сочтя пробу со змеей положительной, экипаж барбухайки распрощался с повеселевшими милиционерами и под белы ручки свел товарища в машину.

В наркологии («ой, ты снова к нам, а ведь только четыре месяца прошло!») Эдуард уже особо не стеснялся: давил гадов, щелчками сбивал с себя лягушек – все равно спалили. Ладно хоть в милиции обещали обеспечить жене огневую поддержку.

Нестандартность, говорите...

Порою приходится слышать нарекания – мол, шизофреник – это просто человек с нестандартным мышлением, который зорко глядит сквозь ткань обыденной реальности и видит параллельные миры, а вы, мракобесики и кавайные няшечки, его нейрорептиками пользуете да сервис навязчивый предлагаете...

Заходил на днях давнишний пациент – просто показаться, сделать поддерживающий укол и получить лекарства. Я поймал себя на мысли о том, что вот его бы взять да побеседовать при нем с защитниками прав и поборниками антипсихиатрии. И чтоб не смели выходить из-за круглого стола часик-другой. На судьях уже проверено – им для полного взаимопонимания и согласия с установленным диагнозом хватает пятнадцати – двадцати минут, заберите же его отсюда, кто-нибудь...

У Сергея (дадим ему такое имя) стаж болезни – пара десятков лет. Сейчас он в стационар почти не попадает – хоть Сергей никогда в жизни не признает, что у него шизофрения, он четко для себя усвоил, что перерыв в приеме лекарств – это почти наверняка уход в штопор, переход в отношениях с родными от окопно-позиционной войны в решительное генеральное наступление с празднованием разгрома на больничной койке. И если беседу с обычным человеком можно сравнить с игрой в теннис, вроде подал-отбил, то здесь запущенный шар, как в причудливом пинболе, выбьет много неожиданных бонусов, прежде чем вернуться... да и вернуться ли? На всякий случай: Сергей так разговаривает всегда.

– Здравствуйте, доктор.

– Здравствуй, Сергей. С чем пожаловал?

– Мне, как всегда, нужны лекарства. Ле-кар-ства. Как инструмент вашего ле-кар-ства. Одно из них на «А» – для сна, другое на «А» – для настроения. Спать и улыбаться, просыпаться и тоже улыбаться. И еще мне надо сделать укол. Хороший, качественный, добротный, монументальный, в граните, в бронзе, Церетели идет к черту, для долгой и счастливой жизни, про лонга вита. Да, точно. Пролонг. Пролон-Г. На «Г».

– Понял тебя, Сергей. Уже выписываю, сейчас получишь все бесплатно.

– Это правильно, что бесплатно. Потому что платно – это бес. Это зло. Зло. Деньги. Деньги любят счет. Счетчики они любят, из людей счетчики делают. Родня меня на счетчик хочет поставить – пенсию отдай, соцпакет отдай. Им все мало. А самим Путин доплачивает. Ходит и доплачивает. Подбрасывает конверты. Дед Мороз. Который по снегу. И по льду. И Александр Невский. Который тевтонцев выгнал. И шведов. Каких шведов. А которые воры. Хотя воров среди них нормальных с тех пор не осталось. Одни немцы. И взяточники. Россию взять хотели. НАТЕ! ВО-ОТ!! ХРЕН ВАМ, А НЕ МОСКВА!!!

– Да ладно тебе, Сергей, переживать. У нас граница на замке. Ни катафалк не проползет,

ни бронепоезд не промчится.

– Ха! Что толку парадный вход запирать, когда черный нараспашку. Южный. Восточный. Они, мои родственники, та еще орда. Татаро-монголы латентные. Нагайки с луками попрятали. А сами не родные, а усыновленные. Гэсы. Их Гэсэр прогнал, потому что они произошли от змей, а здесь их усыновили. Родственники. Однофамильцы. Не тому, кто на мегаяхте. А то и его бы в дурдом сдали, а яхту отобрали. Родственники. Родствен-НИКИ. НИКИ. Думают, раз к Нике примазались, так сразу и победили.

– Неужто снова тебе козни строят да по миру пустить хотят?

– Нет. Нет. Они могут хотеть. Но не захотят. Потому что я им не позволю. Они у меня в голове этого хотят. А я выпью тот на «А», который для настроения, – и они будут улыбаться. А когда вечером выпью «А», который для сна, – они тоже лягут спать. А сейчас пойду, сделаю пролон-Г, и запру их в голове, и они перестанут мысленно со мной говорить. Мне ведь много для счастья не надо, доктор. Я до денег не жадный. И для женщин не опасный. И родственников люблю. Только пусть сидят в голове, улыбаются И МОЛЧАТ!!!

Супергиперопекун

Наверное, оно так неслучайно задумано уважаемым мирозданием, чтобы все идеальные вещи и качества в этом мире встречались исключительно отлитыми в бронзе, высеченными в граните и мраморе. Иридий с платиной тоже сойдут. С гармоничным сочетанием человеческих качеств и добродетелей дела обстоят не менее кудряво: то интеллекта недовес, то доброту зажали, то с хитрым устройством афедрона (проще говоря, с хитрожопостью) переборщили, то мудрости... впрочем, когда и кому ее вдоволь выдавали. И еще чувство меры. Оно вообще у человечества в хроническом дефиците. Именно поэтому принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям» может быть воплощен на практике только в пределах кладбища, а такая простая и понятная вещь, как десять заповедей, требует кучи комментариев вроде Уголовно-процессуального и Административного кодексов.

Ольга (пусть у нее будет такое имя) болеет уже лет пятнадцать. Обострения у нее случаются нечасто, от силы раз в два-три года. Обычно это голос в голове, который с недельку-другую жужжит под руку, нудно комментируя каждый поступок и жест, а потом смелеет, наглеет и начинает командовать. Правда, тоже нудно и монотонно – не столько командовать, сколько зудеть: маму убей, убей маму, прикончи эту стерву, сколько крови выпила, ну давай уже ее заколбасим, убейубейубейУБЕЙ!!! Как пошли восклицательные знаки – все, пора вызывать скорую, поскольку этот сволочной голос уже ничего толком не даст сделать, даже ночью будет доставать.

Доктора, зная маму Ольги, испытывают к голосу в голове пациентки двойственное отношение. С одной стороны, императивная галлюцинация есть зло, показание к неотложной госпитализации и мастдай. С другой стороны...

Ольге за тридцать. Миловидна, всегда аккуратно одета, скромна и вежлива. Не замужем. Просто не было ни единого шанса. С самого начала болезни мама, и так грешившая излишней опекой, решила, что это ей за то, что НЕ УСЛЕДИЛА и ПРОМОРГАЛА, и удвоила усилия. По ее железобетонному убеждению, идеальный муж – мужик без девайса, но работающий. А дети... Какие дети? Ей одной Оленьки за глаза хватает, а все эти бессмысленные телодвижения с осложнениями в виде беременности, все эти памперсы-пеленки и бессонные ночи – как можно! Ребенок и так тяжелобольной на оба полушария!

Как назло мужики все попадались с девайсом и – о ужас! – собственным мнением насчет анатомио-географических областей, куда должны срочно отправляться и где впоследствии безвылазно пребывать такие тещи. А Оля с детства привыкла маму слушаться. В общем, не сложилось.

Решив, что контроля много не бывает, мама на мужиках не остановилась и стала требовать от дочери отчета о каждом проведенном дне (в письменной форме, в виде дневника) и о потраченной пенсии (в отдельной тетрадке, чеки прилагаются). Финансовая отчетность маму интересовала особо, поскольку дочерняя забота, по одному из многих ее железобетонных убеждений, должна была иметь материальное подкрепление, причем постоянно растущее.

Так вот, любая попытка Ольги взбрыкнуть и сказать хоть слово поперек заканчивалась тем, что маман хватала непокорное дите в охапку и мелкой рысью скакала в дурдом – дескать, у малышки обострение, срочно ее спасайте. Получив обоснованный отказ, она громко рыдала, оглашала список смертных прегрешений, в кои впал их участковый психиатр, и предпринимала слезный ход по инстанциям. В основном, что радовало, без репрессивных оргвыводов.

Вот и этот визит исключением не стал: дите попыталось возмутиться, за что было схвачено и притыгдымкано к психиатру. С наказом госпитализировать, лишит дееспособности и отдать матери под опеку, уже официальную. А она тем временем съездит на юга, отдохнет от забот праведных. Пришлось провести долгую разъяснительную беседу о том, что недееспособность – это не медаль за материнские заслуги перед отечественной психиатрией, и что такими методами и эмоциями можно выплакать эту самую недееспособность разве что себе самой, и то не сразу. Ну и о вреде гиперопеки тоже, но по опыту всех прошлых лет общения с ней было ясно, что она благополучно не расслышала первую половину и тут же вытеснила из сознания вторую. А вот госпитализировать Ольгу я согласился и, пока мама ходила в буфет покупать дочери на дорожку целебный сок и жутко вредный беляш, подмигнул пациентке, пояснив, что отправляю ее не в закрытое отделение, а практически на курорт, в отделение невротиков: голосов у нее нет, в общее отделение класть не с чем, а вот легкая депрессия, как реакция на маму, наверняка имеется. А отделение невротиков – это ж красота: свободный выход за пределы больницы, тишина в палатах, а главное – среди пациентов есть парни. Мужики они, правда, не особо работающие, зато обходительные и с девайсом. И никакой мамы рядом целый месяц!

Вася

Необходимость выбирать, будучи впервые осознана еще в нежном возрасте, не отпускает человека всю его жизнь. Надеть в памперс сейчас или дожидаться, когда поменяют? Выгнать кошку из-под кровати петардой или дымовушкой из неваляшки²¹? Продолжить посиделки

²¹ Пояснение для тех, кто не застал или не очень помнит советские реалии: неваляшки, как и шарики для пинг-понга, делались из особого рода пластмассы. Если такую поджечь, а потом пламя задуть, получалось быстрое

пивком или сгонять за водочкой? Презерватив надеть или пронесет. В прокуратуру или в ЗАГС? Какая деменция предпочтительней – сенильная или алкогольная?

Утверждать, что Василий (пусть его будут звать так) был дружен с алкоголем, – все равно что заявлять, будто губернатор имеет некоторые бонусы из областного бюджета, помимо официальной зарплаты. С закрытыми глазами, только лишь по послевкусию и надежности поражающего действия выхлопа на пролетающих насекомых он мог сказать, какой завод выпускал фанфурик с перцовкой, какова дата выпуска антисептической жидкости и в каком из гаражей бодяжили настойку боярышника (она же коньяк медицинский, расфасовка в пузырьках и пакетиках по 100 миллилитров, но последние – стопудовая паленка).

Белая горячка посещала его раз пять или шесть, но потом заявила, что она женщина гордая, свободная, а визиты к Васе становятся подозрительно регулярными и скоро начнут смахивать на семейную жизнь, с постирушками и колотушками, что категорически претит ее натуре. И ушла. Вася было обрадовался: все, никаких рогатеньких и зелененьких, никаких пожаров, цунами и стрельб в отдельно взятой квартире, уж теперь-то он оторвется!

Отрывался долго, проявляя недюжинную смекалку в добывании средств на калдыр-вожж по местным аптекам и чудеса выносливости печени, которая стойко утилизировала упорно стремящиеся к летальным дозы спирта. Белая горячка оказалась дамой слова – так и не пришла. Зато под сводом черепа, перманентно гудящего от стремительно падающей концентрации алкоголя в крови, поселились два голоса.

Вначале Вася принял их за свои мысли, озвученные слишком ярко, и попытался напрячь пару извилин, чтобы это безобразие прекратить.

– Я те напрягу, гигант, блин, мысли! Напряжометр крикнет! – тут же пригрозил один из них, которого Вася окрестил Злюкой.

– Нет-нет, Вася, напрягай, дорогой, никак нельзя мозгу без напряжения, он от этого мягчает! – возразил второй, Добряк.

«Етиловый спирт, вот же ж я попал...» – подумал Вася.

– Пьянь подзаборная обыкновенная, – резюмировал Злюка. – Работы нет, жены нет и, судя по отсутствию утренних поползновений воспрять хоть чем-то, – не предвидится. Вася, ты жалкая, никчемная личность! Догадайся, откуда цитата.

– «Золотой теленок»? – робко предположил Вася.

– Ай, молодец, ай, красава! – возликовал Добряк. – Надо бы по этому поводу грамм по семьдесят пять...

«А это мысль...» – начал было Вася.

– Суицидальная по своей сути! – отрезал Злюка. – Хватит дразнить труповозку, они и так уже твой адресок на лобовом стекле держат, все не дождутся случая!

«Да ну!» – усомнился Вася.

– Ну да! – уверенно подтвердил Злюка. – Ты просто уже забыл, потому как от мозгов остались одни вдавления на черепе.

– Да ладно, не слушай его, Вася! Ты просто не злопамятный, вот и не помнишь плохого, правда?

– Да-да, и про диплом инженера тоже. А ведь учился! Учился. А теорему Коши помнишь? Можешь не доказывать, хотя бы черкни!

«Не-е, я только это помню... Архимеда... про тело, впернутое в воду, во!» – обрадовался Вася.

– Вася, я твой навеки! – возликовал Добряк. – За это надо выпить!

– Вася, не сметь!

– Вася, кого ты слушаешь – это мизантропическое чмо или всего такого филантропического меня?

– Вася, фу!

тление с огромным количеством едкого белого дыма. Мальчишки сплошь и рядом делали «дымовушки» – обломки пластмассы, завернутые в фольгу от шоколадок или сигарет.

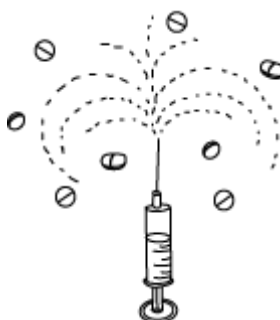
- Вася, он тебя за человека не считает!
- Вы оба, ша!
- Вася, он нас не уважает!

Вася сдался через месяц. Он пришел на прием нетвердой походкой, но в чистой рубашке и больших солнцезащитных очках – из тех, что так любят надевать за рулем юные барышни – по одному о... э-э-э... одной линзе на каждое полушарие, – и попросил о помощи. Правда, просьба пациента звучала несколько необычно:

- Доктор, только все голоса убирать не надо, пожалуйста!
- Оставить Добряка, я правильно понял?
- Нет, Злюку.
- ???
- ЕСЛИ ОН УЙДЕТ, Я СОПЬЮСЬ!!!

Окружают!

Даже у психически здоровых людей отношения с соседями зачастую складываются непростые. Что уж говорить про наших пациентов: зловредные соседи воздействуют на них особыми лучами, травят газом, колдуют, строят заговоры – спокойно сосуществовать нет никакой возможности. И ладно если злодей один...

Алексее Петровичу (пусть его зовут так) в соседи достались милиционер (этажом выше) и врач (этажом ниже). Несколько лет они ничем своего дурного к нему отношения не выдавали, напротив – даже здоровались и улыбались при встрече. Не иначе усыпляли бдительность. Провести этот трюк мог кого угодно, но только не его, человека старой закалки. Вон Михаил Сергеич однажды бдительность уже потерял. А следом Советский Союз и кресло президента. Поэтому, выйдя на пенсию, Алексей Петрович все освободившееся время посвятил сканированию окружающего пространства на предмет латентных недоброжелателей и мимикрировавших врагов. Ведь не может у хорошего человека таких не быть.

Соседи с момента его выхода на пенсию продержались три года. Не выдавали себя ни словом, ни делом. Что само по себе было еще подозрительнее. А однажды вечером до Алексея Петровича донесся резкий неприятный запах. В принципе, так мог пахнуть обычный жареный лук, но были в этом запахе очень подозрительные нотки. Луковая шелуха – вот оно что. И что-то химическое... а! Соляная кислота! Точно! Теперь все сомнения отпали: соседка снизу сбросила маску доброжелательности и перешла в газовую атаку. Ох, и сердце что-то прихватило – явно действие отравляющего газа... Вот что значит медик: все со знанием дела, и так, что комар носа не подточит.

Сосед сверху присоединился к «веселью» неделей позже. В туалете и ванной таинственным образом стали появляться какие-то странные крошки и пылинки. Не иначе как

из вентиляции. Явно со злым умыслом. Вначале Алексей Петрович не мог понять, в чем конкретно умысел заключался (в том, что он имел место, сомнений не было!), но слабеющая потенция и затрудненное мочеиспускание дали ответ: сосед сверху решил нанести удар по самому заветному.

В СЭС пробы воздуха, закатанные в банки, а также образцы пыли и крошек, собранные в пакетики, принимать отказались. Сговор – догадался Алексей Петрович. К его чести сказать, он не опустил до ответных мелких пакостей. Он сходил к соседям и попытался добрым словом разбудить в них совесть. Домой вернулся огорченный и с пополнившимся словарным запасом. Нет, какова наглость – заявлять, что ему надо к психиатру!

А через месяц сосед сверху предпринял массированную химическую атаку, умело замаскировав ее под потоп. Только сверху лилась не просто вода – туда явно добавили кислоту (облезла краска в ванной) и мышьяк (нездоровилось потом неделю). Возможно, еще что-то радиоактивное (с потенцией было нехорошо, но точно удостовериться не на ком). Материальный ущерб, конечно, возместили, но проводить спектральный анализ образцов снова отказались. И ничего странного: сговор, масштабный сговор. Еще сантехники, сволочи, бинокль сперли, как теперь двор просматривать? Раньше глянул – и сразу видно, кто чем занимается, кто чего замышляет. Даже временами слышно, кто чего говорит. Говорят, правда, в основном гадости и в основном про него, но хоть врага в лицо знаешь. Хорошо, противогаз не нашли.

Сердце стало побаливать чаще – не иначе соседка снизу опять химичила – и Алексей Петрович пошел на прием к терапевту. Вернувшись домой, тут же засел за письмо в прокуратуру. Это ж надо! Мало того что доктор не может отличить отравление кислотой и луковой шелухой от возрастных изменений коронарных сосудов, так еще и усомнился в здравом уме пациента. К психиатру? Алексей Петрович прекрасно помнил, кто его туда уже пытался послать! Дальше терпеть решительно невозможно. В этом городе сговорились все! Ну ничего, где надо – разберутся. Эх, то-то тюрьмы переполнятся!

Что удивительно, на прием к психиатру он все же пришел. Собрав все свое мужество и подготовившись к самому худшему. Почему? Дело в том, что и прокуратура, и уролог (враги врагами, а о себе позаботиться все же надо) отказались даже разговаривать, пока он не покажется в психоневрологический диспансер. Не президенту же писать. Доктор был корректен, на стационарном лечении не настаивал, хотя и обмолвился – мол, нервы бы подлечить неплохо, от нервов и сердечко может пошаливать, и потенция с думами о судьбах Родины обычно не дружит. Сошлись на дневном стационаре: говорят, у них там можно всех специалистов пройти в процессе лечения. А после обеда – домой, пока эти соседи совсем не распоясались. Да и двор надо держать под контролем, вот только бинокль бы у сантехников обратно реквизируют...

Об особенностях физиологии португальских лошадей

Наибольшее сочувствие и понимание из всех сотрудников правоохранительных органов у меня вызывают участковые. В том числе и потому, что с нашими пациентами им приходится встречаться не сильно реже, чем нам. И в тех условиях, когда методы убеждения уже не действуют, методы принуждения применять рановато, а метод личного примера... да пошел он, этот метод личного примера!

Историей этой поделилась наша коллега, очаровательная Юлия Юрьевна. К ней на прием пришла бабулька, Надежда Семеновна (назовем ее так), и затребовала с доктора справку, что у нее, у бабульки, с головой все в порядке. Надо сказать, что человек, заявляющийся к психиатру и требующий справку о том, что он психически здоров, обычно вызывает легкий укол профессиональной паранойи, причем не меньший, чем если бы визитер желал получить справку, что он псих. Сразу возникает закономерный вопрос: мол, а кому вы собрались эту справку показывать. А почему этому кому-то что-то надо доказывать. И вообще, индულгенциями торгуют не у нас, нет, адресок дать не можем.

Вот и тут доктор – нет чтобы сразу бац – и справку на стол. Но нет, оказалась въедливой и страсть какой любопытной, стала сыпать вопросами, да такими, что в двух словах-то и не ответишь. Пришлось колотиться.

Оказывается, прислал Надежду Семеновну участковый. Мол, не приму у тебя, Семеновна, больше ни одной телеги, пока справки из дурдома не принесешь. Вишь какой нахал. А ведь я его еще во-от таким маленьким помню. Или не его? Или не таким? Тьфу, запутали меня, доктор. А у меня сахарный диабет, на инсулине сижу крепче, чем Витька с первого этажа на своем герыче, чтоб ему так на том свете черти жилы тянули, как он мне нервы! Я, можно сказать, человек заслуженный, инвалидность имею. Аж второй группы. Нет, не умственного труда. Общую. Так вот, о чем это я? А, о заявлении. Я просила-то всего ничего: чтоб участковый разобрался с Прасковьей. Прасковьей Ивановной, если точнее, хоть и не заслужила она такой чести. Нет, не соседка. Была когда-то, лет семь назад, в соседях, а потом я переехала. Думала, избавлюсь от кровопийцы – так нет, она стала приходить по моему новому адресу и меня донимать. Для чего. А чтоб мою дачу заграбастать. У нас участки с ней соседние, так я ее к себе на дачу на лето пускала, жалеючи, – на ее шести сотках только кермек татарский с чертополохом хорошо растут, даже дома не построено, а муж умер, вот и приютила. А она с той поры задумала меня со свету сжить, а дачку-то себе оттяпать. Еще тогда начала клинья подбивать: позовет в мое отсутствие молодежь да мужиков постарше, они всю дачу презервативами закидают, а у меня через это дело сахар в крови ка-ак шандарахнет – и я в больницу попадаю. Прихожу из больницы – нет презервативов, только вороны квелые какие-то на заборе сидят – не иначе склевали и подавились. Я ее стыдить, Прасковью, а она честными глазами смотрит – мол, окстись, Семеновна, у тебя никак не только сахар в крови, но и дрожжи в одном месте, вот и бражничаешь себе помаленьку!

Выгнала я ее тогда, так она теперь уже три года как мне житья не дает. Приходит под окна и давай меня на разные голоса честить. А еще моду взяла – собаку со стоянки дразнит, собака начинает выть, а она ей вторит, и этот дуэт у меня под окнами часами концерты закатывает. Нет, саму ее я ни разу не видела. Да что я, не отличу, где собака воет, а где Прасковья Ивановна? Уж ее-то сучий тембр я ни с чьим не перепутаю. А еще она обманом выманила ключи от домофона у соседки со второго этажа. Теперь приходит по ночам в моем замке ковыряться. А когда я милицию вызываю, они вдвоем с собакой воют на машину, отчего наряд не всегда приезжает. Иногда двух дружков приглашает, фамилии, имена и адреса я участковому записала, так они втроем ТАКОЕ про меня говорят – вы бы слышали, доктор, так у вас не то что уши в трубочку – шевелюра в мелкие колечки без бигуди бы свернулась.

А ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ОНА ВООБЩЕ ВРАЗНОС ПОШЛА: ПОДХОДИТ К МОЕЙ ДВЕРИ И СИЛЬНО ПУКАЕТ, КАК ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЛОШАДЬ, АЖ ДВЕРЬ ЖЕЛЕЗНАЯ ДРОЖИТ! (Цитата дословная.) Меня выкуривает из квартиры, зараза!

Видимо, эпический и не стираемый даже заслуженной вечерней чаркой образ исходящей газами португальской лошади а-ля иерихонский джаз не оставил равнодушным даже участкового. Он-то и отправил бабульку-кверулянтку в юдоль скорбных головою и настрою

наказал без справки на порог опорного пункта общественного пока еще порядка носа не казать. От заманчивого предложения полечить в стационаре расшатанные собачьим воем и лошадиным пуком нервы Надежда Семеновна отказалась наотрез – какой отдых, когда Прасковья Ивановна не дремлет! Что, и справочку не дадите? Нет, такую не надо. Рецепт на лекарства взяла, правда, доктор особых иллюзий на сей счет не питает. Ждем новостей.

Люди и биороботы

Ну парик надену. Ну бородку постригу. Но умище-то куда девать?!

Владимир Ильич Ленин, собираясь в Разлив

Существует расхожее мнение, что шизофреники – поголовно люди незаурядного ума. Более того, что все их проблемы – как раз от его, ума то бишь, избытка. Многие сразу упомянут Джона Форбса Нэша-младшего, захватив для компании Перельмана, а покопавшись в памяти, припомнят Ван Гога, Михаила Александровича Врубеля, Рюноске Акутагаву. Соответственно, при этом сурово поглядывая в сторону ближайшего психдиспансера – мол, вот где таланты томятся. А вы им галоперидол вместо Нобелевской...

Нисколько не умаляя достоинств вышеозначенных гениев, все же отвечу фразой из анекдота: «Мадам, иногда бывают ПРОСТО СНЫ!» Соглашусь, сочетание шизофрении с дебильностью встречается нечасто. Не буду отрицать, что вне обострения со многими из таких пациентов бывает интересно поговорить. Однако позволю себе отметить, что не всякий шизофреник – гений, равно как и не всякий гений страдает шизофренией. Нередко бывает, что отрешенность, в которой пребывает гений, рождая очередную идею, принимают за ту инаковость, отстраненность, «нездешность», что в числе прочих есть в наборе шизоидных черт. Бывает и наоборот: странность шизоида, холодную отчужденность шизофреника с прогрессирующим эмоционально-волевым дефектом принимают за неординарность гения.

Александр (пусть у него будет такое имя) работает инженером на крупном заводе. Большую часть времени ни у него к заводу, ни у завода к нему претензий не возникает: исполнительный работник, не пьет, на место ведущего инженера не метит – не итээровец, а мечта! Но где-то раз в год начинает Александр донимать патентное бюро родного предприятия. А патентное бюро, соответственно, начинает донимать психдиспансер – мол, опять наших мозгов грязно домогаются, сделайте же что-нибудь!

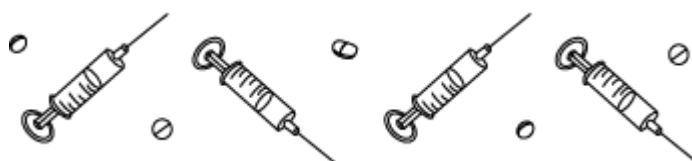
Он не притаскивает чертежи вечного двигателя, трехмерную схему кристаллической решетки философского камня, не делится принципом работы штатного телепорта. Он приносит стопочку листов формата А4 с рисунками – по одному рисунку в углу каждого листа. И ждет реакции, загадочно улыбаясь. На попытки выяснить, что же он всем этим народно-инженерным творчеством хотел сказать, Александр удивленно поднимает брови: неужели придется объяснять элементарное? Вы, наверное, шутите. Или держите меня за дурачка.

Держите? Нет? Ну тогда ладно, а то мне было показалось... А почему вон та девушка покраснела, дергается и уползает под стол? Ей плохо? Да вы что, когда человеку хорошо, он так себя не ведет. Так вы заявку будете принимать или нет? Как на что – тут всё есть. Нет, подробнее описать не могу, иначе пронюхают биороботы. Не слышали? Неудивительно: элементарных чертежей понять не можете, откуда вам про биороботов-то знать. Ладно, краткая лекция для наивных и несведущих.

Человечество постепенно вытесняется биороботами, чтобы подготовить идеальную исполнительную базу для финансовых корпораций. Остальным тайно вживляются микрочипы, изготовленные на территории Израиля. Ага, в кибуцах. Вы думаете, след от прививки против оспы – это что? Правильно, на самом деле – это шрам от микрочипа. Так биороботы распознают своих и нас, нормальных людей. А когда будет сигнал, они нас уничтожат. По крайней мере попытаются. Только у них одна особенность – плохой ассоциативный ряд. Абстрактных вещей они совсем не понимают. А я не хочу, чтобы моими изобретениями пользовались во вред людям – тем, настоящим, которых еще в роддомах не подменили. Поэтому принимайте заявку как есть. Что значит «галиматья». А ну плечо к осмотру! А-а-а-а, роботы в бюро!!!

Недавно Александр решил пойти другим путем. Выписавшись из стационара, он принес свои записи мне – мол, пользуйтесь, доктор. Раз в патентном бюро не принимают, так хоть вы поглядите. Только не спрашивайте меня, что на рисунках, не заставляйте в вас разочаровываться. Может, хоть вы не биоробот...

Внутривенный антикор

Вновь будни спецбригады были боевыми и эмоционально насыщенными. Отжигали наркоманы. Точнее, та их часть, что западает по всему экзотично-неклассическому. Вообще, фарминдустрия совсем мышей не ловит: такая масса безбашенных экспериментаторов над собой, а они все не могут решить, гуманно ли проводить тесты на животных! Не в подопытных козлах счастье, господа!

Первый вызов (звонила мама, умоляла забрать великовозрастное чадо, пока он всех не порешил) заставил экипаж барбухайки пожалеть об отсутствии повально-тотального насморка: квартира благоухала всеми оттенками органики. Потечи на косяках и в углах наводили на мысль о собаке, но отсутствие оной в помещении вкупе с уровнем отметин внесло коррективы, которые озвучил один из санитаров:

– Вот ведь собака два нога...

Из туалета доносился оживленный спор. Точнее, аргументы, приводимые одной из сторон и убеждавшие молчаливого оппонента, что как собеседник тот – дерьмо. Как оказалось, дерьмом собеседник был не только по мнению пациента, восседавшего на унитазах, но и де-факто. И угрожать ножом тому, что сжимаешь в кулаке, было совсем необязательно – оно и не собиралось сопротивляться. Нож отобрали, помыться заставили, в приемный покой привезли.

Второй пациент разжился средством с автомойки – то ли для удаления ржавчины, то ли для профилактики ее возникновения. Как объяснили ему более опытные торчки, состав этой адской штуки очень близок к «скорости» (так на их сленге называется амфетамин и все ему подобное), только для должного эффекта вводить жидкость надо внутривенно. Сложно сказать, как отнеслись к антикоррозийной обработке сосуда, но здравый смысл обиделся и хлопнул дверью. Зато пришли гости. Много-много маленьких жучков и вшей, которые

заявили, что отныне будут жить под кожей. Такого произвола пациент не ожидал и попытался их выдавить, но тщетно: они ползали, светились и нагло хихикали. Терпеть подобное отношение от оборзевших насекомых он вовсе не собирался, посему незамедлительно перешел к боевым действиям, за коими его и застала спецбригада. Вооружившись вилкой, адепт внутривенного антикора пристально разглядывал руки и ноги, периодически восклицая «Ага!» и делая прокол одним зубцом. Рядом стояла баночка, в которую складывались видимые одному ему трофеи. Так, с баночкой, и госпитализировали.

Потом была семейная пара, которой кто-то поведал, будто от порошка (какого именно, доподлинно выяснить не удалось) у мужчин возникает острый приступ приапизма и мощный прилив мужской силы, а у женщин – соответственно, многократный взрывоподобный оргазм. На деле же не чем иным, как острым приступом слабоумия, повлекшим острый приступ наркотического делирия, их приобретение назвать нельзя. В итоге прибывшему гвардейскому экипажу пришлось разделить: один отправился отлавливать малютку-привидение, барражировавшее в пространстве лестничной клетки в простыне и с трусами на голове, а остальные вынуждены были в спешном порядке выяснять, за каким нефритовым жезлом мужик полез в окно на двенадцатом этаже.

Ну и, чтобы добить эту тему до конца, бригаде ночью пришлось съездить еще на один вызов. Употребив что-то, как ему самому казалось, безобидное, товарищ уже собрался отдохнуть за просмотром добротной немецкой порнухи, как вдруг на кухне раздался шум и ворчание. Все в детстве читали Чуковского – про «вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой...»? Вот уж не знаю, каков был ассоциативный ряд у нашего страдальца, а только явился его взору очень сердитый холодильник, который надвигался с неотвратимостью краха капитализма, при этом очень сильно матерился и алчно хлопал дверцей. Спасло только то, что дверной проем у балконной двери не позволил бытовой технике продолжить преследование. Помог и вовремя прихваченный сотовый телефон. Дежурный полицейский имел несколько счастливых минут общения, только периодически то ли кашлял, то ли икал в трубку, после чего пообещал, что помощь обязательно придет. Обнадеженный, хоть и замерзший, пациент осмелел, и к моменту прибытия спецбригады холодильник узнал о себе много нового и обидного. К известию о том, что забирать будут его, а не распоясавшийся агрегат, молодой человек отнесся довольно спокойно, даже вздохнул с облегчением – мол, слава богу, это все же глюки! Но, покидая квартиру, старался, чтобы между ним и холодильником оставался как минимум один санитар.

И нечего на меня так смотреть!

Супружеские взаимоотношения – вещь непростая сама по себе. Вот так вот живешь, ни о чем не подозреваешь, тешишь о диван свое самолюбие или как оно там называется, и вдруг раз – и выясняется, что Карл Маркс и Фридрих Энгельс – это не четыре мужика, а два. И сообщившая тебе эту страшную новость супруга подозрительно умнее тебя. И наверняка интеллект – не единственная из ее сильных сторон, которые она до сей поры умело прятала,

соглашаясь, восхищаясь и идя на компромиссы. Как тут не возникнуть легкой паранойяльной озабоченности?

Владимир (назовем его так) уже несколько лет не питал никаких иллюзий относительно способностей жены. Как будто мало того, что красивая и смышленная (за кроссворды с ней лучше не садиться, чтобы не чувствовать себя последним из племени женатых имбецилов), так еще и обладает патологической склонностью к гипнозу. Бывало, позволишь себе лишнего с мужиками во дворе, придешь домой – а она на тебя МОЛЧИТ И СМОТРИТ. Право слово, лучше бы чем огрела. Ан нет, всю душу этим взглядом наизнанку вывернет. А потом стал Владимир замечать, что и без повода гляделки ничем не лучше стали – все из рук валится, настроение ни к черту, в груди и животе пустота, ноги как деревянные – нет бы что другое! Пытался выяснить, за что ему такое наказание, – нарвался на длинную и обстоятельную лекцию о странностях мужской психики вообще и совершенно инкурабельной²² убитости в хлам его собственного душевного здоровья, вместе с попытками выяснить у Господа, за что ей такое семейное счастье. А гипнотизировать не перестала. От этого и сон пропал, и аппетит – а ей хоть бы что! Знай глядит да на психику давит. И при этом болтает как ни в чем не бывало – вот ведь высший пилотаж, Кашпировскому и то приходилось лицо делать серьезное, внушительное, а она вроде бы о погоде говорит, а сама – воздействует, зараза...

А тут пошла к соседям снизу – то ли попросить чего, то ли посмотреть – и задержалась. И вдруг Владимиру так сильно похужало, так скоропостижно занемоглось, что он сразу смекнул: спелись, гады. И теперь снизу беспрепятственно гипнотизируют вскладчину. При нем-то, видно, она еще как-то стеснялась, а через бетонное перекрытие да в компании не в пример легче. Сидят небось и потолок глазищами сверлят. Шáбаш, блин, надомный устроили. Охватила его паника – а вдруг их там целая гипнотизерская рота имени все того же приснопамятного Кашпировского засела. И оттачивают на нем свое черное мастерство. А он тут одинешенек, весь такой зайчик-мастдайчик над террариумом с голодными удавами...

Не учла жена одного: про то, что у нее астма, Владимир прекрасно помнил. И решил выкурить ее из соседской квартиры, чтоб потом учинить допрос по всей строгости. Взял бутылку уайт-спирита из хозяйственных запасов, полил соседский балкон. Показалось мало. Взял бутылку бензина, добавил. Астма оказалась углеводородоустойчивой, из квартиры соседей жена никак не выкуривалась, поэтому следом полетела горящая тряпка: дым – он все же поконкретнее будет. Опять же у деда покойного в деревне этот фокус с барсуками удался. Поскольку устраивать пожар изначально в планы Владимира не входило, он решил привлечь внимание соседей к весело занявшемуся балкону и, ухватив пудовую гирию, стал ронять ее на пол с криком: «Дом горит, козел не видит!»

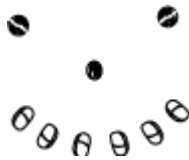
Вместо супруги пришли сердитые полицейские. В компании с не менее сердитыми пожарными. Обрадовавшись, как родным, Владимир с готовностью поведал им историю о заговоре и гипнозе и даже согласился прокатиться с ними в отделение, а уже оттуда, в сопровождении изрядно нагруженного информацией о женских кознях и советах не жениться никогда милицейского наряда – в приемный покой психбольницы.

На госпитализацию супруг-страдалец согласился без особых проблем. Правда, вначале заручился гарантией дежурного врача, что психиатрам есть что противопоставить магии женского гипноза, что все здание надежно экранировано – вон даже на окнах решетки, а стекла радиогипноментальноустойчивые. А также что жену к нему будут пускать на свидания только под бдительным присмотром санитаров – они проследят, чтобы не смела ничего внушать!

²² Неизлечимой.

Как правильно легализовать доходы

Так уж выходит, что в бредовую систему, буде такая разовьется у пожилого человека, чаще всего оказываются вовлечены родные и близкие. И уж тогда им остается только запастись терпением, нужными медикаментами и телефоном спецбригады, поскольку бред – это как отечественный автомобиль: приобрел – и вступаешь в перманентную интимную связь с ним самим, его производителями (заочно, но от души) и станциями техобслуживания (очно и стиснув зубы).

Если вдуматься, то жаловаться на жизнь Александре Ивановне (назовем ее так) было грех. Дача, крыша над головой, пенсия, довольно крепкое для семидесяти пяти лет здоровье, внимательные и заботливые дети – живи и радуйся! Разительный контраст с теми страстями, что каждый день охотно рассказывают, смакуя подробности и закатывая глаза, боевые подруги из отдельного дворового пенсионного отряда по сбору и распространению информации и компромата. Послушаешь – и страшно жить становится. Молодежь совершенно деградировала, спилась, села на наркотики и поголовно ушла в криминал. Весь порядок, все моральные и культурные традиции еще как-то держатся за счет невероятных духовных усилий здесь присутствующих, но тех все меньше с каждым днем: одни умирают, других подавали в дома престарелых – у апокалипсиса просто нет шансов застать на этой планете нормальных людей!

Александра Ивановна кивала, соглашалась, но рассказывать про своих ей было как-то неловко. У всех в родне люди как люди: выпивают, жен-детей бросают, стариков на хлебе и воде держат, а то и вовсе потихоньку в могилу сводят какой-нибудь страшной порчей, а у нее – интеллигенты, одеты с иголки, выпивают только по праздникам рюмку-другую, да не бог весть чего, а таких напитков, что по местным алкоголикам жаба паровым катком бы проехала – этакое купить. И ее не забывают – то приоденут, то ремонт в комнате дорогуший сделают, то телевизор новый купят. Словом, нечего народу рассказать, даже как-то подозрительно.

Трудно доподлинно сказать, сколько же времени шли тщательные поиски ложки дегтя, а только услышала однажды Александра Ивановна голос. Он звучал в голове и был негромок, но его невозможно было не различить. Он-то и поведал ей всю подноготную детей. Оказывается, они только изображали из себя законопослушных граждан. На деле же им принадлежали подпольные казино, пара фабрик по производству паленой водки и публичный дом. Не считая того, что сын оказался вором в законе и мозговым центром одной очень известной бандитской группировки. Голос и кличку называл, но Александра Ивановна от волнения ее тут же забыла. А невестка, как выяснилось, была его соратницей, подельницей и хранителем воровского общака. Внуки – так, пока рядовые бандиты, но с перспективами. Правнуки... Тут Александра Ивановна категорически заявила, что вот о правнуках ничего слышать не желает: они солнышки, лапушки – и точка! Удивительно, но голос перечить не стал.

Представьте на месте Александры Ивановны какую-нибудь законопослушную

европейскую бабульку: та уже скакала бы, роняя тапки, к телефону, чтобы довести до сведения, сдать куда следует и с гордостью прикрутить к своей двери табличку – мол, ахтунг, здесь живет сознательная гражданка, сотрудничающая с полицией. Теперь вспомните, о какой стране идет речь. Наша старушка выдохнула с облегчением: ну слава те яйца, все как у людей. И перед соседями не стыдно. Только вот за детей немного тревожно – а ну как придут с обыском, найдут какую-нибудь улику да и упекут в кутузку. А у нее уже не то здоровье, чтобы передачи носить. Надо детям как-то помочь.

В тот вечер дети пришли домой довольно поздно: видать, криминальный бизнес – штука трудоемкая, кропотливая и отнимающая уйму времени. Как потом рассказывал сын пациентки, самой большой ошибкой при расстановке мебели в квартире оказалось отсутствие в прихожей двух стульев (ну хотя бы табуреток) и аптечки с чем-нибудь сердечным. Через весь коридор были натянуты бельевые веревки, на которых, закрепленные прищепками, висели мокрые купюры. Александра Ивановна была поглощена работой: она замачивала в тазике с мыльной водой очередную пачку купюр – как раз из тех, что были отложены главой семейства на покупку гаража. Еще одна партия денег выполаскивалась в ванне, в чистой воде.

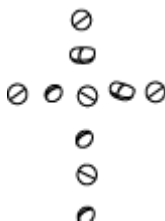
– Ну вот, – утирая пот со лба, улыбнулась бабулька, – теперь все будет в порядке.

– Что будет в порядке? – автоматически переспросил еще не вышедший из ступора сын.

– Бабки я вам отмыла – вот что. Теперь ни один поганый мент не подкопается! – гордо пояснила она и запела что-то под нос. Кажется, «Мурку».

Еретичка

Взаимоотношения, складывающиеся у наших пациентов с Богом, трудно описать однозначно, уж очень они разносторонние – от неприятия и заочных упреков в несовершенстве этой долбаной реальности до прямого диалога, минуя Метатрона и Неопалимую Купину. Тематика прямых бесед также довольно различна и выходит далеко за рамки заповедей, что были однажды выданы.

Эльвира, вероятно, уже некоторым из вас знакома благодаря ее особой диете. Надо сказать, что после стационара она чувствовала себя довольно неплохо, поправилась и посвежела, аккуратно ходила на прием, выполняла все рекомендации по лечению, но... Болезнь – такая штука, она не всегда интересуется нашим мнением относительно того, как себя вести и каким лекарствам поддаваться. Более того, у нее десяток фиг в карманах и полтонны нездорового сарказма наготове.

В этот раз было видно, что с Эльвирой что-то не то: в диспансер она явилась чуть ли не к открытию, но в кабинет после регистратуры не пошла: долго бродила по коридору, потом пила чай в буфете, потом села на самую дальнюю от кабинета лавочку, минут через пять пересела чуть ближе, потом еще... В итоге она перешагнула порог кабинета только часа через

три. Вид у нее был сосредоточенно-озабоченный.

- Эля, здравствуй. Ты все же превзошла мои ожидания и успела до конца приема.
- Здравствуйте, доктор. Вы знаете, попасть к вам было довольно сложно.
- Ну, учитывая разницу во времени между твоим прибытием в диспансер и текущим моментом, – пожалуй, да, соглашусь. В чем же конкретно эта сложность заключалась?
- Очень трудно быть еретичкой, доктор.
- Поясни, пожалуйста.
- Дело в том, что я опять стала разговаривать с Богом. После стационара было короткое затишье, и вот Он снова со мной заговорил.
- Раньше, насколько я помню, Он просто давал тебе понять, чего Он хочет, а чего – нет. Что-то изменилось?
- Да. Теперь Он просто об этом говорит. Может быть, я стала тоньше чувствовать. А может, Он счел меня тупицей и стал выражаться конкретнее – не знаю.
- О чем хоть говорит-то? Вдруг что-то ценное?
- Да пока ничего такого особенного, в основном на меня ругается и обижается.
- На тебя-то за что?
- За то, что я Его не слушаю и иду против Его воли. Говорил не есть – я не послушалась. Теперь стал требовать, чтобы я прекратила пить лекарства и ходить к вам на прием – а я снова не послушалась. Он очень обижается и иногда ТАК может приложить словом – я и не подозревала, что Он умеет.
- Ну, учитывая Его опыт общения с народными массами, я не сильно удивляюсь. Удивляет другое – что Он до сих пор не взялся за какую-нибудь мухобойку с целью воспитательного гомицида. Еще удивляет, что ты Его не слушаешься. Стойкая ты девушка, как я погляжу. Другая уже давно послушалась бы и бросила пить лекарства.
- Э, нет! Пусть говорит себе, что хочет, но лекарства мне нужны. Если бы не лекарства, особенно галоперидол, то весь мир бы разорвался на части, как Бог и обещал.
- Хм. Неожиданное свойство обнаружилось у галоперидола. Хотя он довольно разносторонний и сильный препарат: связи с космосом и всякие вредоносные лучи рубит на корню, от порчи и соседского шепота охраняет почище амулета, на инопланетян и местную нечисть – так вообще словно дуст действует. А тут еще и мироукрепляющее действие. Может, добавлять его в систему водозабора перед очередным апокалипсисом? Когда у нас там по расписанию, Бог тебе ничего на этот счет не сообщал?
- Нет, Он занят спором со мной.
- Меня настораживает вот что: отчего галоперидолу не удастся заставить Его замолчать?
- Доктор! – Изумленный взгляд в мою сторону. – Да вы еретик еще покруче меня! Это же Бог. А вы Его галоперидолом. Я ж вам объясняю: галоперидол – это чтоб мир не разрывался. А на Бога галоперидол не действует. Да мне Он не сильно-то и мешает, просто немного настроение портит своими наездами. Я ж, собственно, за антидепрессантами пришла. Ну и галоперидол, куда же без него...

Лечить или не лечить?

Как говорил нам, тогда еще зеленым студентам, один преподаватель в институте, каждый доктор проходит в развитии своего врачебного мировоззрения несколько ступеней. Первая: больны все! Здоровых не бывает! Всех лечить! Вторая: организм пациента мудрее врача! Дайте природе сделать свою работу! Большинство болезней (если это не травма и не опасное для жизни состояние) можно не лечить. И третья: так все же лечить или не лечить?

Ловлю себя на мысли, что безнадежно завис на третьей ступени.

Есть пациент. Назовем его Андрей Николаевич. Наблюдается уже третий десяток лет, из них лет пятнадцать на инвалидности. Видимся мы с ним в поликлинике примерно раз в два месяца: пришел, рассказал про домашние дела и заботы, ушел домой. Бывало, приходилось госпитализировать – казалось ему, что антенны радиоретрансляторов и вышки компаний сотовой связи прицельно по нему лупят. Пытался, соответственно, обороняться – от писем во все инстанции и изготовления средств индивидуальной противоволновой защиты до ведения партизанской войны, с перекусыванием кабелей и развешиванием на излучателях старых ковриков с помойки. Он еще возмущался – мол, в молодости на РЛС²³ служил, мне там этого излучения с лихвой досталось, так еще и здесь покоя нет. А уж уговорить его пройти флюорографию было практически невыполнимой задачей – на доктора смотрели так скорбно, словно тот не в рентгенкабинет писал направление, а на физиопроцедуры в газовую камеру.

Как-то раз он пришел на прием с куском алюминия, выточенного в виде отрезка гитарного грифа, с ладами и струнами. Смущенно улыбаясь, заверил, что это вовсе не волновой отражатель, а тренажер игры на гитаре его собственного изготовления. Воодушевленный тем, что его не перебивают и внимательно слушают, Андрей Николаевич рассказал, что он, имея высшее музыкальное образование, подрабатывает репетиторством – на пенсию инвалида хорошо только ноги протягивать или руку с шапкой на паперти, но оба варианта его категорически не устраивают по разным причинам. Он показал таблицу аккордов, объяснил, что с помощью этого тренажера можно не только научиться правильной постановке пальцев, но и тому, как перебирать струны при игре. Спросил, имеет ли смысл патентовать изобретение. Я ответил, что патентовать можно и нужно.

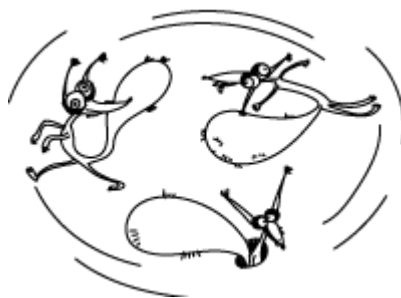
А недавно Андрей Николаевич пришел ко мне на очередной прием. Я заметил, что одеваться он стал не в пример аккуратнее, за что не преминул его похвалить. Оказалось, он сумел не только запатентовать свое изобретение, но и получить довольно лестные отзывы о нем – кажется, в Санкт-Петербурге, куда он специально ездил для демонстрации возможностей тренажера. Помимо денег, вырученных от продажи патента, у него значительно расширилась аудитория учеников в родном городе. А стабильный заработок позволил ему наконец сделать предложение руки и сердца одинокой женщине, к которой он давно испытывал симпатию и которую не пугало, что Андрей Николаевич психически болен. Ей по опыту прошлых лет очень даже было с кем сравнить, и это сравнение оказалось совсем не в пользу тех, бывших, условно психически здоровых.

Что же касается радиоволн – их он чувствовать не перестал. Просто решил для себя, что раз уж его эти волны за столько лет не убили, то с чего бы им в дальнейшем вести себя как-то иначе. Опять же – а вдруг они его даже укрепят? Да и в любом случае, не стоят они душевных терзаний и ответных боевых действий. Правда, сотовым Андрей Николаевич пользуется редко и только через гарнитуру.

А лечение... Да бог с ним, с лечением. За те полтора десятка лет, которые я его наблюдаю, лечение понадобилось ему от силы раза три-четыре, и от того, принимал он лекарства постоянно или бережно хранил их в аптечке, частота обострений не зависела никак. Поэтому мы с ним так и решили: до тех пор, пока не появится насущная необходимость, – никаких лекарств. И так уже несколько лет.

Жуки-вампиры и кролики, или О послепраздничном

²³ Радиолокационная станция.

Увеличение количества делириозных пациентов после Нового года вполне закономерно. Как бы долго ни длились праздники, они все же заканчиваются. А далее наступает производственная необходимость. Или финансовая несостоятельность. Или печеночная недостаточность. Словом, перед внутренним взором, словно транспарант на китайском роддоме, висит лозунг: «ХВАТИТ!!!» А поскольку с принятием волевых решений в нашей стране принято тянуть, как с укладкой асфальта – вплоть до приближения ливневого фронта, – неудивительно, что обрыв запоя происходит очень, очень резко. И доставляет доблестной спецбригаде немало интересных переживаний. Особенно запомнились два вызова.

Первый был переадресован в скорую из СЭС, куда позвонил мужчина и пожаловался на насекомых в квартире. «Тараканы?» – поинтересовались на станции. Нет, хуже. Жуки. Какие, на фиг, жуки? Жуки-вампиры. Набрасываются, гаденыши, припадают к венам и сосут кровь. Может, клопы? Ну что вы, клопы – они мелкие, а эти вон какие, с пятирублевую монетку. Давишь их, давишь, а они опять откуда-то лезут. Наверное, где-то поблизости гнездо.

На всякий случай сотрудники СЭС все же съездили на вызов, полюбовались, как самозабвенно мужик сбивает с себя что-то щелчком пальцев и с остервенением давит то же самое что-то каблуком надетого по случаю ботинка. Посочувствовали, вызвали спецбригаду – мол, от жуков-вампиров дуст только у них, да и потеря крови от укусов может оказаться опасной.

К приезду спецбригады мужик был согласен не только на дуст, но и на напалм, лишь бы радикально и надежно. Всю дорогу до психдиспансера он меланхолично собирал паразитов-кровососов, периодически прося санитаров поджечь ноги – «а то уползет, а вам потом ловить его по салону». Последних жуков он давливал уже в процессе оформления истории болезни, мстительно им улыбаясь.

Второй вызов поступил от жены пациента, которая пожаловалась, что устала вторые сутки наблюдать за тем, как тот мечется по квартире с топором. «Нет, на меня он не бросается, просто просит не мешать и сильно ругается, если я пытаюсь куда-то отлучиться, заявляя, что сейчас всех ему тут распугаю. Кого. Я тоже спрашивала, но он оскорбился и сказал, что нечего прикидываться и что я сама их должна видеть. Так что вы приезжайте скорее, а то мебель очень жалко». Перефразируя народную самурайскую мудрость, сумасшедший пациент с топором подобен сумасшедшему пациенту без топора. Только с топором. Поэтому гвардейский экипаж барбухайки готовился к худшему. Ко всеобщему удивлению, в квартире было тихо. Повсюду валялись щепки и обломки мебели. Линолеум прочерчивали боевые шрамы, на косяках виднелись глубокие зарубки.

Больной вышел из дальней комнаты, держа в одной руке топор, а в другой – довольно объемистый мешок. Настроение у него было лучезарное.

– Здравствуйте. Вы кто?
– Доктора.
– Жена, что ли, приболела? Ай-ай, как же я не углядел...
– Вы сможете проводить жену до приемного покоя?
– Ну конечно, что за вопрос! Света, я же тебе говорил – при твоём иммунитете вообще нельзя пить, а ты все стараешься, чтобы мне меньше досталось! Кстати, это вам. Я тут немного кроликов нарубил. Всю квартиру заполонили, прямо какая-то напасть.

С этими словами он протянул санитару мешок с каким-то тряпьем и обломками то ли

шкафа, то ли стола, а сам пошел одеваться, по дороге тукнув топором по изрядно порубленному подоконнику.

– И откуда успел взяться?...

– Хорошо, что на дворе не год дракона, – пробормотал санитар, разглядывая содержимое мешка.

Отмолила

Беглый просмотр телевизионных каналов и бульварных средств массовой информации может повергнуть непривычного человека в состояние, близкое к оглушению пустым мешком из-за угла: скоро конец света и никто не чешется. И как жить? То ли бегом приводить душу в состояние, пригодное для прохождения райского соулконтроля²⁴, то ли, как вариант, взять кассу и поиметь весь противоположный пол – ну хотя бы попытаться? Так ведь никаких гарантий: вот так дернешься, наделаешь поступков – а тебя возьмут и прокатят с Рагнареком. И будут за тобой гоняться уже не валькирии... точнее, не только они, но и кредиторы. Пичалька...

На днях пришла на прием женщина. Назовем ее Татьяной. Была она сильно встревожена и чем-то расстроена. Родные, которые привели ее, ничего не понимали, рассказали только, что целую неделю не могли попасть к ней домой: она забаррикадировалась, отключила телефон и никого не пускала на порог. Поначалу было трудно разобраться, что же с нею произошло, но понемногу она разговорилась. Было видно, как со словами ее покидает внутреннее напряжение.

– Доктор, мне так неудобно, я ведь целую неделю не ходила на работу!

– Отчего же не ходили?

– Вы не поймете. Мне было нужно. И не только мне. Но все равно перед людьми неудобно.

– Я думаю, люди как-нибудь смогут это неудобство пережить, а вот то, что вы целую неделю просидели взаперти, не может не обеспокоить.

– Так было надо, доктор.

– Хорошо, Татьяна, я вполне готов согласиться, что у вас была для этого веская причина. Ведь была?

– Да. Вы даже не представляете себе, насколько веская.

– Татьяна, мне и в самом деле будет затруднительно это сделать без вашей помощи. Может быть, вы расскажете?

– Я провела неделю в молитве. Без сна, на хлебе и воде.

– Любая молитва имеет какую-то цель. Какова была ваша?

²⁴ *Soul* – душа (англ.).

- Я спасала семью и себя.
- Вам и семье что-то угрожало?
- Да. Родовое проклятие.
- Каким образом вы о нем узнали?
- Был глас Божий, он мне все рассказал.
- Отчего вы решили, что это был именно Божий голос? Он звучал из горящего куста? Или были другие признаки божественности?
- Он звучал у меня в голове. И не оставил ни капли сомнения в том, кому он принадлежит.
- Это как?
- Доктор, вот когда сами услышите – поймете!
- Хорошо, осталось дожидаться, услышать и понять. И как вы боролись с проклятием?
- Голос сказал, что если я выдержу испытание, то все будет хорошо. Я выдержала. Я молилась и освящала квартиру.
- Сами?
- Да. Он произвел меня в сан и объяснил, как и что делать.
- Татьяна, остается один маленький вопрос: если с вами и с вашей семьей все хорошо, зачем же вы сюда пришли?
- Хм. Но я же пропустила работу, ведь так? Мне нужен больничный, чтобы меня не уволили.
- Стоп-стоп-стоп. И как мне объяснить вашу временную нетрудоспособность? Сразу оговорюсь, что родовое проклятие не всякому работодателю покажется достаточно уважительной причиной.
- Но ведь у меня была бессонница? Была. Была тревога? Была. Они и сейчас у меня есть, хоть Бог мне и говорит, что беспокоиться больше не о чем. Напишите, что был невроз, мне больше ничего от вас не надо.
- Так говорите, что Бог с вами не закончил общаться?
- Нет, разговаривает регулярно.
- И бессонница. И тревога. Знаете, Татьяна, у меня есть идея получше. Отправлю-ка я вас в дневной стационар. И больничный будет, и бессонницу с тревогой там помогут убрать.
- Потом мы еще минут пять обсуждали подробности лечения в дневном стационаре, пока пациентка, наконец, не согласилась. Взяв направление, она пошла к выходу, но в дверях оглянулась.
- Кстати, доктор...
- Да, Татьяна?
- Конца света не будет, не опасайтесь. Я заодно отмолила. Можете не благодарить.

Маленькой елочке...

Запевала:

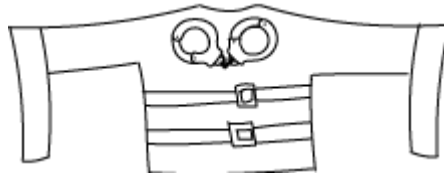
Как по нашей речке
плыли три дощечки...

Хор:

Эх, мать твою так,

восемь кубометров!

© *Детсадовская задорная*

Однажды младшая дочь поинтересовалась – куда девается елка, которая приходит на Новый год из леса? Пока загруженный переживаниями о судьбах елок отец придумывал достойную, не травмирующую детскую психику легенду, ребенок сам подсказал ответ. Ты что, мол, не видел? Они же собираются внизу у подъезда, а потом отправляются в лес! Картина хвойных дендромутантов, кучкующихся по подъездно-территориальному признаку, а затем организованными колоннами покидающих город, была из разряда тех, что потом долго и безуспешно пытаешься забыть. А на днях Денис Анатольевич приподнял завесу тайны...

В этот раз гвардейский экипаж барбухайки отправился на вызов вместе с нарядом полиции. Дело было из серии «привыкли руки к топору»: наша давнишняя пациентка (назовем ее Ольга) уже третью неделю не давала соседям прохода – ругалась, грозилась приготовить из них фарш четвертой категории (рубится вместе с предметами интерьера). На днях она перешла к активным боевым действиям: обрубилa телевизионный кабель, с особым цинизмом лишив несчастных любимого сериала и спортивных новостей, а ночью покровсала в капусту соседский электрощиток. Тот, правда, перед смертью дал электрической сдачи, на какое-то время утихомирив фурию-валькирию и привнеся в ее прическу изрядную долю необузданной энтропии, но фронтовая тишина была недолгой. Придя в себя, Ольга продолжила курсировать туда-сюда по коридору с топором наперевес, готовая снова вступить в полемику.

Прибыв на место, полиция и спецбригада с удивлением оглядели общий коридор. Толщине хвойной подстилки под ногами мог позавидовать сосновый бор, в воздухе витал стойкий запах смолы и хвои, а вдоль стен громоздились штабели сухих сосенок и елок. Посреди всего этого великолепия бродила Ольга в халате, резиновых сапогах на босу ногу и с топором в руках. Ах да, забыл про прическу «взрыв сверхновой».

Вопреки ожиданиям и опасениям, топор был сдан без особых возражений, после чего гостей широким жестом пригласили в квартиру. Последовала вторая серия культурного шока. Вся квартира была густо уставлена хвойными самых разных видов и степеней мумификации. На многих блестели остатки мишуры и серпантина, а кое-где – даже оставленные в спешке елочные игрушки. Каждый ствол покоился в трехлитровой банке с водой. Просочиться из комнаты в комнату можно было только узкими партизанскими тропами.

- Ольга, ты что из квартиры сделала? – поинтересовался доктор.
- А то не видно. Корни проращиваю, весной посажу обратно, будет лес.
- Где будет лес?
- Везде будет лес. Живем, блин, в степи, а тут еще эти пожары летом были. Скоро уже белочек не останется, тушканчики придут. Мне голос был, слыше. Так и сказал: «Озеленяй!»
- Думаешь, прорастут елки-то?
- Прорастут, никуда не денутся. Я слово зеленое знаю. И воду по-особому лью.
- Это как это – по-особому?
- С улыбкой, с пожеланием добра.

Доктор попытался представить себе улыбающуюся Ольгу с лейкой в одной руке и топором в другой и признал, что да, альтернатив при таком подходе немного, а намек дойдет даже до дерева.

- Тебе бы в партию «зеленых» вступить, им нужны такие активисты.
- Ха! Видела я этих активистов по телевизору. Сплошь пикеты да демонстрации. Нет

чтоб дерево посадить, пожар потушить – одно слово, партия!

– Ну с «зелеными» худо-бедно понятно, а соседей-то почто терроризируешь?

– Злые они, доктор. Черствые. Я их по-человечески просила: мало у меня места, пусть елки из коридора к себе возьмут, в воду поставят, я им даже банки одолжу. И что? Сплошь упреки и оскорбления – мол, сумасшедшая.

– Ну, положим, топором по электрощитку – это не от великого ума. Что ж, собирайся, поехали в больницу.

– Эх, как не вовремя! Ладно, поеду. Только скажите соседям, пусть за моими елками следят, поливают, и те, что в коридоре, хоть куда, но пристроят. Вернусь из дурдома – проверю!

Кто до Гондураса?

Выходные дни для экипажа барбухайки, этих мастеров вязок, доброго слова и убойной харизмы, прошли относительно спокойно. То есть все было как всегда: люди так же продолжали сходить с ума, кушать большой ложкой последствия экспериментов со своим несчастным сознанием – алкогольных и чем похлеще – словом, город жил нормальной цивилизованной жизнью. Не обошлось без достойного пера случая, и Денис Анатольевич поделился новой историей.

Равно как и любая попытка обуздать вселенский хаос, превратить броуновское движение в строевой шаг или хотя бы во что-то ритмичное, на четыре четверти меццо-форте, попытка сократить количество дураков, дорвавшихся до руля автотранспорта, – это задача принципиально невыполнимая. Но мы пытаемся, пытаемся. Один из шагов, служащих этой благородной цели, – ограничение допуска к вождению для некоторых категорий наших пациентов. Конечно, кто-то из них и без наших запретов к рулю и близко бы не подошел, но иные реагируют похлеще цыгана, которому доверили колхозный табун, но настрого запретили садиться верхом.

Около одного крупного торгового центра располагается конечный пункт следования маршрутных автобусов, он же – место их стоянки, где кучкуются «Газели», «Богданы», «пежо» и «хендайчики», пока водители точат ласы, играют в нарды, пьют чай с бутербродами – словом, отдыхают от роскоши общения с пассажирами и напряженной, расписанной по минутам гонки по маршруту. Пока водитель одного из «Богданов» бродил по просторам этого флагмана мерчендайзинга, прикидывая, куда он НЕ поведет в выходные свою ненаглядную, дабы не нанести семейному бюджету урона, несовместимого с кредитоспособностью, его нарядный желтенький автобус укатил со стоянки.

Не сам, конечно. За рулем его гордо восседал Вова (предположим, его будут звать так). Болезнь у Володи дебютировала лет в двадцать пять – двадцать шесть: бред, галлюцинации, плотное знакомство с психиатрическим стационаром – не реже раза в год, а там и инвалидность – словом, права пришлось положить в стол, к стопочке личных реликвий. Но страсть к машинам осталась, просто ее пришлось задвинуть куда подальше, потому что нельзя.

Трудно сказать, что на самом деле сыграло свою роль: наступившее обострение, во время которого мир кажется чуточку иным, а решения принимаются сообразно причудливой логике, или же состояние хронического безденежья, когда с пенсией инвалида совершаются чудеса баланса, достойные Нобелевской премии в сфере экономики. Решение созрело практически мгновенно: вот он шел мимо, а вот он уже внутри, заводит мотор и выезжает на шоссе.

Надо сказать, никто из пассажиров «Богданчика» не почувствовал подвоха: машина шла строго по маршруту, шофер был вежлив и корректен, бойко принимал плату за проезд и отсчитывал сдачу, а главное – НЕ ЛИХАЧИЛ, не подрезал, не обгонял без надобности, не выскакивал с остановки сразу в средний ряд, как из засады, – просто идеальный водитель!

Вернувшись после инспекции гипермаркета, законный водитель маршрутки несколько минут стоял напротив пустующего стояночного места: все казалось, что сейчас этот кошмар закончится, галлюцинация пройдет, и все будет в порядке. Не закончилось, не прошло, не стало. Пришлось вызывать полицию. Прибыв на место, те прикинули, куда может поехать ворованный автобус, и дали команду отследить все выезды из города и в промзону: ведь угнать могли либо с целью перебросить в другой регион, либо разобрать и продать по частям. То, что машина могла в этот момент нарезать круги по своему маршруту, в голову просто не пришло. Точнее, пришло, но много позже. Вова успел уже сделать два полноценных рейса (минуя, естественно, стоянку перед торговым центром) и прикидывал, хватит ли ему заработанных денег или же стоит еще покататься, когда, к удивлению пассажиров, автобус остановил усиленный наряд полиции, и бойцы в бронежилетах и с автоматами сообщили им, что хватит, больше никто никуда не едет – во всяком случае, водитель уже накатался и устал.

В отделении, куда доставили Володю, царил веселая атмосфера: никто не ожидал такого исхода событий, и ситуация полицейских откровенно забавляла. Будучи людьми без излишне громоздких ментальных надстроек, они в открытую спросили незадачливого угонщика – ну не дурак ли он? «Дурак, дурак, – радостно подтвердил Вова, – у меня вот и справка есть, хотите покажу?»

В общих чертах, если опустить сложные лингвистические подробности, звонок из полиции в спецбригаду звучал так: «Заберите (пауза) вашего (пауза) подопечного, он тут (пауза) автобус (пауза) угнал. И вообще (длинная пауза) ваши (пауза) уже (акцентированная пауза): то пожарную машину (пауза), то (пауза) троллейбус (пауза), куда вы (обвиняюще-оценивающая пауза) там смотрите?!» Санитарам Вова обрадовался как родным, сопротивления не оказывал, даже предложил сам довести барбухайку до дурдома, на что получил категорический отказ: это тебе, Вова, не автобусы по маршруту гонять, это культовая машина, и к управлению допущен только особо продвинутый персонал. Можно сказать, жрец руля, сирены и мигалки.

Вакцина от наркотиков

Третьи сутки играет гагаку.
Мое направление запретно.
Накоси мне травы для кайсяку —
Мы уже победили (просто это еще не так заметно).

© Борис Гребеничиков. Пока несут саке

Цель в жизни – это здорово. Это пять. Сразу появляется блеск в глазах, движения приобретают осмысленность, куда-то девается амебообразность и стремление пятой точки продиффундировать в структуру дивана. Немаловажное дополнительное условие – целиться желательно получше и в нужном направлении, чтобы потом не вопрошать своего ангела-хранителя, с чего это он так лоханулся.

Артем (назовем его так) давно не сомневается в своем предназначении. Он просто обязан сделать этот гребаный мир лучше, чище, совершеннее. Точек приложения, при его-то способностях, – море. Вот, к примеру, лет в двадцать изобрел жидкие контактные линзы. Долго бился, чтобы патент хотя бы рассмотрели, конфликтовал, воевал с родней, которая категорически не понимала собственного счастья и класть свое зрение на алтарь науки наотрез отказывалась – мол, изобрел бы что от геморроя, так не жалко, а глаз – это не жопа, чтобы им так рисковать. В итоге самыми любознательными оказались психиатры.

Отлежав в больнице, Артем не то чтобы затаил на родню обиду – он просто понял, что не всем дано постичь величие его миссии, посему просто ограничил свое общение с ними редкими дежурными визитами, а сам с головой ушел в самообразование: предназначение предназначением, а матчасть никто не отменял.

Говорят, что вслед за целью появляются и средства для исполнения – чтобы не нарушать отчетности и не умножать энтропии в той части всемирного упорядоченного, которое хоть как-то удалось отвоевать у хаоса. Хорошо, хорошо – не отвоевать, а взять в аренду, если быть точным. Помощь пришла неожиданно и с неожиданной стороны.

В одну из бессонных ночей в голове появился голос, который, ненавязчиво вплетаясь во внутренний мысленный диалог, мягко пожурил: мол, такими темпами, мон шер Артем, ты будешь идти к своему предназначению до ишачьей пасхи. Ха, парировал Артем, раз уж вы, уважаемый слуховой глюк, критикуете, то пусть критика будет конструктивной. Итак, что вы имеете честь мне предложить. И голос подсказал решение. Мол, надо организм немножко подстегнуть. Ты, я гляжу, реакции синтеза амфетаминового ряда штудируешь. И по галлюциногенному ряду прошелся? Верной дорогой идете, дорогой товарищ. И вот еще что надо сделать...

Пригодились знания по химии, приобретенные в институте, а также способность любого среднестатистического россиянина с закрытыми глазами собрать самогонный аппарат, не покидая пределов квартиры, – этот навык, в отличие от сборки-разборки автомата Калашникова, заложен на генном уровне. В итоге вскоре появилась первая пробная партия зелья. И чего мы друг на друга смотрим, поинтересовался голос, вас друг другу еще и представить нужно? Брось, Артем, ты ж ему, можно сказать, родитель. Кто из нас двоих жаждал духовной эволюции? Кто тянулся к запретным плодам дерева познания? Можно сказать, дотянулся. Тряси уж теперь, не стесняйся.

Так состоялся первый визит Артема в нижний мир, в inferнальные области. Экскурсия была потрясающе насыщенной, и в реальность срединного мира он вернулся с солидным багажом идей. Оказалось, что наркотрафик достал даже чертей. Шутка ли – такое поступление грешных душ! Ад, знаете ли, не резиновый. Апостол Петр тут захаживал в гости, сетовал, что пришлось снизить пропускные критерии до уровня среднего забулдыги с парой любовниц – чисто чтоб петли на вратах не приржавели намертво.

Что предпринять? Наркодилеров отстреливать глупо: во-первых, никаких патронов не напасешься, местами не поможет даже ковровое бомбометание, да и тяжело это – столько мокрухи на душу брать. Пусть в нижнем мире уже блат завелся, но убивать – увольте. Inferнальный друг подсказал: Тёма, есть одно верное средство. Прививка от наркотиков называется. Если мы возьмем ту формулу, которую ты уже обкатал, и внесем кой-какие поправки, то получится просто конфетка! Считай, благодарное человечество с тобой теперь не расплатится. Не веришь? Хорошо, сейчас сгоняем в верхний мир, спросим у ангелов. Пиши пропорции.

В горних областях Артему не понравилось: всюду пронизывающий свет, выжигающий из тела душу, стоит задержаться – и сам превратишься в луч... Стоит, кстати, освежить знания

по квантовой оптике, есть идея! Длинного разговора не вышло – получили добро на вакцинацию населения, и вниз, домой, дорабатывать антинаркотическую вакцину.

Как ни странно, очень быстро под проект нашлись и спонсоры, причем люди, причем с деньгами. Провели апробацию вакцины, сказали, что городу просто жизненно необходима такая помощь, и взяли на себя все финансовые заботы, организационные моменты, а также отлов и вакцинацию остро нуждающихся народных масс – просто поразительно, какими сознательными оказались люди. Многим требовался длительный курс лечения, поэтому производство вакцины вышло на почти промышленный поток.

Параллельно с производственным процессом Артем продолжал общение с inferнальными друзьями, самообразование и изобретательскую деятельность. Уже было разработано (в общих, правда, чертах) универсальное аэродинамическое покрытие, резко снижающее коэффициент воздушного сопротивления, в разгаре были опыты с прибором оптической стимуляции зрительного нерва... Зачем. А чтобы вакцину, стимуляторы и антидепрессанты не вводить, а ПОКАЗЫВАТЬ – а мозг сам сделает все остальное, и никакой химии, круто? Спонсоры вежливо кивали, давали денег и привозили на дом обеды из ресторанов – ты, дорогой Артем, только вакцину производи, и побольше, город огромный, работы много, карма чистится с бешеной силой, на вратах рая, считай, абонемент – только не останавливайся!

Госнарконтрôль работает хоть и неспешно, но основательно. Канал поставок «спидов» и уже с ними разрабатывался долго, обстоятельно. Но когда вместо иногородних оптовых поставщиков обнаружили целую фабрику, свою, аутентичную, так сказать – это превзошло самые смелые ожидания. А еще меньше полиция ожидала наезда со стороны главного химика, который отчитал их как первоклашек: мол, охренели совсем, тут город в наркотиках захлебывается, а они сейчас еще и производство вакцины похерят на корню – стыдно должно быть, господа полицейские! От такого шока Артема даже не побили, только поинтересовались, не клиент ли он психушки. А вот давайте не тыкать мне в нос моим прошлым, парировал тот, – ну было, и что теперь? Имени inferнального друга, который его попутал, он так и не назвал.

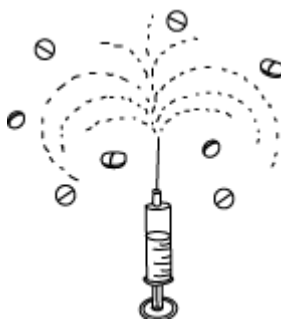
Прошло немало времени, и след Артема затерялся, поскольку экспертизу он проходил в другом городе, и какова его дальнейшая судьба – доподлинно неизвестно. Надавал ли очнувшийся ангел-хранитель по рогам inferнальному товарищу и удастся ли парню направить свой талант в конструктивное русло – не знаю. Но хотелось бы верить, что надавал, что сумеет, что все будет хорошо.

Берсерк-засранец

Прыг, ласточка, прыг, прямо на двор.
Прыг, ласточка, прыг, а в лапках топор.

© *Борис Гребеников*

Все-таки любовь русского народа к топору – это что-то генетическое, уступающее только привычке матерного оформления абсолютно любой мысли, будь это что-то конкретное, вроде кошки под ногой впотьмах, или же абстрактное, вроде теории относительности в собственном изложении. Наш человек топором умеет делать все: от зачистки территории и возведения шедевров деревянного зодчества до отстаивания собственной гражданской позиции. Вот у вас в хозяйстве топор есть? Нет. А вы точно в России живете?

Виктор Петрович (скажем так, имя-отчество ничем не хуже прочих) уже успел разменять восьмой десяток и в жизни твердо усвоил одно правило: если позволить себе расслабиться, то рискуешь в одно прекрасное утро проснуться в уже совершенно другой стране. Один такой вон уже слетал в Крым, отдохнул. Да и другой тоже в Беловежской пуще не тем занимался. Кабы, минуя тосты, поцелуи и прочие предварительные ласки, сразу четко обозначил, кому какую позу принять, – глядишь, в школе до сих пор учили бы перечень союзных республик. Нет, терять бдительность преступно!

Вот взять, к примеру, соседей. Тот, что этажом ниже, уже третью машину за десять лет поменял. На какие шиши? А Виктор Петрович знает. И знание это его не радует. Тревожно, когда рядом живет бандюган. Это он сейчас с тобой вежливо здоровается – усыпляет, приручает. А щелкнешь клювом – и второй щелчок за тебя сделает патологоанатом, когда челюсть будет подвязывать.

Ну ничего, ФСБ и прокуратура уже в курсе, с ними у Виктора Петровича давняя переписка и самые теплые отношения. А что зубами скрипят – так это, наверное, глисты. Надо будет при случае пакет тыквенных семечек презентовать. Жаль, с мэрией и ЖЭКом такого взаимопонимания не наблюдается – всё дурдомом грозят. Да кто ж сдавать-то будет? Дочери пригрозил: заикнется о психиатре – будет искать хорошего зубного техника. Внучка, паскуда, огрызается, но что взять с бабы, которая меньше года как родила, у нее, поди, мозги еще после беременности не отошли. Говорят, они при этом ссыхаются. Или все-таки размокают? Дура, одним словом.

А тут еще сосед затеял перепланировку. Гребанный перфоратор – чтоб гаду на том свете черти этой штукой каловые завалы разбирали! – весь день покоя не дает. И полиция почему-то не реагирует. Пришлось начать партизанские боевые действия. А ведь соседских работников-гастарбайтеров честно предупреждали: или кирдык шайтан-молоток, или секир-башка!

...Спецбригаду вызвала внучка. Дед сначала потерял сон, не спал четыре ночи – все вынашивал планы мести, точил два топора. Теперь, судя по всему, это блюдо остыло и было вполне готово к подаче – уж больно решительными сделались движения старика, а во взгляде стала проскакивать дьявольская хитринка. Все бы еще ничего, если бы не категорический запрет домочадцам выходить на улицу. В туалет – и то под конвоем. Перед наступлением перебежчиков быть не должно! Хорошо, что сотовый удалось спрятать.

Ввиду нештатной ситуации, экипаж барбухайки срочно задружился с полицией и на вызов прибыл с огневой и правовой поддержкой. Встал вопрос: как сделать, чтобы дед открыл дверь сам? Ломать – это грубо и не по-европейски, да и семья может оказаться в заложниках. Точнее, уже оказалась, пусть дочь это и называет, мол, «папа на улицу не пускает».

Доктор решил применить военную хитрость. Он попросил полицейского встать в стороне от двери, а работника из соседской квартиры – шумнуть перфоратором посильнее.

Никто не ожидал, что эффект будет настолько ошеломителен. Такое впечатление, что все то время, что шли переговоры и приготовления, дед угрюмо-злобно косился на дверь, потягивая настойку из мухоморов. И, медленно стервенея, грыз косяк. За неимением боевого щита. Потому что ТАК вылетают на врага только берсерки: чтобы хрясь – и просека. Хорошо, доктор успел толкнуть сотрясающую стены боевым кличем чудо вбок – иначе оба топора достались бы доблестной полиции, по самое топориче.

Пока вязали да отбирали топоры, за Виктора Петровича попыталась вступить дочь – мол, мое, хоть дурное, да родное, не отдам, отпустите, демоны! Пока пытались подобрать нужные эвфемизмы в качестве аргументов, на выручку пришла внучка – рявкнула на мать так, что присели даже гастарбайтеры этажом ниже: дескать, неправы вы, маменька, а жалость свою можете либо проявлять визитами в дурдом и передачками вкусными, либо использовать вместо тампона; мне нужен покой, а дитю – тишина и прогулки на свежем воздухе!

В машине дед пытался еще раз подраться, но быстро прикинул соотношение сил и сделал неожиданный ход – снял штаны и с натужным воплем: «Вот вам всем!» – наложил кучу посреди салона. Водителю и доктору повезло больше: почуяв неладное, они задраили окошко в салон. Санитарам пришлось в срочном порядке прификсировать берсерка-засранца к сиденью и всю дорогу до диспансера любоваться зимним пейзажем, высунув головы в окна и судорожно глотая воздух.

Доктор приемного покоя вначале даже не поверила: такой обходительный дед, внучкой называет, преданно смотрит в глаза, на санитаров жалуется – мол, накнулись на старого, побили, скрутили, в дурдом притащили – и за что? Родной-то внучке, видите ли, слова не скажи, а сама хахаля водит, вдвоем пенсионера обижают... Доктор уже было расслабилась, но на всякий случай спросила про топоры. Трудно сказать, тренировался ли Виктор Петрович на досуге, или же эти способности даются всем жалобщикам и кверулянтам в виде бонуса, но только вторую за день кучу на полу он оставил так легко и непринужденно, что никто не успел среагировать. На «раз» вскочил, на «два» обозвал доктора дурой и заголил зад, а на «три» уже отбомбился. Вопросы у доктора отшибло вместе с обонянием.

...Когда компания в составе вредного деда, спецбригады и полиции спускалась по лестнице, гастарбайтеры поинтересовались, долго ли болезному лечиться. Теперь у них задача – уложиться с ремонтом в месяц-полтора. Они смогут, ибо светлый образ Виктора Петровича о двух топорах так просто не забывается.

Барсик-душекрад

Трудно сказать, выиграл или проиграл бы мир от слияния физического и виртуального пространств. Конечно, можно быстренько накопать аргументов в пользу как той, так и другой версии развития событий – не надо даже отходить от монитора. Но ведь это как с коммунизмом – пока не попытаешься построить, Коминтерн так и будет ушами хлопать, речи пламенные толкать да средства на стачки и теракты все с тех же буржуев собирать – утописты, право слово. Не знаю, как насчет конкретной игры – все не могу выбрать, какую воплотил бы в жизнь, – но общая идея с сохранениями и перезагрузкой мне определенно нравится. И

аптечки, чтоб буквально только что был практически в коме – и вот уже снова полностью боеспособен, без этих долгих недель на сращивание переломов, лечение последствий контузии и реабилитацию после полостных операций. И чтобы игровые деньги можно было обналичить.

Андрей (назовем его так) за компьютером проводил все свободное время. А отчего бы не проводить? Инвалидность в психбольнице дали, на работу ходить не надо, друзьями не обзавелся – сиди да играй целыми днями. Всяко меньше напрягает, чем с реальными людьми общаться. Опять же, можно безнаказанно зарубить или пристрелить, если кто стал наглеть. А пока ходишь за хлебом или сигаретами, приходится выбирать выражения и линию поведения, чтобы не получить по ушам от гоблинов, которых в игре валишь пачками, даже особо не сохраняясь. Нетушки, виртуал рулит. Жаль, принтер еду с куревом не печатает. И девчонок с порносайта, но чтоб без претензий, капризов и микрофлоры.

Трудно сказать, что его подкосило: неаккуратный прием лекарств, бессонница или же сочетание «Сталкера» днем, «DOOMa» ночью и изучения истории государства Российского по Интернет-источникам – с комментариями и срачем – в перерыве (порнография не в счет, ее действие было целебным, но удручающе слабым), а только слияние реальностей произошло не в Сколково и не в Кремниевой долине, а в отдельно взятой квартире панельной многоэтажки.

Вначале совершенно предательски закончились сигареты. Пришлось собираться в открытый космос улицы. Ей-богу, проще всю Припять с одним «Абаканом» и тремя аптечками пройти. Гадский Барсик, наглочий котяра, беззащитным мявом затребовал и ему захватить чего пожрать. Ох, не надо было его к «Вискасу» приучать, туда явно какой-то кошачий наркотик подмешивают, после него эта скотина воротит нос даже от колбасы.

Выйдя на лестничную площадку, Андрей понял: что-то вокруг неуловимо изменилось. Вроде бы все на месте, но другое. Чужое, враждебное. Тени чуть более резкие, переходы цветов неестественные, но главное – запах страха и ожидания беды. Он не исчез и на улице: напротив, густо повис в холодном воздухе. Прохожие на улице, продавцы в магазине – все продолжали как ни в чем не бывало заниматься своими делами, и это только усиливало ощущение их чужеродности, ненатуральности. Но отчего же ему так страшно?

Вернувшись из магазина, Андрей плюхнул коту в миску его наркотик, а сам метнулся за компьютер. И вовремя: по Зоне объявили предупреждение о выбросе. А за окном завывала сирена. Вот тут-то до него дошло: все, игры кончились. Выброс энергии из сердца Зоны накроет город, и все жители превратятся в зомби. Надо срочно что-то предпринять. Антидот! Метнувшись к шкафчику с лекарствами, Андрей достал галоперидол: раз голоса глушит, то и от зомбирования должен помочь. Что еще? Ах да, ванна. Набрал, залез. С головой, только трубку для дыхания оставил.

Вот только у кота были свои соображения относительно гражданской обороны. Он как раз закончил вылизывать миску и пришел выразить хозяину свое бесконечное «мур-р». А тот решил водолаза изобразить. Ну да ладно, нежно мурчать мы умеем и с бортика... только он, зараза, скользкий... **ХОЗЯИН!!! ОТСТАВИТЬ ПОГРУЖЕНИЕ НА ПЕРИСКОПНУЮ ГЛУБИНУ, ЮНГУ В ГАЛЬЮНЕ ЗАБЫЛИ!!!**

Пришедшие с работы родители застали захватывающую картину: по мокрым полам квартиры, лихо пробуксовывая когтями на поворотах, несся мокрый всклокоченный Барсик, проигрывая некоторое расстояние собственным глазам-плошкам – те, судя по форе, дали низкий старт мгновением раньше. Следом, в маске ныряльщика с трубкой на отлете, повторяя пробуксовку на поворотах с несколько меньшей грацией (когтями не вышел) мчался Андрей. Квартиру потряс вопль: «**БАРСИК, СКОТОБАЗА, ИЗ-ЗА ТЕБЯ Я ТЕПЕРЬ ЗОМБИ!!! ВЕРНИ МНЕ ДУШУ, СВОЛОЧЬ!!!**» Вздохнув, отец пошел ловить зомби, а мать – вызывать спецбригаду.

Геть от руля!

Учитывая культурные особенности родной страны, должен заметить, что перед психиатрами стоит очень важная задача: не допустить, чтобы одна российская беда водила автотранспорт по второй. Причем наличие противопоказаний чаще всего только усиливает таксис²⁵ к водительскому сиденью, и убедить джигита, что ему светит лишь гужевой и педальный транспорт, бывает довольно сложно. И, поверьте, дело не в мелочных придирках, вроде несоответствия гордого профиля пациента тонкому чувству прекрасного у врача. Если уж отказал психиатр – значит, есть заслуги перед отечественной психиатрией, есть.

Один аксакал пришел на медкомиссию под руку с супругой. Как выяснилось в ходе расспроса, иначе бы потерялся: уж очень сдал за последний год. Текущее число, месяц и год называл уверенно, бойко. Правда, ошибся на сорок лет, три месяца и десять дней, но к чему придирается, едрен-афедрон! Доктор, правда, решил все же покопаться. Выяснилось, что дата – это цветочки. Дед на полном серьезе заявлял, что трудится в совхозе Ильича не скажу какой области Казахской ССР, исправно выходит на работу, и вообще – что за подозрения такие? Супруга подтвердила, что было дело, работал, но лет сорок назад. После событий тридцати-сорокалетней давности начиналась пустошь забвения, а уж о том, что происходило вчера или час назад, можно было даже не спрашивать. Своего адреса дедушка не знал и, как найти свой дом, не имел ни малейшего представления. Зачем? Жена подскажет. А сюда как приехал? За рулем. ЗА КАКИМ, НА ФИГ, РУЛЕМ?! Вот странный врач, не знает, какой руль бывает – круглый такой, гладкий, посередине нажмешь – машина гудит. А, вспомнил, «Волга» называется. ЧТО, САМ?! Ну не бабу же вместо себя сажать, доктор, вот вы скажете тоже! Жена закивала: дед ездит за рулем сам. Держится строго в правом ряду и смело жмет аж сорок – сорок пять в час. Шумахер в тандеме с Альцгеймером. А благоверная подсказывает, где куда свернуть. Нет, на красный он сам останавливается, помнит. Да и водит на уровне спинномозговых рефлексов. Так что вы, доктор, подписывайте уже скорее, а то нам еще по магазинам надо, да и на дачу бы заглянуть не мешало...

Другой товарищ ходил на медкомиссию лично, очно, без ансамбля. Очень был упорен, практически настырен. Дескать, рулить хочу – просто сил моих мужских нет, как хочу. То, что голоса в голове постоянно, – не беда, на скорость не влияет. А что из соседней галактики враждебное воздействие постоянно оказывают – так ведь я же не на звездолет права прошу, а на автомобиль. Как-нибудь разберусь, чем скорости в коробке передач от космических отличаются, я ведь шизофреник, а не дебил! Получив отказ по очереди у всех докторов, участвующих в медкомиссии, он решился на радикальный шаг. Рассудив, что в стране бумажка важнее человека, он пошел и сменил фамилию. И с новым паспортом явился на медкомиссию. Мол, я не Байрон, я другой. Ошибся он в одном: в диспансере его знали как

²⁵ Таксис – инстинктивная форма пространственной ориентации животных, например, в сторону жизненно благоприятных условий и раздражений внешней среды.

родного. В итоге, чтобы исключить разночтения, доктор четким почерком вывел на бланке медкомиссии: «К управлению автотранспортом не годен. Годен к управлению рулем».

Третий клиент и вовсе потряс, причем не только воображение. Дело в том, что у него в свое время нашли эпилепсию. Естественно, ни о каких правах не могло идти и речи – разве что в какой-нибудь террористической организации потребуются смертник-доброволец. В идеале – водителем автобуса для сотрудников организации. Но человек старался, лечился, сумел свести эпилептические приступы на нет и решил: пора за руль. Как уж он прошел медкомиссию, вопрос другой. И ведь водил машину, причем долго – не месяц и не два. И жену катал – на почетном переднем месте. Что самое интересное, жена была не просто в курсе его болезни – она эти припадки видела собственными глазами. Но раз муж сказал, что выздоровел, – значит, руль в зубы – и на дачу; опять же водку пьянствовать, дисциплину хулиганить да бардак бедокурить ему эпилепсия никогда не мешала, а тут хоть какая-то, да польза. Так вот и катались, пока не дернула их нелегкая проехаться летним вечером по одному городскому шоссе.

Шоссе это в городе известно тем, что вдоль него стоят проститутки. Есть у него и еще одна особенность, не столь заметная на первый взгляд, но сыгравшая в этой истории более роковую роль, чем жрицы любви. Это тополя. Пирамидальные. Вдоль всего шоссе. И на закате появляется интересный эффект: огненный шар светит водителю и пассажирам в глаза сквозь стволы деревьев, мелькающие через равные (сажали аккуратно!) промежутки. Вот этот природный стробоскоп и сработал как хороший запальный механизм.

Дама даже удивилась: вот ведь только что ехал, глядел на бесстыдниц и еще имел наглость уверять, что просто следит за дорожной ситуацией – мол, мало ли, вдруг кто под колеса кинется! Ага, кто на кого кинется – это еще вопрос, в таком деле за мужиком глаз да глаз нужен. И вот – уже насмотрелся, бьется в припадке спонтанного оргазма, он бы так от жены возбуждался! Впрочем, то, что было расценено как оргазм, оказалось полноценным эпилептическим приступом, с судорогами, пеной изо рта и прокушенным языком. Хорошо, что нога соскользнула с педали газа, и до ночных бабочек машина доехала по инерции, мягко ткнувшись в высокий бордюр и заглохнув. Вид мужика, бьющегося в конвульсиях, им наверняка запомнился надолго – это ж надо было ТАК его впечатлить, чисто фамм-фаталь²⁶! Три штуки. А что супруга другого мнения, так это от зависти, ревности и общего градуса стервозности.

Должен отметить, что, хотя результаты нашей работы еще весьма далеки от совершенства, но они есть, и приступов острого слабоумия, равно как и таранов по бредовым мотивам, на дорогах все же не в пример меньше, чем элементарной невнимательности, общей тормознутости и откровенного хамства. Кто б еще в ГИБДД открыл отдел нравов за рулем...

Ген колобковости, или О гастрономических пристрастиях наших горожан

²⁶ Роковая женщина (фр.).

Когда-то, пересказывая дочери сказку про Колобка, я задумался над тем, что история бродячего хлебобулочного персонажа как-то чересчур коротка и заканчивается уже на четвертом представителе местной фауны. Конечно, как средство укрепления семейного уклада и профилактики дромомании, сказка работает. Но только если предположить, что главный персонаж будет наивен, неискушен и с коэффициентом интеллекта в районе шестидесяти. Сага же об осторожном параноидном Колобке наверняка могла бы посрамить Донцову.

Геннадий (а что, имя как имя) заболел еще лет в двадцать и к своим тридцати четырем имел уже довольно обширный опыт общения с психиатрами, а также с десятком госпитализаций. А года три назад он пропал. Ушел из дома – и с концами. Родители обратились в милицию, Геннадия объявили в федеральный розыск – с тем же успехом, что и Березовского, разве что без очередных новостей в желтой прессе о том, что разыскиваемый приобрел то-то и произвел фурор там-то, назло оперативно-розыскной группе, которая по плану искала его где-нибудь в районе Ханты-Мансийска (подлый, возмутительный поступок со стороны Бориса Абрамовича, нельзя вот так вот на корню херить красивые стройные планы следственных мероприятий, отчетность – ни к гинекологам, ни в военкомат!).

А на днях Геннадий пришел домой. Бородатый, похудевший – ну чисто Федор Конюхов, только пообносившийся и без яхты. С порога заявил: я, мол, себя в порядок приведу, отьемся – и снова в дорогу. Испытываю, мол, непреодолимую тягу к перемене мест. И вам, дорогие родители, отчаянно советую, но настаивать не смею. Прикинув, что эдак его еще года три будут разыскивать, родители вызвали спецбригаду.

Надо сказать, что приезд бравого экипажа барбухайки Геннадий воспринял хоть и без энтузиазма, но вполне достойно и сдержанно. Только укоризненно покачал головой и попенял родителям – мол, уже и в родной дом нельзя вернуться, тут же цепные псы психиатрии и все такое! Но от беседы отказываться не стал, благо было что порассказать доктору.

География скитаний оказалась широка: Геннадий успел побывать повсюду, от Санкт-Петербурга до Магадана, и даже добрался до Петропавловска-Камчатского. Он с гордостью извлекал из котомки сувениры и фотографии – дескать, на слово вы можете не поверить, а вот фото на фоне камчатского аэропорта – вполне себе доказательство. Нет, доктор, ну кто же пользуется самолетами и поездами? Дорого, опасно. Нет, я все больше ножками да автостопом.

Отчего опасно? А вы уверены, что хотите это знать? Ну ладно, я вас предупредил, а вы уж сами решайте, как дальше жить с этим знанием. Дело в том, что наш родной город – это город каннибалов. Да-да, людей они любят прежде всего за их гастрономические качества и только во вторую очередь как собеседников и на предмет потрахаться. Эта жуткая история насчитывает много веков. Не-ет, доктор, в конце шестидесятых город возник тут не с нуля. Тот, который остался на дне Волги, помните. А с чего его затопили? ГЭС, как же! Наивность, доктор, сокращает ваш жизненный путь от человека до бифштекса. Откройте глаза! Они сожрали полгорода, а когда надо было замечать следы, пропихнули в правительство планы по электрификации. Был Ставрополь-на-Волге – и где он теперь? Что не доедено, то затоплено.

А потом ударные стройки: ГЭС, автогигант, куча переселенцев из разных республик. Якобы случайные человеческие потери, раздолье каннибалам, разнообразие в меню – бифштекс по-татарски, русский борщ, сало по-украински, узбекский плов. А главные каннибалы заняли место в дирекции автозавода. Предприятие мощное, градообразующее. У них с двумя городскими мясокомбинатами тайный договор. Заколбасят пару работников – и на деликатесы.

Мне был голос – года четыре назад. Он-то все и рассказал. Я подумал-подумал, да и деру из города. Хотел родителей за собой перетащить, но они ни в какую, и я не стал упорствовать, а то они опять меня уже хотели упечь в дурдом. Опять же, они старики, кто на их кости покушаться будет? Вот я со спокойной совестью и рванул из города. Отчего скитался и нигде не осел. А вы сами не догадались? Доктор, как вы живы до сих пор с такой незамутненностью, я просто поражаюсь! Да у них в каждом городе агенты. Следят, чтобы не было утечки информации. Опять же, приток жителей обеспечивают – расскажут сказку, как у нас тут кудряво живет, – и готова городу свежая кровь. Точнее, свежее мясо. Вот я нигде подолгу и не задерживался: как только почувствую к себе гастрономический интерес – сразу руки в ноги, и только меня и видели! Ну что, отпустите или биться будем?

Доктор предложил третий вариант – подбросить до Камчатки. Дескать, теперь, когда ему открыли глаза, перспектива стать сарделькой или сосиской претит его гордой врачебной натуре, надо готовить исход. Только не сразу, Гена. Где твое чувство гражданской ответственности? Поехали агитировать народ за исход всего диспансера, в полном составе. Поодиночке мы фарш, а вместе – сила, хоть и немного дурная!

А вы говорите – настоящих не осталось!

Помню, как в институте, когда я был еще студентом, преподаватели на кафедре психиатрии сетовали, что в наши времена трудно отыскать яркие примеры классических психически больных – мол, лекарства настолько изменили течение болезни, что ранее яркая клиническая картина стерлась, поблекла, а местами так и вовсе сплошной сюрреализм получился. Да, говорили они, конечно, теперь появилась возможность не держать их всех безвылазно в стенах психбольниц, и это просто замечательно, но где, скажите, отыскать настоящего истерического больного – такого, чтобы с синдромом Ганзера²⁷... Да что там – сейчас и кликуши-то нормальной не сыщешь! На самом деле они, конечно, преувеличивают. Есть такие пациенты, есть. Не верите? Спросите Дениса Анатольевича.

К одной даме его вместе с гвардейским расчетом барбухайки вызвали на днях. Ирина (назовем ее так) работала санитаркой в хирургическом отделении больницы – карьера актрисы категорически не сложилась, пришлось окунуться в смрадную органику окружающей действительности. Какой мифический inferнальный персонаж дернул ее, натуру трепетную и впечатлительную, сунуться в самое пекло, с кровью, дерьмом и ампутированными ручищами-ножищами в тазаках, – сказать трудно, он не представился.

Так и работала она, проникаясь витающими в отделении флюидами, впитывая в себя ощущения, краски, запахи и эмоции, пока не разразился дома скандал. А виноват кто? Правильно, муж. То есть виноват он, конечно, всегда, по умолчанию, но в этот раз он был

²⁷ Синдром Ганзера – расстройство, при котором лицо действует так, как если бы у него было физическое или психическое заболевание, тогда как на самом деле он не болен. Стремясь выглядеть больным, человек надеется вызвать симпатию, заботу и внимание.

просто чудовищно неправ. Мясного ему, видите ли, захотелось. А то, что бедная женщина за день на это мясное насмотрелась так, что с души воротит, – это, мол, не аргумент! Ведь по-хорошему предлагала: давай сходим в суши-бар, хозяйка из меня сегодня, как из амёбы спринтер, – так нет, начал спорить, приводить идиотские аргументы. А потом еще имел наглость грязно домогаться. Карл Клару склонял к аморалу, блин... И ведь от всей души советовала – возьми пульт, диск с порнухой и руководство к рукоблудству, не трогай бедную больную женщину! Ах, так?!

В какую сторону снесло мужа звуковой волной – сказать было трудно, поскольку на сцену уже выходили новые персонажи. В спальню, переваливаясь с пятки на носок, шла делегация ампутированных ног – синюшных, местами почерневших, в потеках запекшейся крови. Кто говорил, что телепортация невозможна? Чушь – просто нужна весомая мотивация. Во всяком случае, на подоконнике Ирина очутилась, как сама припоминает, прямо из положения лежа на кровати. Как при этом на ней оказался больничный комплект штаны-куртка-шапочка-маска – сказать сложно. Впрочем, наверное, это все муж, он такой затейник...

Столпившись полукругом перед подоконником, ноги воззвали к Ирине: «Ыркаааа! Ыркааа, пришей нас взад!» Ирина попыталась отнекиваться – мол, как же я смогу, у меня и образования-то нет, и хозяев ваших поди найди еще – словом, вы не по адресу пришли, дорогие ноги, хотите, нужный продиктую? Только что можно ждать от безмозглой конечности? Тут мужу-то толком ничего объяснить не получается, а уж далекому во всех смыслах от интеллекта обрубку – так и вовсе. «Слезай, Ырка, мы тебя сейчас запинаем!» – пообещали ноги. Поверить, что Ирина сейчас выпрыгнет из окна, они категорически отказывались – ну ноги, что с них взять. Муж вон проникся, умчался куда-то звонить.

Прибывшую спецбригаду встречал растерянный и привычно виноватый муж. Ирина сидела на подоконнике в хирургической робе и боевом макияже, являя собой картину страдания, запечатленного в натуре: ножки картинно одна поверх другой, одна рука на отлете сжала подоконник, другая тыльной стороной ладони касается лба, глаза полузакрыты, губки бантиком.

– Ой, а вот и дядя доктор приехал! – пролепетала она детским голоском и подошла семенящей походкой поближе. – Вы же меня спасете, правда?

Доктор оказался истинным джентльменом – слушал с должным вниманием, спрашивал с тактом и всячески сострадал. Сошлись на том, что такое серьезное потрясение можно вылечить только в стационаре. Опять же, будет кому защитить, если ноги притопают.

Другая дама (пусть будет Людмилой) приехала к Денису Анатольевичу на прием сама. Ну почти приехала. Вышел у нее на днях конфликт с матерью. А все из-за кого? Правильно, из-за мужиков – кто еще может быть повинен в женских бедах? Гормоны? Нет, не они. Матери надоело, что Людмила никак не определится с кавалером. И ведь дело вовсе не в отсутствии одного – напротив, претендентов на руку, сердце и далее по анатомическому атласу было несколько. Просто вопрос качества стоял острее, чем вопрос количества. Мать удивлялась – где дочь находит такое количество моральных уродов на одну конкретную женскую душу населения? Медом она там вроде не мажет – а все равно слетаются.

Людмила в долгу не осталась, наговорила матери кучу комплиментов – мол, если ты такая мудрая, то где мой папа? Уж не от мудрости ли сбег? Потом произошел обмен пощечинами и сеанс синхронно-залпового битья посуды, потом Люда почувствовала острую нехватку воздуха в груди, жар в голове и слабость в ногах – словом, пора было снова ехать на прием.

Как назло, в маршрутке было свободно только там, где сиденья повернуты друг к другу. Пришлось всю дорогу созерцать молодого человека с кольцом на безымянном пальце. А экстерьер у него ничего, но – такие долго на свободе не остаются, всегда найдется кому к рукам прибрать... А глаза такие, как у кота... И курточка короткая, даже ширинки не прикрывает...

Ровно за две остановки до родного диспансера ширинка мужика не выдержала гипнотизирующего взгляда Людмилы. Молния на ней разошлась, и оттуда вылетел, порхая

крылышками, член. Все было словно в кошмарном сне: пассажиры дремали или разглядывали (было бы что!) городские пейзажи за окном, хозяин адекватного ответа всем прокладкам с крылышками, казалось, не обращал на своего летучего питомца никакого внимания (ага, как же, уж слишком физиономия невозмутимая!), и только она сгорала от стыда и замирала от ужаса. Член завис в воздухе напротив Людмилы, принялся, воодушевился, увеличился в размере, а потом заложил крутой вираж и пошел в атаку.

Как маршрутка не попала в аварию – трудно сказать. Наверное, водитель был все же мастером своего дела. Когда у тебя в салоне беснуется и скачет чуть ли не по головам пассажиров дама, взывая к чьей-то совести и требуя от кого-то немедленно отловить свой летающий член обратно (мужская половина пассажиров при этом сникла и покраснела, женская же, напротив, оживилась и стала озираться по сторонам), довольно сложно следить за ситуацией на дороге. Но он справился, сумел прижать «Газель» к обочине, и из нее тут же выскочила Людмила, ловким ударом сумочки отправила что-то невидимое обратно в салон и тут же проворно захлопнула за собой дверь. До диспансера она дошла пешком, но уже без приключений.

Доктор выслушал сбивчивый рассказ, залился краской до кончиков ушей, но каким-то чудом остался невозмутим, вежлив и серьезен. Признав, что летающие члены – это проблема, он предложил Людмиле полечиться в отделении неврозов. Там, конечно, тоже есть пациенты-мужчины, но они всё свое держат при себе и подобных вольностей не допускают. Ну разве только если попросить.

Верните всё обратно!

Как все-таки несправедливо устроена жизнь! Посудите сами: из тех семидесяти – восьмидесяти лет (ладно, пусть будет девяносто – сто, но это уже бравада), что отпущены человеку, лет восемнадцать – двадцать он постигает азы, потом лет пять – десять – основные правила и понятия, затем еще столько же пытается состояться как личность, гражданин и специалист, и что в остатке? Где-то полжизни уходит на то, чтобы осознать, что всю первую ее половину занимался какой-то фигней, попытаться все исправить или махнуть рукой, а вскоре более или менее достойно встретить климакс и старость. Ах да: не забудьте про пять – десять лет, отданных на откуп сенильной деменции или болезни Альцгеймера (опционально, конечно, но никто не застрахован). Представляете, СКОЛЬКО надо успеть сделать в столь короткий срок по-настоящему сознательной жизни?

Егор Петрович (пусть его будут звать так) жизнь прожил долгую. Вырос в деревне, отслужил в армии, работал трактористом. Потом, когда стали строить автогигант, вместе с женой приехал в поисках лучшей доли в быстро растущий город. Время шло, город расширился, родились и выросли дети, а потом и внуки.

А потом стали происходить странные события. Вначале Егор Петрович вдруг обнаружил, что его не пускают на работу. Что значит «десять лет как на пенсии»? Да вы с ума посходили, мне же прогул поставят, да и сослуживцы будут косо смотреть! Как это поумирали? Кто их поубивал? Старость? Да вы что, какая старость, всего-то лет пятьдесят! Какие семьдесят пять, столько не живут! Что значит – и вы про то же?

Еще было непонятно, куда подевалась его однокомнатная квартира. Нет, та трешка, в которой он живет, конечно, и просторнее, и отделка богаче, но откуда она взялась – загадка. Вот объявится настоящий хозяин, то-то шума будет! Егор Петрович даже пару раз ходил, искал свое настоящее жилище. Один раз нашел, но там жили совершенно другие люди, которые были искренне удивлены его предложением выметаться к чертям собачьим. Второй раз ходил, но не нашел – видимо, гады решили перестраховаться и квартиру перепрятали. А заодно и улицы так запутали, что в итоге он и сам потерялся, сыновья нашли лишь через день, где-то в районе автовокзала: там все было почти как раньше, только сосны вымахали как-то неожиданно высоко.

И вообще, странностей в жизни накопилось слишком много, как и претензий, а потому на визит к доктору Егор Петрович согласился легко: медицине он доверял, сколько раз его выручали – то с аппендицитом, то с переломами, доктор образованный, он рассудит.

– И вот еще что, доктор: стали у меня пропадать деньги. Я уже где их только не прятал – все равно находят и таскают.

– Кто, Егор Петрович?

– Дети, больше некому. Сорванцы они у меня, шалопаи.

– Папа, ну что вы такое говорите! Доктор, не слушайте его: он сам свою пенсию прячет, а после забывает, куда спрятал, всей семьей потом неделями ищем. И ладно если это будут привычные нычки – матрас, книжные полки или под линолеумом в прихожей. Так он ведь один раз спрятал деньги в туалетном бачке! Три месяца искали, пока мама не вспомнила, где он раньше мог бутылки прятать! Хорошо еще, что упаковал в пластиковую бутылку...

– И про квартиру пусть признаются, пока есть свидетели!

– Папа, квартиру мы вам с мамой обменяли уже лет десять как. И ремонт сами сделали, а то ты уже на даче пытался, проще было сразу вызвать вражескую авиацию.

– Да ладно, я там обои поклеил...

– Поклеил! Крест-накрест и поверх пластиковых панелей, плюс дачный туалет снаружи!

– Цыц, мелочь пузатая! Вот ведь до чего доходит, если распустить молодежь: своего ума еще не нажили, а уж гонору-то – на пять арабских шейхов хватит! Или кто у них там... И вот еще какой вопрос меня беспокоит, доктор: куда они дели мою жену? Может, хоть вам как на духу признаются?

– Как это куда. А это тогда кто? – показал доктор на супругу.

Егор Петрович аж поперхнулся.

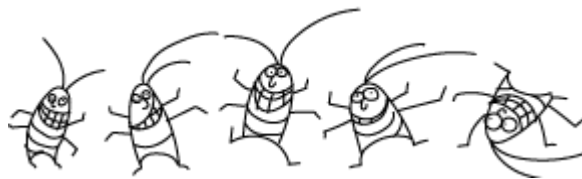
– И вы туда же?!

– Что вы имеете в виду?

– А то, что мою любимую ненаглядную жену, умницу, красавицу, вот с такой вот жохм, фигурой куда-то задевали. И не признаются. А мне подсунили эту старую гримзу, которая на меня вечно ворчит, по ночам громко храпит, а что самое страшное – ложится со мной в одну кровать. Я уже опасаясь за свою честь: что скажет жена, когда меня разыщет? Так что вы уж разберитесь, пожалуйста, доктор!

Глянув на меняющуюся физиономию жены-самозванки, Егор Петрович то ли остатками угасающего интеллекта, то ли и вовсе спинным мозгом почувствовал, что если ему и суждено умереть от старости, то старость эта вполне персонифицирована и сейчас находится на расстоянии вытянутой руки и в аффекте. Чесал он по коридору очень бойко, даром что пришел с клюшкой и на полусогнутых. От немедленной расправы его спасла только добровольная (да, только оформляйте поскорее!) госпитализация в геронтологическое отделение.

Какого шайтана?!

Можно ли галлюцинировать и при этом полностью осознавать, что галлюцинируешь? Сложный вопрос. Напрямую затрагивает такие глубоко философские постулаты, как истина и ее критерии. В самом деле, все было бы гораздо проще, имей мы в распоряжении внутренний монитор со встроенной функцией верификатора. Смотришь на окружающую реальность, сверяешься с данными приборов. Девушка. Натуральная. О. Нет, не совсем. Грудь минусуем. Звонок партнера по бизнесу. Достоверность информации – 40 %. Перепроверить. Речь депутата Госдумы. Стопроцентный бред сивого мерина. Чертик под столом. Галлюцинация, пить надо было меньше или завязывать грамотнее.

Так ведь нет, приходится доверять чувствам и личному опыту. Открываем холодильник. Видим аккуратные стопки мегаевро с вкраплениями киловатт. Закрываем холодильник. Анализируем. Открываем холодильник снова, достаем сало, яйца, початую бутылку водки (осторожно, чтобы не развалить стопки купюр), делаем себе яичницу со шкварками, аккуратно похмеляемся. Денег в холодильнике быть не может. Но они там есть. Ну и ладно, пусть лежат.

Вот и с Тагиром Камилевичем (назовем его так) на старости лет приключилась оказия. То есть не совсем на старости – так, в пору зрелости: семьдесят лет – самое время для настоящего аксакала. Пора мудрости, когда партбилет в комод и полное собрание сочинений Ленина на полках навевают приятные воспоминания, стопка холодной водки согревает желудок, а обязательный намаз – душу, и ничто ничему не противоречит, все в полной гармонии. Что еще нужно одинокому человеку!

Только с недавних пор идиллия была нарушена. Решил как-то вечером Тагир Камилевич разогреть себе ужин. Наложил тарелку азу, открыл микроволновку – а там Чебурашка. Молчит, смотрит на пенсионера своими огромными грустными глазами, чертит лапкой по поворотной платформе. Закрыв дверцу, открыл – Чебурашка на месте. Разогревать азу пришлось на плите. Сначала Тагир Камилевич решил, что это водка его так подкосила, даже отказался от привычных двухсот пятидесяти в день, но Чебурашка не ушел. Микроволновку, правда, освободил, перебрался жить под кровать, откуда с интересом наблюдал за каждым намазом. Не критиковал, не комментировал – просто сидел и смотрел.

Привыкнуть можно ко многим, и присутствие мультяшки в квартире даже стало скрашивать старику одинокий быт, но сюрпризы на этом не закончились. Через месяц Тагир Камилевич обнаружил пингвина. Тот как раз робко прятал тело жирное в кладовке. На все попытки выманить (в ход пошло все, вплоть до ломтика соленой форели) не реагировал, умело лавировал между старыми вещами, банками с соленьями и даже диффундировал с полки на полку. Правда, через неделю пообвыкся, дичиться перестал и за процедурой намаза наблюдал на пару с Чебурашкой.

Тагир Камилевич переживал, даже провел несколько бессонных ночей на кухне за чашкой чая, все в той же молчаливой компании. Потом все же решил обратиться в молитве к Аллаху. Мол, что же это со мной творится? Если испытание духа – то где прелестные девы-искусительницы? Где джинн, исполняющий желания? Нет, я, конечно, гордо откажусь, я продемонстрирую стойкость к соблазнам, но пусть мне их хотя бы предоставят к ознакомлению! Где, интересно знать, ифриты, где шайтан, где хотя бы завалаченький шурале? Все, понимаешь, мусульмане как мусульмане, одному мне каких-то мультяшек да эмигрантов из Антарктиды подсовывают! Чего ждать дальше? Взвод телепузиков или выводок покемонов? Молитва осталась без ответа, Чебурашка с пингвином тоже не кололись, пришлось идти в мечеть.

Мулла, внимательно выслушав жалобы и претензии Тагира Камилевича, ненадолго

задумался, а потом вынес вердикт. Это, мол, дорогой товарищ бывший партийный работник, испытание гордыни. Кыismet у тебя, видать, такой. Шайтана с ифритом, уважаемый, надо еще заслужить, не говоря уже про джиннов и юных дев. Да и к чему тебе юные девы? Расстроись, давление подскочит – нет, друг мой, Аллах мудр и милостив. Тут как раз, что называется, по Махмуду тубетейка. И вот еще что. Наведался бы ты, уважаемый, к психиатру. Испытание духа – оно, конечно, почетно, но надо иметь гарантию, что зверики твои Аллахом ниспосланы. А то вдруг шайтан чудит? Или просто с психикой непорядок? Надо удостовериться, а то потом неловко выйдет.

Трудно сказать, сколько времени еще Тагир Камилевич собирался бы с духом, но все решил ежик. Тот, из мультика, который в тумане. Сам ли он пришел, или же его пригласили Чебурашка с пингином, выяснять не хотелось. Кого они приведут следом? Лошадку? Ну уж нет, пора сдаваться!

Доктор внимательно выслушал рассказ Тагира Камилевича, задал несколько уточняющих вопросов и сказал, что для Аллаха и впрямь как-то мелко будет, а со всем прочим есть шанс справиться объединенными усилиями. Только помимо аккуратного приема лекарств (вот рецепты, вот схема) неплохо бы сделать еще две вещи. Какие? Да сущие пустяки, по сравнению с юными девами, джинном и шайтаном – раз плюнуть! Во-первых, сходить к невропатологу – пусть он для полной уверенности исключит все свое. А во-вторых... Считайте это испытанием, дорогой Тагир Камилевич, но с водочкой пора завязывать. Свою рюмку вы уже выпили, оставьте это дело другим.

Будни капитана межгалактического крейсера

Я – фольклорный элемент,
У меня есть документ.
Я вообще могу отседа
Улететь в любой момент!

© *Леонид Филатов*

Вы никогда не задавались вопросом: что делает герой (скажем, рыцарь, космонавт, секретный агент, глава тайного могущественного ордена), когда он не занят своей героической работой? Повержены драконы; стенают, подсчитывая естественную убыль населения и проводя анализ причин первичного выхода на инвалидность, сарацины; закончилась командировка на МКС; в очередной раз спасено человечество и завербованы только что прошедшие инаугурацию новые президенты сверхдержав. Чем все эти люди заполняют героический досуг, получив героическую зарплату? Отдают героические долги? Совершают дачные подвиги в предвкушении битвы с коварным урожаем? Заняты генеральной репетицией перед генеральной же уборкой квартиры? Убеждают жену, что, мол, в космосе любовницам взяться неоткуда?

С одним таким человеком я знаком. Зовут его... скажем, Семен. Наблюдается он у нас в психдиспансере лет двадцать, давно на инвалидности, много раз лежал в стационаре. Но это так, между делом. Сеня по натуре человек веселый, неунывающий. Нет работы? Пустяки, зато есть пенсия! Не дадут права на вождение автомобиля? Ха! Не больно-то и хотелось! Автомобиль – это мелко и по-мещански. Настоящий мужик водит звездолеты. Если точнее –

межгалактический крейсер. С дополнительной опцией мгновенного перехода между измерениями – на выбор, их в меню навигатора заложена тугая хуча.

С парковкой крейсера проблем у Семена не возникает. У него забито местечко в районе одной из звезд ковша Большой Медведицы. Далеко? Так ведь и крейсер не на дровах летает. С вызовом проблем никаких: пять дней НЕ пьем лекарства, пять ночей не спим, потом выходим на балкон и ПРИСТАЛЬНО смотрим на звезду. Все, машина подана. Можно путешествовать. Луна, планеты, звезды и галактики, параллельные миры – да мало ли. И все яркое, интересное, с массой впечатлений. Да тут ни один «Феррари» и близко не шкандыбал, не говоря уже об изысках инквизиции отечественной сборки! То, что разбор полетов и реабилитация космонавта-дальнобойщика проходят обычно в условиях отделения психбольницы – это уже ерунда. Тяга к звездам – она у Семена в крови.

Правда, события последних месяцев внесли некоторые коррективы в план его предполетной подготовки. Вначале все шло как обычно: вторая бессонная ночь, ощущение легкой вибрации в теле, усталость, уже начинающая перетекать в состояние приятного подъема... И тут внезапно закончились сигареты. В четвертом часу утра. А в этом состоянии курится так, что Минздрав суициднет, обпредупреждавшись. Пошел на улицу. А ключи забыл. А дверь захлопнул. Ну захлопнул и захлопнул, мама дома, откроет. Однако не тут-то было: вернувшись с сигаретами, Семен звонил в дверь минут пятнадцать, и все без толку. Стучать бесполезно – дверь стальная, с шумоизоляцией, можно хоть с разбега кидаться, только руки-ноги отобьешь. Что делать. А вдруг она не просто не слышит, а умерла во сне – человек-то старый? Надо вызвать полицию. Как, если нет телефона, а ближайший таксофон незнамо где? Проще простого.

Снова спустившись вниз, Семен выбрал самую дорогую иномарку из тех, что были припаркованы около дома, взял кирпич и стал вызывать полицию. Когда наряд прибыл на место происшествия, Сеня еще попенял им – где их носят рогатые inferнальные мифологические персонажи? Он вон успел уже и ветровое стекло разбить, и по второму кругу за сигаретами сгонять, и вообще весь замерз, не май месяц на улице. А вдруг бы это был угонщик? Расслабились, службу забыли, стыдно должно быть! Стараясь правильно скомпоновать вопрос из скудного доступного запаса печатных выражений, полицейские поинтересовались: а что, собственно, происходит? На что Семен совершенно искренне ответил, что происходит форменное скотство: мало того что сорвался вызов межгалактического крейсера и опять закончились сигареты, так еще и с мамой что-то неладное случилось – вот, кстати, затем и жду вас, дармоедов. А ну пошли скорее, человек, может, уже и помер давно, а мы тут русский язык разучиваем – какой кто за каким чем забрался в какую такую машину...

Надо отдать служивым должное – Сеню даже не прибили. Более того, поднялись и выяснили, что мама жива-здорова и даже знает пару неизвестных полиции крепких выражений. В отделении Семен пробыл недолго – спецбригада забрала его у порядком ошалевших от многоречивого задержанного полицейских.

Полтора месяца в отделении пролетели быстро, и день выписки (будучи сам по себе уже радостным событием) преподнес Семену неожиданный подарок. Он увидел ЕЕ. Как выяснилось в завязавшейся беседе, Ирина пришла проходить медкомиссию для устройства на работу. Семен сам по себе был мужчиной видным, представительным, а уж сочетание внешности с легким (и умело скрытым от персонала отделения, надо признать) гипоманиакальным состоянием просто не оставили одинокой даме ни единого шанса увернуться.

Знакомство плавно шло к следующему логическому этапу своего развития, как вдруг обнаружилось досадное препятствие. Представьте – женщину тридцати с хвостиком лет не отпускает на ночь мама! Почему? Потому что Ирине в семье выпала почетная роль сторожа аж целых двух стратегических объектов. Объект номер один – деньги, которые были заработаны мамой на торговле семечками. По слухам – много. Денег – не семечек. Объект номер два – папа Иры, алкоголик со стажем. Деньги и папа – это как ракетное топливо и

окислитель, поэтому надлежало хранить оба компонента поврозь и всячески избегать их встречи. Кроме того, папа нуждался в дополнительной охране от алкоголя, а деньги – от грабителей, количество которых в городе, по оперативным сводкам от мамы, было равно населению города минус два человека, угадайте кто.

Ну посудите сами, разве это препятствие для настоящего звездолетчика? На деньги, оставшиеся от пенсии (минус ежемесячная выплата хозяину злополучной машины), Семен купил коньяка и конфет и отправился покорять родителей Иры. Папа, увидев спиртное, сдался без единого выстрела. Зато мама, придя чуть позже и увидев супруга в обнимку с бутылкой, такой подлянки Семену простить не смогла, да еще и дочку ухватила за шиворот и повела в соседнюю комнату – отчитывать.

В голове Сени, до глубины души оскорбленного таким наездом, вертелся вопрос – почему? Почему Ирине запрещают с ним встречаться? Подогретая алкоголем и гипоманиакальным состоянием, голова работала быстро, и ответ пришел почти сразу же. Все зло – в деньгах. Не сиди Ирина сторожем – все бы сложилось, и было бы им счастье. Деньги надо найти. И перепрятать. Нет объекта – нет работы. Где они могут их прятать? Да где все женщины обычно их и прячут – в шкафу с бельем. К моменту, когда Ира и ее мама вернулись, и Семен был изгнан из квартиры, пакет с деньгами был уже у него в кармане.

Пересчитав дома деньги, Семен неожиданно для себя обнаружил две вещи. Во-первых, продажа семечек – прибыльный бизнес. Шутка ли – двести тысяч, а ведь пакетов было два, просто второй некуда было прятать... Во-вторых, как-то сразу пришло новое приятное мироощущение обеспеченного человека, который МОЖЕТ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ. И мысль заднего плана – дескать, ладно, немного развеюсь, а с пенсии все возьмешу.

Четыре тысячи на то, чтобы холодильник не напоминал ледяную пустыню, три тысячи на подарки матери, семь тысяч племяннице, пусть порадуется. Теперь насчет развеяться...

Милиция выловила Семена на пятый день у его бывшей одноклассницы, разведенной дамы, которой не надо было никого сторожить и которая придерживалась мудрого экзистенциального взгляда на жизнь, то есть не задавалась вопросом, откуда у мужчины берутся деньги и потенция. Они есть, он готов их на нее потратить – так в чем же дело?

Выяснив, что за пять дней потрачено пятьдесят тысяч, Сенья даже сам себе немного позавидовал – надо же, какими суммами ворожаю! Ну ничего, с пенсии верну. Правда, ни Ирина с ее мамой, ни милиция подобного оптимизма не разделяли. Пришлось проводить судебно-психиатрическую экспертизу, после которой Семен отправился на лечение в больницу. Впрочем, он не унывает: деньги – прах, пришли и ушли. А вот межгалактический крейсер никуда от него не денется, ведь парковка на Большой Медведице бесплатная!

Демографический детонатор

Что нужно, чтобы устроить демографический взрыв? Подходящий демографический детонатор. В погоне за чудодейственным средством государства к чему только не обращаются:

и к узакониванию порнографии, и к моде на откровенные наряды, и к идее материнского капитала, и даже к Самому (сам же сказал – плодитесь и размножайтесь). Правда, помогает мало. Остается вера, что добро одержит победу над разумом. Или в чудо. Одно такое, кстати, регулярно ходит на прием в диспансер.

Михаил (пусть его будут звать так) наблюдается в диспансере уже лет тридцать. Почему наблюдается? Из-за своих удивительных способностей. Такие люди стране нужны, потому и на особом счету. И учете, соответственно. Впрочем, все по порядку.

Как-то, еще будучи подростком лет четырнадцати, пошел Михаил прогуляться по лесу (он тогда жил в деревне). Тропинка шла краем оврага, а в одном месте спускалась на его дно. Вот на дне оврага-то и заметил Миша, что следом за ним летит по воздуху серебристый светящийся шарик размером чуть больше кулака. Подлетев к руке, шар почти коснулся ладони парня, а потом неспешно удалился дальше в овраг и скрылся из виду. Вот с тех-то пор и стали происходить с Михаилом всякие чудесные вещи.

Вначале это была просто удача на охоте: Миша стал метко стрелять. Чемпионом по стендовой стрельбе, конечно, не стал, но, во-первых, он и не ставил такой цели, а во-вторых – кто в здравом уме будет за деньги колошматить несъедобные глиняные тарелочки, когда есть бесплатные и вкусные утки и вальдшнепы? Потом Миша переехал в город, и охота на некоторое время была забыта: в жизни Михаила появилась женщина. Точнее, две.

Появились они с интервалом в два года и провели с Мишей где-то по полгода каждая, и обе в итоге сбежали, сверкая пятками. Почему? Миша убежден, что им от него нужен был только ребенок, несущий в себе частичку его необычных способностей. Правда, по мнению одной из сбежавших, никакие радости секса не стоили такой феерической неординарности супруга, но вы же знаете этих вертихвосток – таким нужно, чтобы мужик уродился в корень, а стоит завести с ними разговор о чем-то высоком и глобальном – обложат так, что с неделю соитие будет возможно только после гипсования.

Вначале Михаил сильно переживал и даже зарекся общаться с женщинами: двое детей уже есть, и, хотя с ними не дают толком видеться, формально свой вклад в генофонд нации он уже внес. Но у генофонда нации на Михаила были далеко идущие планы, и вскоре наш герой ощутил, что встреча в овраге сказалась не только на меткости стрельбы. Что делает женщина, увидев интересного ей мужчину? Стреляет глазками. Что делает мужчина, увидев привлекательную женщину? Раздевает ее взглядом. У Миши, при всей его природной скромности, остановиться на этом этапе не удавалось, и все заканчивалось беременностью и родами. Посмотрел на даму повнимательнее – все, через девять месяцев жди ребенка. Он переживал, он прятал глаза, он старался не выходить лишний раз на улицу – но все тщетно.

На миллионном ребенке он с ужасом осознал, что для отца нации не вышел обаянием, а для ее кормильца – зарплатой, и побежал сдаваться в прокуратуру. Понятно, что массовый декретный отпуск сотрудниц отдела – это была незапланированная заподлянка, но мы, русские, страшны именно своей импровизацией. Но те, еще ни о чем не подозревая, похихикали и отправили его в дурдом.

В мужском отделении набор целей был несколько ограничен, что принесло некоторое моральное облегчение. Чуть позже пришла способность мысленного контроля за процессом передачи генетического материала, чему Миша был несказанно рад. А еще через какое-то время способности вышли на новый виток. Он вдруг осознал, что может через рукопожатие передавать избыток своего плодородия любому другому мужчине. Как? Да проще простого: пожал мужику руку – считай, его жена или подруга точно залетит, к гадалке не ходи. Будучи человеком честным, Михаил счел своим долгом всех знакомых об этом предупредить. Заявление было воспринято с долей скепсиса, но здороваться с ним стали значительно реже. Ну, им виднее. Услуги были предложены батюшке в местном приходе, но то ли тот усомнился в соответствии экстерьера добровольца общим канонам чудотворных икон, то ли в божественности дара – словом, остались прихожане без животворящего взгляда и не менее животворящего рукопожатия.

А потом стало Михаилу и вовсе не до прихода, поскольку оказался он втянут в большую

политику. Насколько большую? На уровне президентов Соединенных Штатов и России – негоже отцу миллиона (а к тому моменту уже наверняка и больше) детей размениваться по мелочам. Стали главы государств вести через него телепатические переговоры. На высшем уровне, естественно. Без галстуков, естественно. И такого наговорили, что на днях Миша снова прибежал к своему участковому психиатру на прием: тот мужик смелый, даже после открытия сверхспособностей за руку здороваться не перестал, ему можно такое рассказать. Любой другой не сдюжит, начнет истерить.

Доктор Александр Алексеевич поинтересовался, отчего Михаил сегодня так расстроен – не исчерпал ли, случаем, генофонд. В ответ он получил длинный отчет о телепатических переговорах президентов. Как неосторожно телепнул глава Соединенных Штатов, Россия скоро будет ими захвачена. И поголовно посажена в тюрьму. И нечего так улыбаться, доктор, сейчас господин президент говорит, что по вам плачет персональная камера, за неуважение к его личному... нет, не телепузику! Ментальному атташе, имейте уважение к должностному лицу! Да, с медсестрой вместе можно, но только в порядке исключения и как знак особого расположения.

Боевой некромант без лицензии

Проблемы качественной связи с загробным миром волнуют многих, начиная от некромантов и заканчивая британскими учеными. Наши пациенты подходят к решению этого вопроса более практично – чего стоит одна только телефонизация гробов. Правда, зачастую они бывают более ограничены в средствах, и до «Скайпа», судя по всему, дело дойдет еще не скоро, но когда их это останавливало! Опять же, есть средства и понадежнее, чем видеосвязь.

Юра (назовем его так) наблюдается в диспансере уже лет пятнадцать. На прием ходит довольно регулярно, но в подходе к амбулаторному лечению допускает вольности и склонность к соавторству с участковым психиатром, отчего не реже раза в год госпитализируется. Впрочем, это обстоятельство его не смущает и не особо чему учит. Вот и в этот раз, когда он пришел на прием в растрепанных чувствах и одном ботинке, Оксана Владимировна напрямую спросила, уж не сдаваться ли Юра собрался.

- А как вы угадали, Оксана Владимировна?
- Ты не поверишь, Юра: по выражению глаз. Отсутствие ботинка, как ты сам понимаешь, уже косвенный признак. Где, кстати, потерял?
- Не потерял, доктор. Похоронил. На городском кладбище.
- Смысл ритуала от меня ускользает. От чего сейчас так лечат?
- Нет-нет, вы неправильно поняли! Это не с целью лечения, это для связи с загробным миром. Вроде как теперь я туда вхож. И выхож.
- Какая любопытная ассоциация! То есть, если похоронить презерватив...
- Не надо! Вот этого не надо! Мне хватило и ботинка! Такая связь поперла, такая информация. А главное – черная магия. В общем, я и раньше был знатный колдун, а теперь –

целый боевой некромант!

– О как. А какого уровня. А что умеешь?

– О-о! Могу с мертвыми мысленно разговаривать, только они все больше посылают и издеваются. Могу сказать, нет ли поблизости чьей души, – вот прямо сейчас прислушаюсь... да... да... нет! Пошла вон! Это я не вам, Оксана Владимировна. Души здесь у вас какие-то бешеные обитают, просто дурдом какой-то.

– Ну хорошо, Юра, вот обрел ты свои способности, а зачем сдаваться-то пришел? Ведь уже второй час по психбольнице круги нарезаешь, всех на уши своим экстравагантным внешним видом поставил, мне на тебя уже больные начали жаловаться – а это ведь надо еще суметь так их перепугать! Чего тебе с твоими способностями дома не сидится? Живи и радуйся. Мог бы, поди, открыть спиритический салон, в газету объявления давать – мол, сеансы потусторонней связи, недорого, узнайте, где ваш дед прятал золотые червонцы!

– А что, могут не положить? Нет, мне так не надо. Вы меня обязательно положите, я все вам расскажу. Обещаете?

– Зуб даю.

– Заметано! Тут вот какое дело. Я когда ботиночек-то похоронил, мне сразу с того света информация-то и потекла. Да сразу много, я даже поначалу растерялся. А растерялся – так и забыл основное правило техники безопасности черного колдуна.

– Это какое, Юра?

– Закрывать! Экранироваться! Лучше всего, конечно, шаровая или яйцеобразная сплошная защита, но тогда сам себя заизолируешь и никакой информации извне не получишь. Так я и про обычные-то щиты забыл, не говоря о яйцах!

– Про яйца забывать никак нельзя, с этим не поспоришь, да. И что в итоге?

– В итоге, Оксана Владимировна, все некроманты в округе узнали, что появился конкурент. Причем очень высокого класса. – Юра подбоченился и выставил босую ступню вперед, потом пошевелил черными от грязи пальцами, подумал и убрал ногу под стул.

– Ну узнали и что с того? Вступил бы в региональную ассоциацию некромантов.

– Ха! Как вы это себе представляете? Вы думаете, я не пытался? Да вы хоть в курсе, какой у них вступительный взнос для получения лицензии?

– Нет, конечно, меня же никто не приглашал.

– Девять невинных душ! Во-первых, я им колдун, а не живодер, во-вторых, невинных в этом городе еще поискать, а в-третьих – число девять мне не нравится, это число зла и зависти.

– Словом, ты их знатно обломал. И что теперь?

– Что-что... Объявили на меня охоту. Открытый контракт. А ну кыш отсюда! Это я не вам, Оксана Владимировна. Просто уже обнаглели – при живом-то докторе подслушивают.

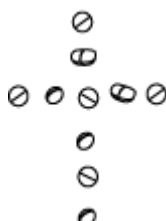
– Да, это с их стороны наглость. А в больнице-то что – безопаснее?

– В точку. У вас меня еще ни разу никто не побеспокоил. Что бандиты, что ФСБ, что тогда – ну помните, эти, с орбиты – ни разу. И еще это... кушать очень хочется.

– Убедил, Юра. Будет тебе магическое убежище и трехразовое питание.

В отделение Юра бодро шел в одном ботинке, не задействованном в обряде похорон, но на всякий случай держался между двумя санитарями: региональные некроманты – они такие, от них всего можно ожидать.

Дежурный Господь Александр Ефимович

В последнее время психиатры часто сетуют – мол, измельчал бред, уж нет тех Наполеонов, Гитлеров... да что там, товарища Жукова днем с огнем не сыщешь. Так, мелочь, шушера – вроде внебрачного сына вся Газпрома или заместителя президента по связям с инопланетной общественностью. Что поделаешь – пооскудел вождь харизмою и свершениями, а в дальние исторические дебри не всякий бред достанет. Но все же бывают, бывают отдельные случаи, о которых потом помнят долго, хранят бережно и рассказывают с превеликим удовольствием. Золотой архив, так сказать.

Эту историю поведал мой друг и коллега Владислав Юрьевич. Он в свое время ушел работать психиатром на один очень крупный завод. Как-то раз (было это несколько лет назад) его вызвали в здравпункт прессового производства. У них там работал один слесарь, и у того периодически случались судорожные припадки – память о давней травме головы. Их приближение он чувствовал заранее и приходил к фельдшеру сделать инъекцию магнезии. Так вот, в этот раз, со слов фельдшера, ему не получилось, а поостраннело. Как? Да очень просто: мужик сел, застыл в одной позе и уже четверть часа не двигается.

К моменту прибытия Владислава Юрьевича в здравпункт пациент так и сидел, уставившись в одну точку, и не горел желанием общаться. Доктор всеми способами пытался вывести его на разговор, только что с бубном шаманским вокруг не ходил – тщетно. Когда словарный запас, допустимый к употреблению в данной обстановке, уже практически иссяк, пациент вдруг откликнулся.

- Извините, доктор, я был занят.
- Чем же? – оживился Владислав Юрьевич.
- Я созерцал.
- Что, позвольте поинтересоваться?
- Людей. Народы, которые ходят по мне туда-сюда. Реки, которые текут по мне. Леса, которые растут на мне.
- Шахты, карьеры, ядерные могильники?
- Не будем о наболевшем, доктор. Думаете, просто быть тектонической плитой?
- То есть вы...
- Да, да, это я и есть.
- Извините, что отвлекаю от континентального дрейфа, но – давно это у вас?
- Миллиарды лет, доктор. Точно уже не помню. Люди вот недавно завелись, вошкаются.
- Дустом не пробовали?
- Да ладно, они особо не мешают. Все какое-никакое, а развлечение.

Фельдшер, всегда отличавшаяся предельно простым взглядом на вещи и прямо-таки искрящаяся непосредственностью и незамутненностью, не выдержала. Она подошла к Владиславу Юрьевичу, наклонилась и театральным шепотом спросила:

- Он что – дурак?
- Нет, Ольга Ивановна, он просто наш пациент, – едва слышно ответил доктор. – Сходите за нарядом милиции и вызовите транспортировку до психбольницы, а я пока побеседую с человеком.
- А хотите слетать на Марс, доктор? – предложил заскучавший было пациент.
- А давайте! Давненько нигде, кроме дачи, не бывал, – махнул рукой Владислав Юрьевич.

Мужик напрягся, две минуты сидел неподвижно, потом расслабился, выдохнул и доложил:

- На месте.
- Ну и как, вода есть. А жизнь? – тут же поинтересовался доктор.
- А что, в облом сходить проверить? – отозвался мужик. – Есть, но херовые.
- Тогда вертаемся взад.
- Легко. – Пациент снова застыл на пару минут. – Ага, есть. А хотите, я потоп устрою. А то жарко, душно.

Надо сказать, действительно стоял жаркий летний день. В воздухе висело марево, было душно, и где-то на горизонте собирались тучки – предвестницы скорого ливня.

– А ты сможешь? Потоп – это не просто на Марс сгонять. Тут особый навык нужен.

– Ха! Запросто! Мне за мои способности Сатана в тридцать три года голову оторвал. А потом назад пришил.

– Зачем отрывал-то. С целью диагностической декапитации²⁸?

– Нет, это все потому, что я Иисус Христос. А Господь заставил его все как было сделать. Только вот припадки с тех пор, мать их...

– Э-э-э... а это ничего, что я при вас сижу?

– Да ладно, расслабьтесь, доктор. В миру я простой слесарь. Так что насчет потопа? – Он нетерпеливо потер руки.

– Какой, на фиг, потоп? – возмутился Владислав Юрьевич. – Ковчег не построен, твари не построены... тьфу, не собраны по паре.

В этот момент в кабинет вошли фельдшер и два полицейских.

– О. Уже собираются, – оживился пациент.

– Ладно, – решил доктор. – Едем присматривать остальных. Потоп – дело ответственное.

– Да ладно вам так напрягаться, я могу и дома его устроить, – заверил мужик.

– Верю. Охотно верю, – согласился доктор. – Но соседи будут против.

– Да я геенну огненную на них! Дождь из серы!

– И оно того стоит – растрчивать таланты по пустякам? Нет, уж решили замутить – так надо делать все основательно. Соседей огнем и серой – это каждый дурак сможет. А вот качественный потоп в мировом масштабе – это да, это по-нашему. Поехали ковчег смотреть, тварей выбирать.

– Да ну вас. Сами выбирайте. А я поеду отсюда только к Господу, мне у Него надо сил набраться, – безапелляционно заявил пациент.

– Не вопрос. Прямо сейчас и поедет. Дежурный Господь у нас сегодня... – Владислав Юрьевич напряг память. – А! Александр Ефимович. Отлично, поехали.

В приемном покое Александр Ефимович как раз только что закончил принимать очень нудного экстренного больного. Этот факт, вкупе с дозволенными накануне излишествами, сильно омрачал его экзистенцию и здорово мешал обретению душевного равновесия. Поэтому на вновь прибывшего пациента в сопровождении Владислава Юрьевича и милиционеров он глянул хмуро, без энтузиазма.

– А-а, Иисус Христос... С чем на этот раз пожаловал?

– Потоп хочу замутить, Александр Ефимович.

– Дело нужное. Ну проходи, садись. А это кто – твои апостолы? – кивнул он на полицейских.

– Да нет, это так, твари. Собираем вот потихоньку.

– Ты это... полежи тут пока, а тварей доверь Владиславу Юрьевичу. Он соберет, у него опыт большой, – резюмировал дежурный Господь.

Супротив резолюции Господней не попрешь, и пациент послушно дал себя переодеть и увести в отделение. Владислав Юрьевич в сопровождении пары... э-э-э... полицейских вернулся на завод. Набирать экипаж ковчеха, надо полагать. Если что – вакантные места еще есть.

²⁸ Декапитация – обезглавливание.

Лампадное топливо

Гори, гори, мое паникадило,
Не то они склюют меня совсем!

© *Борис Гребеничиков*

На что ловятся рьяные последователи замысловатых оккультных течений, сектанты и прочая фанатическая братия? На бонусы, конечно же. В самом деле, трудно ожидать, что некий условный сферический прихожанин в духовном вакууме будет настойчиво посещать службы, исполнять обряды и усердно молиться только для того, чтобы потом вот так вот взять и умереть. Или, паче чаяния, угодить в inferнальные сферы в качестве кулинарного полуфабриката. Нет, если уж расшибать лоб и умерщвлять плоть – то чтобы потом всенепременно гурии (опционально – джинны и ифриты) и либо билет на ковчег, либо сертификат о сверхспособностях и звание адепта восьмидесятого уровня. И распирающее ощущение собственной эксклюзивности. Вот это другое дело, вот за это можно и душой пострадать, и червячка плоти заморить.

Евдокия Петровна (назовем ее так) в церковь зачастила последние лет пять. Раньше все как-то было не до того: семья, работа, дача. Но, выйдя на пенсию, она неожиданно для себя обнаружила, что образовавшийся избыток времени нечем заполнить, кроме постоянных размышлений о смысле жизни и тщете всего сущего. И если у Иммануила Канта подобные рассуждения вылились в несколько томов геморроя для будущих студентов философских факультетов, то у Евдокии Петровны перо и бумага никогда не ассоциировались с клапаном для стравливания ментального давления. Максимум – расписаться за получение пенсии или оставить инструкции мужу, что купить. Засада, словом.

Потом кто-то подсказал, что спасение и утешение надо искать в Боге. В итоге духовный вакуум оказался заполнен, свободное время – тоже, а в глазах Евдокии Петровны зажегся огонек рвения новообращенного. Единственное, о чем ей постоянно переживалось, – это о бесцельно и греховно прожитых годах. Вон бабульки в церкви уже десятилетия клерикального стажа имеют, их-то небось в рай с ветерком доставят. Да и благостностью от них веет такой, что тошно не только чертям, но и случайно подвернувшейся бесстыжей молодежи.

В итоге было решено наверстать упущенные годы за счет интенсивных молитв. Дело пошло веселее. Немного расстраивал муж, нехристь окаянный: от церкви шарахался, как черт от лаdana, посты категорически херил на корню, заявляя, что Святым Духом питаться будет, когда окочурится, и только в такой последовательности. Пасху, правда, отмечал очень старательно. Отказ в доступе к телу пережил хоть и с матерными комментариями, но сравнительно безболезненно.

Гениальность третьего закона Ньютона в том, что действует он в любой сфере и на

любом уровне, и если слишком долго и упорно долбить и домогаться в потустороннем направлении, то оттуда могут дать сдачи. Правда, некоторые считают это озарением и ниспосланием. Так и Евдокия Петровна: нет чтобы подвергнуть кристаллизовавшуюся в мозгу мысль конструктивной критике – она приняла ее как откровение свыше. А откровения критике не подлежат. Даже если это откровенная бредятина.

Ты – светоч, было сказано в откровении. Отдельно, для лиц, не имеющих высшего образования, потусторонние силы пояснили – то есть как лампада. Пока лампада горит, тьма бессильна. Пояснение для лиц с конкретно-наглядным складом мышления: тьма – это не только отсутствие света, но и, по совместительству, дьявол. Что, никаких ассоциаций? Ну там – *aliis inserviendo consumer*²⁹, не? Горящее сердце Данко? Ну хотя бы «вместо сердца пламенный мотор»? Девочка, ты где, вообще, училась? Ох и тяжело с вами! Ладно, забудь. Короче: пока лампада горит (то есть ты веришь), дьявол (то есть тьма и зло) тебе не страшен. Что непонятно? Все, вперед, к исполнению.

Как и следовало ожидать, Евдокия Петровна все интерпретировала по-своему. Раз она лампада, то ей нужно что? Нет, помимо фитиля. Правильно, лампадное масло. Началась планомерная скупка церковных запасов этого продукта. И употребление – лампаду-то надо заправлять! Эмпирическим путем была установлена оптимальная доза – двести миллилитров в сутки. Поначалу процесс шел туго: масло не лезло, просилось обратно; будучи все же проглоченным, старалось сбежать через заднее крыльцо, да и сама Евдокия Петровна на фоне этих страданий была раздражена не меньше своего толстого кишечника. Зато перемены к лучшему не заставили себя долго ждать.

В теле появилась необычайная легкость, а в душе – необычайный подъем. Ставший уже хроническим понос никоим образом не омрачал радужного настроения. Еще бы: дьявол и все демоны ада устрашились такой артиллерийской подготовки и с позором отступили. Плюс, судя по внутренним ощущениям, произошел апгрейд и левел-ап. Стали прорезаться сверхспособности: мало того что сон стал уже не нужен, так и в теле потекла особая, чистая энергия света. Теперь можно было переходить от оборонительных действий к карательным рейдам в inferнальные регионы.

Планы были нарушены мужем. Его совершенно не устраивало, что супруга передвигается строго по треугольнику «постель-холодильник-туалет» и потеряла в весе уже больше пятнадцати кило. Попытка уточнить, не является ли профузный понос новым тайным оружием церкви, привела к открытию, что летающие сковородки тоже бывают. Прибывшему экипажу барбухайки был продемонстрирован холодильник, полностью забитый освященным церковным продуктом. С большим трудом Евдокию Петровну удалось убедить, что если она вся изойдет на лампадное масло, то это будет не столько холивар, сколько замысловатый суицид, что само по себе грех. А в отделении так сытно кормят...

Главная по воздуху

Что-то воздуха мне мало —
Ветер пью, туман глотаю,

²⁹ Служа другим, сгораю сам (лат.).

Чую с гибельным восторгом:
Пропадаю, пропадаю...

© *Владимир Высоцкий*

Как показывает практика, завладеть ресурсами – не только цель большинства стратегических компьютерных игр, но и способ стать жутко богатым и страшно влиятельным. А что делать, если все теплые места уже заняты? Как вариант, устроить мировую войну. Или хотя бы революцию. Можно, конечно, банально нанять киллера или, что не менее банально, завести на кандидата в ушельцы уголовное дело, но это уже как-то мелко, по-детски. Существует еще один интересный способ. Можно сделать платным ресурс, которым доселе все пользовались на халяву. Есть, конечно, риск, что прибьют, но зато как кудряво может получиться!

Соня (назовем ее так) работала на заводе простой кладовщицей, хотя в глубине души считала, что достойна лучшей доли. А еще она имела твердое мнение, что судьба не только слепа, но и вдобавок еще и слабоумна. И это не считая общей сволочной наклонности ее, судьбы, характера. Видите ли, всяким набитым дурам и вертихвосткам всё – и мужиков богатых, и местечко с приличным окладом, сплошная синекура, и чрезвычайно своевременно покойную свекровь с хорошим наследством. А ей, при всем богатстве внутреннего мира и тонкости душевной организации, – обычного работягу-штамповщика (одно хорошо – навык безостановочной штамповки глубоко въелся в подкорку) и его невмечучую мамашу с одним радикулитом и двумя огородами. Словом, если бы пришлось выбирать себе эпитафию, Соня заказала бы высеченную в мраморе фразу: «Fortuna est padla».

И вот однажды, придя на завод, Соня вдруг поняла, что на самом деле ее рабочее место не здесь. И что вовсе она не кладовщица, а главная по воздуху. В масштабах всего города. И приступила к исполнению служебных обязанностей. Первым делом был проинспектирован склад. Состояние воздуха на складе пришлось признать неудовлетворительным, о чем охреневшее начальство было тут же извещено. Сумма налагаемого штрафа и вовсе лишила их дара речи. Следующими жертвами воздушной инспекции стали два соседних производства. Причем за состояние воздуха в туалетах был получен отдельный нагоняй. Пока успевшие огрести хватали ртом обложенный штрафом воздух, Соня уже покинула территорию завода и отправилась вдоль шоссе к близлежащей ТЭЦ. Клубы дыма и пара, извергаемые в атмосферу гигантскими трубами, повергали главную по воздуху в глубокую печаль и не сулили начальству предприятия ничего хорошего.

К счастью для руководства ТЭЦ, спецбригада подросла довольно быстро. Примерный азимут им выдали, а гордо удаляющуюся прямо по полю фигурку рассмотреть было несложно. Хорошо, что барбухайка делалась именно как санитарная машина для полевых условий. Съехав с дороги, доблестный экипаж пустился в погоню.

– Что вам нужно? Я главная по воздуху! По всему городу! – возмутилась Соня, когда ее удалось догнать. – У меня еще столько дел, а вы мне не даете работать!

– Так за вами прислали! – нашелся Денис Анатольевич, которому совсем не улыбалось применять силу и пытаться усадить больную в машину против ее желания. – У нас в мэрии совещание, а вы отсутствуете! Так ведь и прогул могут поставить! Безответственно подходите к обязанностям.

– А вы кто такие? – удивилась Соня.
– Главный по ду... э-э-э... то есть по интеллектуальным ресурсам, вот. А это мои коллеги.
– Главный по средствам имобилизации, – представился один санитар.
– Главный по методикам принуждения, – открылся второй.
– Хорошо, только с поля пробу сниму, – смилостивилась Соня. Она с шумом втянула воздух, прислушалась к внутренним ощущениям. – Пойдет. На твердую троечку. Все, едем, нечего заставлять мэрию ждать. Только потом меня надо подбросить на химзавод, у меня наверняка найдется к ним парочка вопросов! Да, и уже пора поднять вопрос об оплате за пользование воздушной средой! Прейскурант прикинем на месте.

Чивось?

Есть люди, находящие некую прелесть в незавершенности: дескать, вот в ней-то и кроется тайный смысл вечного движения, вот она-то и символизирует жизнь. Не жизнь, а хаос и разнuzданную энтропию, возражают им сторонники порядка. Незавершенный суицид, незавершенный акт любви – бардак любить изволите!

Эту историю рассказал Владислав Юрьевич. Однажды спецбригаду вызвали к несостоявшемуся висельнику. Он и раньше не раз ставил на уши медиков и родственников своими попытками как-нибудь поназидательней убиться, но ни жену с ее крестьянскими корнями, ни собственно корни в лице приехавших погостить и намертво осевших в квартире тестя с тещей эти страдания мятущейся души и артистической натуры ни к каким нужным оргвыводам не приводили. Да, охали. Да, сокрушались. Но жена категорически не перевоспитывалась, а старики никуда не спешили уезжать.

В этот раз, судя по всему, заявка на тот свет была подана довольно серьезная: наверное, веревку ему следовало все же надрезать посильнее. Поболтавшись в петле дольше, чем обычно, и основательно переполошив домочадцев, пациент рухнул на пол. Через некоторое время приехала спецбригада. Предположив, что подкорка страдальца после такого экстрима придет в норму быстрее коры и успеет доставить экипажу барбухайки несколько незабываемых минут, доктор дал команду заготовить вязки (три метра толстого фланелевого жгута, чтобы фиксировать буйных больных). Санитар кивнул и сложил жгут в петлю на манер удавки – так удобнее ловить за руку или за ногу, если вдруг понадобится.

В квартире их застал лежащий на полу висельник-рецидивист, привычно рыдающая супруга и тесть с тещей, с интересом вззирающие на происходящее и лузгающие семечки, за неимением попкорна. Тесть был туговат на ухо и постоянно обращался к теще, дабы не упустить деталей. Убедившись, что реанимационные мероприятия не нужны, доктор принялся заполнять талон вызова, расспрашивая жену о деталях инцидента.

– Он в этот раз говорил, что собирается покончить с собой?
– Ась? – переспросил тесть.

– Он говорит, Васька в петлю сразу полез или сначала хорохорился?

– Хорохорился! – безапелляционно заявил тесть.

– Хорохорился, – подтвердила жена, потом спохватилась: – Папа, не тебя спрашивают! Да, доктор, он опять закатывал истерики, кричал – мол, или они, или я. А у меня выгнать родителей язык не повернется.

– Чивось? – переспросил тесть.

– Живи, говорит, старый, тут, не хер в деревне делать! – перевела теща.

– А мне с ним надо будет ехать в больницу? – поинтересовалась супруга.

– Ась? – снова вмешался тесть.

– Наша говорит, что хочет за ним там ходить, – ответила теща.

– Нет, такой необходимости нет. У нас обученный персонал, круглосуточное наблюдение, – стал расписывать доктор.

– Чивось он сказал? – не расслышал тесть.

– Он сказал – на хрен! – авторитетно перевела теща.

Задав все необходимые вопросы и убедившись, что пациент понемногу приходит в себя, доктор вновь обратился к его супруге:

– Придется нам его все же госпитализировать. Во избежание, так сказать.

– Ась? – оживился тесть.

– В дурдом его сдадут! – перевела теща. – А то, не ровен час, опять в петлю полезет или гадости нахлебается, тьфу ты, прости гос-споди!

– А чего это у дохтура веревка в руке? – поинтересовался тесть.

– Вы понимаете, – начал объяснять доктор, – наши пациенты на фоне гипоксии мозга могут давать психомоторное возбуждение, от чего могут пострадать сами или причинить вред окружающим. Если что, мы его зафиксируем.

– Чивось? – переспросил тесть, не сумев понять ни одного из тех слов, что успел расслышать.

– Будет рыпаться – придушат! – охотно пояснила теща.

– А-а, это дело, – обрадовался тесть и подошел поближе, чтобы не упустить момент.

Тут пациент начал шевелиться и открыл глаза. И первое, что он увидел, – существо в белом и с веревкой в руках. Проведя дифференциальную визуальную диагностику (крыльев и нимба нет, плюс небритость, плюс фонендоскоп и рукоять молоточка из нагрудного кармана), он скосил глаза на руки существа и спросил:

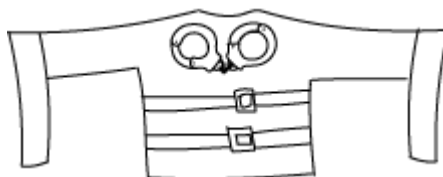
– Доктор, а зачем вам веревка?

– Вы понимаете, – начал врач, но тесть не дал ему договорить.

– Та, на которой ты вешался, слабой оказалась! – радостно изрек он. – Мы тут с доктором договорились за пузырь, чтобы он дело до конца довел!

Доктор, не ожидавший от деда такой тирады, сделал было шаг к страдальцу, чтобы все ему объяснить. Зря он это. Лицо пациента исказил животный ужас. Он и рад бы был дернуть прочь с низкого старта, да вот беда – после повешения тело его не слушалось. Не считая дыхательной мускулатуры и мимических мышц, шевелились только большие и указательные пальцы рук. ВОТ НА ЭТИХ-ТО ПАЛЬЦАХ ОН И ПОПЫТАЛСЯ УДРАТЬ.

Рядом!

Если когда-нибудь Россия поголовно ударится в политкорректность, психическое здоровье народа окажется угрожающе подорванным. Дурака придется назвать альтернативно

одаренным, мудака – выдающимся тестикулоносителем и далее по списку. В итоге – сплошная фрустрация от невозможности высказаться, а там и до повального невроза рукой подать.

Эта история произошла еще в те времена, когда закона о психиатрической помощи не было даже в проекте и буйных больных просто доставляли в психбольницу, тогда еще без критериев недобровольности, а просто по принципу – опасен для себя и окружающих или нет. Участники истории работают в спецбригаде до сих пор, они-то и поведали о событиях тех лет. Работал в спецбригаде санитар Дима. Работал давно, занятие свое любил – просто, без фанатизма. Основной заработок приносило подсобное хозяйство, что позволяло ему относиться к должности санитара философски: официальное место работы есть, стаж до пенсии вырабатывается, а зарплата – ну не за нее же, в самом деле, работает в таком месте настоящий мужик!

В тот день Дима приехал на работу чуть позже и пропустил ритуал поедания настоящей узбекской дыни, что досталась предыдущей смене в качестве то ли боевого трофея, то ли трудового поощрения и была честно поделена на всех уже присутствующих. Сетовать на опоздание ему пришлось недолго: к вечеру все, кто успел угоститься и заступил на дежурство, плотно оккупировали свободные туалеты – уж больно активными оказались незаконные простейшие мигранты из тогда еще союзной республики, которая в тот момент склонялась несчастными на все лады. А поскольку у мироздания есть свое, особенное и изощренное, чувство юмора, то вызов к буйному пациенту случился именно на пике коллективной диареи.

Не поехать было нельзя: больной совершенно искренне возомнил себя вервольфом и перекусал всех, кто не успел вовремя увернуться, после чего был общими усилиями покусанной родни заперт в квартире, откуда теперь на всю округу раздавался заунывный вой и треск гибнущей мебели, прерываемый звоном и дробью осколков – пациент отстреливался от галлюцинаций предметами сервиза, причем, по скорбным подсчетам семьи, уже не первого. В страхе притихли соседи, позатыкав пасти своим собакам, которые было охотно откликнулись на боевой клич новообретенного родича. А вот поехать было практически некому. Водитель, еще сохранявший приятную зелень лица, сказал, что машину-то он поведет, но, возможно, с остановками, и только. От доктора и фельдшера помощи ожидать не приходилось: в перерывах между посещениями туалета те лежали пластом и годились разве что в качестве артподдержки. Дима вздохнул, взял вязки и пошел с водителем к барбухайке.

Оценив ситуацию на месте, санитар попросил родню пациента открыть дверь и отойти на всякий случай подальше. Желательно вообще к соседям в гости. И ни в коем случае не подглядывать. Те с радостью согласились. Дима снова вздохнул и шагнул в квартиру. Спустя минут пять, в течение которых несколько раз раздавались вой, рык, грохот и команда «СИДЕТЬ, Я СКАЗАЛ!!!», Дима покинул квартиру. В компании больного. Прятавшаяся у соседей родня честно не подсматривала. Возможно, это и к лучшему.

Барбухайка въехала во двор-колодец и остановилась у крыльца. Хвоя, но любопытствующая смена дружно повыглядывала в окна. Зря они это сделали. Приступ хохота отозвался у всех поголовно спазмами в животе, и места в туалете снова стали остродефицитными. Из салона барбухайки вышел Дима в рваном халате, потирая укушенную ногу. В руке он держал импровизированный поводок: вязки, этот трехметровый жгут из фланели, были обвиты вокруг шеи и запястий рычащего больного и пропущены между его ног, что лишало пациента всякой возможности подраться или убежать. На попытки повернуться и достать санитара зубами следовал рывок поводка, ощутимо отдававшийся в промежности.

Ведя пациента на поводке, Дима поднялся с ним на крыльцо, и тут ему навстречу вышел мужик с большими сумками в руках. Судя по всему, он только что привез кого-то из родни на госпитализацию и теперь собирался с вещами больного ехать домой. От зрелища санитара с голым чудом на поводке мужик застыл. Аккурат в дверном проеме. Пациент на поводке зарычал и принялся. Дима меланхолично (азарт битвы прошел, наступило умиротворение) заметил:

– Мужик, ты бы это... ушел бы на фиг с дороги. Это чупакабра, если ты не в курсе. ОН

У МЕНЯ КУСАЕТСЯ. – И пациент клацнул зубами.

Как мужик оказался в мгновение ока в двух метрах от крыльца, сжимая в руках сумки, – непонятно. Дима пожал плечами и скомандовал:

– Рядом. Пошли.

Процесс оформления больного в стационар протекал с подвыванием и рыком, прерывавшимся командами «Фу!» и «Нормально с доктором разговаривай!», а также краткими инструкциями, как вести себя в отделении: «Иначе я приду и буду сердиться, ты меня знаешь!»

Сдерживающий фактор

Любому человеку очень важно, чтобы как можно бóльшая часть происходящего с ним или вокруг него имела более-менее внятное логическое объяснение. Солнце встало? Это потому, что Земля вращается. На каком... э-э-э... то есть почему вращается? Потому что ТАК НАДО. Почему в стране кризис? Потому что вертикаль власти, встав перпендикуляром к электорату, стремится обрести свое нефритовое естество, а нефрит нынче дорог. А, ну да, и кредиты тоже, но главное – процесс нефритизации.

Зина (назовем ее так) имеет за плечами солидный стаж болезни – двадцать с лишним лет, с того самого момента, когда за ней на заводе установили слежку сразу четыре разведки – КГБ, ЦРУ, Моссад и МИ-6. А родной отец, вместо того чтобы настучать агентам по длинным ушам, сдал ее в психбольницу. С тех пор это стало почти рутиной: агенты следят, ставят прослушку, монтируют-демонтируют камеры и жучки, а отец раза два в год вызывает барбухайку.

Иногда – видимо, чтобы сменить тактику, – появляются новые резиденты под видом женихов или вновь устроившихся на работу сослуживцев, да еще однажды доктора завербовали и прислали участковым психиатром. Хотя, может, он и не доктор вовсе: халат носить каждый сумеет, а чтобы беседы вести да лекарства выписывать, много ума не надо – вот взять, к примеру, ее саму... Вообще, нет, сама она умом-то как раз и отличается в нужную сторону, иначе не была бы под колпаком у разведки. А на доктора управу найти можно: зря, что ли, анонимки регулярно в прокуратуру пишутся? Привет, так сказать, бойцам невидимого фронта от Зины – инженера, гражданина и практически контрразведчика.

Спрашивается – чем же таким мог заинтересовать простой инженер аж четыре разведки? Воображение живо рисует формулу получения универсального топлива прямо из канализационных стоков или антигравитационный двигатель для легковушек. Или самую страшную тайну – почему за столько лет существования отечественного автопрома, за что бы ни взялся наш инженер, получается или самогонный аппарат, или тазик с болтами? Ничего подобного. Секрета Зина, конечно, не раскрывает, но по ее виду сразу понятно – следить есть за чем.

Скорее всего, я и дальше пребывал бы в неведении относительно страшных инженерных тайн, но некоторое время назад она сама пришла на прием. Чтобы написать заявление главному врачу и в прокуратуру. На этот раз на отца.

– Зина, а отец-то в чем провинился?

– А он мне вовсе и не отец.

– Это еще почему? Он же тебя один вырастил, когда матери не стало.

– Нет-нет, вы не понимаете. На самом деле, как совершенно недавно выяснилось, я не родилась, а была синтезирована.

– В пробирке, что ли?

– Нет, пробирки и колбы оставьте алхимикам. Меня синтезировали путем наложения волновой голограммы на матрицу первичного эфира, из которого все когда-то произошло.

– Прямо как в «Пятом элементе». А цель? Чисто поглядеть, что получится?

– Нет, доктор, у меня задача серьезнее. Я – сдерживающий фактор.

– Кого и от чего, если не секрет?

– А вы разве уже не догадались? Эх, вы, а еще на разведку работаете!

– Так ведь ты, Зина, страшно конспирируешься и шифруешься! Колись уже, что за сдерживающий фактор!

– Если вы успели заметить, то за все время моей работы на заводе я не подала ни одной заявки на изобретение.

– Поверю на слово.

– Так вот, именно своим бездействием я и сдерживаю противоборствующие государства.

– Поясни, Зина, как это?

– Представьте себе, что Америка решила устроить в России, скажем, оранжевую революцию и в дальнейшем раздробить нашу страну на отдельные послушные регионы.

– Хорошо, предположим за ними такое коварство. В чем твоя сдерживающая роль?

– А я подаю заявку на изобретение. Скажем, телепорта. С системой наведения на нужные координаты. И выкладываю в открытый доступ. Все, границам хана. Не говоря уже о возможности прислать тикающую посылку по нужному адресу. Или рассказываю всем, откуда взять много-много дармовой энергии. И всё, все ваши бензиновые корольки окажутся дурилками картонными!

– А ты что, знаешь и про устройство телепорта, и про новые энергоносители?

– Мне надиктуют.

– Кто?

– Кто меня собирал, тот и надиктует! Но я, собственно, не за этим. Тут за мной в последнее время ужесточили слежку. Не иначе снова пытаются пошатнуть мировое равновесие. А так называемый отец собрался упечь меня к вам. Поскольку он на самом деле отцом мне не является, как это недавно мне передали по лучу, то и юридического права вызывать вашу спецбригаду не имеет. И вообще надо разобраться, на кого он работает. Вот напишу все заявления, пойду домой и займусь этим вопросом.

– Зина, у меня есть возражение.

– Это какое же?

– Во-первых, в твоих словах явно прослеживается бред преследования, что само по себе уже является показанием для неотложной госпитализации, хочешь ты того или нет. А то вдруг тебе приспичит из дичи стать охотником? Во-вторых, столько анонимок, сколько ты написала на меня в прокуратуру, пишут чаще всего на родственников. Так что на сегодня я твое родное папо плюс по совместительству участковый психиатр. Властью двух в одном флаконе объявляю: госпитализации быть!

Ышшо

По сути дела, каждый вызов, на который выезжает спецбригада, – это русская рулетка. Даже если он обещает быть скучным и рутинным. Неисповедимы ассоциативные цепочки и аффективные реакции наших пациентов, посему никогда не знаешь, что НА САМОМ ДЕЛЕ тебя ждет. А главное кто. Вот и на этот раз, отправляясь по указанному диспетчером адресу, Денис Анатольевич ожидал увидеть все что угодно. Однако, вид доктора из того же психдиспансера в домашнем платье и тапочках с кавайными розовыми зайками на носках поверг его в состояние ступора.

– Жанна Сергеевна (имя другое, но Денис Анатольевич не выдаст), что стряслось? – поинтересовался он осторожно.

– Помощь нужна не мне, – улыбнулась она, от чего Денис Анатольевич опешил еще больше. Дело в том, что муж Жанны Сергеевны тоже работал в психдиспансере. Тоже врачом-психиатром. – Нет-нет, у мужа тоже все в порядке, – поспешила добавить она.

Денис Анатольевич выдохнул и позволил себе слегка расслабиться. В ходе дальнейшей, уже гораздо более непринужденной беседы выяснилось, что на самом деле барбухайку вызвали к одной из соседок Жанны Сергеевны по подъезду, которая много лет страдала психическим расстройством и всю последнюю неделю пребывала в состоянии обострения, растрепанных чувств и крайней неприязни к окружающим. Ибо те обложили ее со всех сторон: бандюки этажом выше (специально мочатся прямо на пол, чтобы выказать свое пренебрежительное к ней отношение и отравить мочевиной), колдуны этажом ниже (варят что-то вонючее, предположительно из кошек и ворон, а весь запах направляют к ней через вентиляцию), да еще и психиатры в подъезде нагло и беспардонно проживают – тоже ведь не просто так! Бандюки и колдуны терпели упреки, подозрения и угрозы массовых расстрелов и аутодафе дней шесть, после чего двинули делегацией к соседям-психиатрам – выручайте, мол. Диспетчер скорой помощи, принявший вызов, записал и квартиру, откуда звонили, и квартиру, куда надо наведаться. Только потом одну лишнюю вычеркнул, угадайте какую.

К соседке спецбригада выдвинулась в сопровождении Жанны Сергеевны – та решила оказать бойцам моральную поддержку и попытаться уговорить соседку сдаться добром. Лида (предположим, что ее звали так) дверь открыла сразу, окинула медиков тяжелым взглядом и хмуро спросила:

– Биться будем?

– Это как получится, – отозвался Денис Анатольевич.

– А может, дашь согласие на лечение? – попыталась решить дело миром Жанна Сергеевна.

– Только если ты, Жанка, тоже согласишься. Будем лежать вместе.

Денис Анатольевич подмигнул – мол, глядишь, и без боя обойдемся – и достал два бланка с письменным согласием на госпитализацию. Лида кивнула на Жанну Сергеевну – дескать, она первая. Доктор расписалась.

– Ышшо! – затребовала больная. – А то не поверят.

Доктор расписалась еще раз.

– Ышшо! Ышшо! Ышшо! Ышшо! – На этом слове Лиду переклинило, и она выкрикивала его, словно болельщик футбольной команды, скандируя по слогам.

Доктор, словно замороженная, ставила и ставила подписи, пока Денис Анатольевич не вмешался и не выдернул бланк из-под ее руки:

– Нам этого вполне достаточно, Жанна Сергеевна, мы верим, что вы согласны.

Больную повязали быстро и профессионально, без лишнего шума и резких телодвижений. Поблагодарив Жанну Сергеевну за оказанную моральную поддержку, Денис

Анатольевич двинулся следом за санитарями, аккуратно складывая подписанный доктором бланк согласия на госпитализацию и пряча его во внутренний карман. Это ж раритет – психиатр добровольно согласился сдать. И так пятнадцать раз.

Белоснег, похотливые гномы и чертяка фельдшер

Не за горами Новый год. Скорее всего, перед тридцать первым декабря народ сделает небольшую передышку в своей извечной диалектической попытке упить неупиваемое, а кое-кого, из разряда особо провинившихся и сугубо подкаблучных, возьмут на короткий поводок и приведут кодироваться, но это будет потом. А сейчас отмечается конец третьей недели со дня праздника народного единства, икаются отголоски Хеллоуина – словом, нам и наркологам работы не убавляется.

Получив на руки этот вызов, Денис Анатольевич присвистнул и переспросил у диспетчера – мол, разве мы в пригородные села ездим? Оказалось, что да, что это село как раз из тех, что теперь вошли в состав города, поэтому можно брать с собой баян, дорожка будет длинною. Пожалев, что на подстанции нет вертолета, экипаж загрузился в барбухайку и взял курс за город. Уже на подъезде к внушительному особняку, чей адрес как раз значился в талоне вызова, спецбригада второй раз посетовала на отсутствие вертолета. Желательно боевого, с аминазиновыми самонаводящимися ракетами и транквилизаторным пулеметом Гатлинга. Из особняка, нарушая тишину морозного вечера, доносились выстрелы.

Единогласно было принято решение дать родной полиции шанс проявить героизм и воинскую смекалку. Те приехали довольно быстро и сработали четко и слаженно, повязав стрелка в считанные минуты, после чего махнули рукой спецбригаде – мол, заходите, уже можно.

Обстановка гостиной залы впечатляла, даже несмотря на зияющие в дорогой антикварной мебели рваные дыры и россыпь битого стекла и стреляных гильз на дубовом паркете. Шикарная импортная многозарядка двенадцатого калибра с открытым затвором (проверено – патроны извлечены) была аккуратно прислонена к камину, подальше от автора батального натюрморта. Сам художник, крепко сбитый мужчина, чей хабитус практически не оставлял сомнений в его роде занятий в лихие девяностые, сидел в наручниках на софе и успокаивал расстроенную мать:

– Я тебе говорю, не убивайся ты так! Видишь – легавые приехали, тебе защита будет от этих... у-у-у-у, козлятина мелкотравчатая! – рывкнул он в пустой угол и попытался погрозить кулаками в наручниках.

– Нету там никого, вот хоть у докторов спроси, сынок! Ох, горе мое луковое, ну разве ж можно столько виски выкушивать, да еще каждый божий день, да без продыху! Как будто мне отца-покойника было мало с его горячками, топорами и ревностью!

– А вот и спрошу, нечего меня тут за лошару держать! Слышь, пацаны, – обернулся он к спецбригаде, – гномов видите вон в том углу. И в том. И на подоконнике. И на камине. Ёк-макарёк, некогда мне тут с вами рамсить, когда дома такой беспредел творится! Слышь, командир, – это уже полицейскому, – ну хоть ты шамальни в эту шелупонь, чё они мне тут своими херами грозятся!

– Я те шмальну! – беззлобно огрызнулся полицейский. – Ты чего из хором стрельбище устроил? Допился до чертиков, блин...

– Ничего я не допился. Я второй... нет, даже третий день как в завязке. И чертиков никаких у меня нет. Я ж объясняю – во-от такие (жест руками в наручниках в метре от пола) гномики, наглые, падлы, – смеются и херами так грозно размахивают. А приборы у них будь здоров, в половину их роста. И кому? Да я пацан конкретный, ко мне даже Фортуна боится задом повернуться. А они смеются и размахивают, смеются и размахивают...

– Я бы на вашем месте уже полчаса как дрался, – посочувствовал Денис Анатольевич.

– Так вот же. Я сначала хотел их своими руками придушить...

– И уронил буфет! – напомнила мама.

– А кто ж знал, что они такие шустрые! Ну ничего, думаю, сейчас вы у меня пошустрите!

– И расстрелял всю мебель, – подытожила мама.

– Да ладно тебе, деньги – не главное! Главное – честь! Короче, вальни их, командир, их разводить нечего, они все равно без понятий. А я прикопаю. Калым вам выйдет, не обижу, я-то с понятиями!

– Ну что, доктора, берете его себе? – поинтересовался старший.

– Берем. Свезем в наркологию подарочек, пусть порадуются, – сказал Денис Анатольевич и повернулся к пациенту: – Пошли, болезный. Тебя как зовут-то? Белоснежка? То есть Белоснег?

– Сам ты Беломор! Толя меня звать.

– Поехали, Толя, полечим твое неграмотное похмелье. А ребята пока гномиков замочат и прикопают. Правда?

– Не вопрос! – заверили полицейские.

Загрузив Анатолия в салон, спецбригада направилась в наркологию. Анатолий вел себя беспокойно: пытался выглянуть в окно, посмотреть под сиденьями – не просочился ли гном-диверсант? Потом он сфокусировал взгляд на фельдшере. Оценил невысокий рост, короткостриженные черные курчавые волосы, бородку...

– У тебя рога растут!!! Ты – черт!!! АААА, ОТКРЫВАЙТЕ, Я ВЫХОЖУ!!!

В салоне барбухайки образовалась небольшая свалка, поскольку намерение сойти на полном ходу у Анатолия было очень даже серьезным. В итоге из притормозившей у крыльца наркологического диспансера машины слегка взъерошенный экипаж вывел слегка помятого пациента. Дежурный доктор взялся за расспросы, но Толя вспомнил лихую молодость и ушел в глухую несознанку – мол, не было ничего, зря дело шьешь, начальник! Доктор укоризненно посмотрел на Дениса Анатольевича – мол, зачем гражданина повязали, он же вполне спокоен, никакой горячки, все чисто... Денис Анатольевич пожал плечами и попросил санитара позвать забытого на улице фельдшера, а то вредно столько курить на морозе.

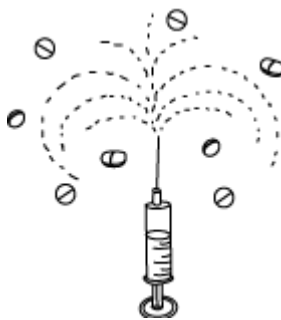
Расчет на провокацию оказался верен: стоило фельдшере заглянуть в кабинет и поинтересоваться, какого ангела этот хмырь еще не на сковородке, как пациент взорвался:

– ЧЕРТИ! Я ТАК И ЗНАЛ!! ВЫ ВСЕ ЧЕРТИ!!! МЛЯАААА, ХОЧУ ДОМОЙ, К ГНОМИКАМ!!!!

Нарколог обменялся взглядом с Денисом Анатольевичем, вздохнул и сел заводить историю болезни.

А кто хоронить-то будет?

Логика – занятная штука. У женщины она особенная (хотя жена утверждает, что правильная), у шизофреника она кривая. Причем «кривая» – это я не для красного словца. Есть и другое, более политкорректное определение: паралогичность. То есть мысль у такого человека вместо найденной проторенной дороги бродит тропами зайцев и контрабандистов. Заблудившихся. Поэтому выводы из рядового, в общем-то, события следуют такие, что некоторое время стараешься собрать всю свою смекалку в кучу, чтобы хоть приблизительно понять: с чего он это взял? То же касается и способов достичь цели. А уж если цель себе поставила женщина, страдающая шизофренией... Впрочем, лучше расскажу одну историю.

Марина Александровна (назовем ее так) ходит на прием к психиатру уже много лет. Причем каждый ее визит – это незабываемое зрелище для неподготовленного посетителя диспансера. Представьте себе фигуристую даму, которая уже десятый год медитирует на тему, что она ягодка-рецидивистка, и всячески старается эту мысль донести до окружающих посредством прямой визуальной стимуляции. Не знаю, как справляются с культурным шоком те, кто видит ее впервые, но в таком наряде из какой-то невероятной ткани, сочетающей в себе свойства марлевки и рыбацкой сети, да еще и на голое тело, можно смело вставать на огороде: воронам просто глазки повышибает. Плюс контролечка – очки с пронзительно-желтыми линзами, вроде поляризующего фильтра у фотоаппарата. Их Марина Александровна носит не просто так, а для того, чтобы лучше видеть ауру собеседника и подмечать, кто это ей все время шепчет в голове всякие непристойности.

Супруг пациентки много лет стойко, как по уставу, сносил тяготы и лишения семейной жизни. Но у организма тоже есть ресурс, и в конце концов он был исчерпан. Приехала скорая, отвезла его в реанимацию, а через несколько дней Марине Александровне позвонили и сообщили, что муж скончался, и теперь ей предстоит его забрать, чтобы похоронить.

– Как это похоронить? – растерялась дама. – Я же не умею. У нас дачи отродясь не было, я не знаю, с какой стороны за лопату браться. Сами и хороните.

На том конце провода долго собирались с нужными выражениями, совершая титанические усилия в поиске цензурных выражений. Наконец предельно вежливо сообщили, что в инвентаре реаниматолога тоже нет лопат. Мол, просили, умоляли, писали письма – не выделяет Минздрав, хоть ты тресни. И вообще, есть такие специальные люди, которые приедут и все сделают, можем даже телефончик по такому случаю продиктовать.

– А зачем мне их телефон? – удивилась Марина Александровна. – Я их не знаю, мало ли что у людей на уме. Вдруг приедут и нагло, в извращенной форме, воспользуются моим беспомощным состоянием. Нет-нет, пусть лучше они едут к вам, вы же их знаете, раз телефон мне дали.

На этом цензурный фильтр сотрудников реанимации всхлипнул, собрал котомочку и пошел лесом. Даме высказали все, что наболело, и в категоричной форме обязали явиться немедленно.

А через несколько часов корпус, где располагалось отделение, был оцеплен полицией и сотрудниками ФСБ. Всех спешно эвакуировали: отделение было заминировано. Об этом полиции сообщила одна расстроенная дама. Даже уточнила, где спрятана бомба: мол, лежит у них там один труп, вот под ним-то и ищите. Персонал реанимации тут же припомнил недавний телефонный спор о том, кому копать, и сдал даму полиции с потрохами. Те ответили, что

телефон уже пробивается по базе данных и что туда уже выехала отдельная группа, спасибо за гражданскую сознательность, но под трупом и в самом отделении мы все-таки поищем – мало ли что. Выяснив, что мина была исключительно телефонной, дали отбой тревоги. Отделение, устало матерясь, вернулось на рабочие места, а полиция и ФСБ занялись отработкой адреса террористки.

Прибывшую на место оперативную группу ожидало то самое зрелище, к которому в психбольнице худо-бедно успели привыкнуть. Да-да, то самое сочетание марлевки с рыбацкой сетью на голое тело и пронзительно желтые линзы. Ребята оказались крепкими, от потрясения оправились быстро и строго спросили: мол, вы звонили? Надо же, даже не скрываете. А какого... то есть на... в смысле – зачем?

– А чего они моего мужа не хоронят. И еще кричат, ругаются – забирайте, хороните. А я не умею! Может, вы как-нибудь на них повлияете, раз уж приехали? Опять же, саперы у вас есть, а у них лопатки такие специальные имеются.

– Женщина. – Старший группы нервно сглотнул. – Я понимаю, что этот вопрос прозвучит некорректно. И все же я его задам. ВЫ ЧТО – ДУРА?

– Да! – радостно подтвердила Марина Александровна. – У меня и справка есть. Красивая такая, розовая. Об инвалидности.

В итоге заниматься похоронами пришлось все же реанимации. Точнее, больнице, к которой она относилась. Марине Александровне было страшно некогда: то допрос, к исходу которого следователь был готов биться головой о стопку уголовных дел, то судебно-психиатрическая экспертиза, то суд (пациентка свысока глянула на молоденькую секретаршу с декольтированным пупком и травмоопасным маникюром – дескать, прокачивай харизму, фифа!) – столько дел, столько дел...

Ботаника

Чем себя занять, если у тебя масса свободного времени и на работу ходить не надо? Наши пациенты, у которых есть группа инвалидности, решают этот вопрос по-разному. Кто-то обретает нерушимый симбиоз с диваном, пультом и телевизором. Кто-то просто гуляет по городу. Многие находят в себе силы для хобби: обзаводятся стаями кошек, вяжут крючком, ведут активную переписку с прокуратурой, ЖЭКом, мэрией и администрацией президента. А Женя...

Женя решил удариться в прикладную ботанику (кстати, не он первый, я уже как-то описывал похожий случай). Сложно сказать, сколько времени он совершенствовался в этом направлении, но результаты оказались впечатляющими. Собственно, афишировать свои достижения он не планировал, но так уж получилось. Сам виноват: не нужно в вопросах терапии психических болезней лезть в соавторы к лечащему врачу. Сочетание традиционных методов с экстремальными, конечно, творит чудеса. Просто потом возникает вопрос: что делать с этим чудом и как его с наименьшими потерями упаковать?

Юбилейное, двадцатое за последние пятнадцать лет, обострение началось бурно. Женя чудил, как викинг на ритуальном корпоративе. Мама, разглядев в глазах чада сетку прицела, извинилась, сказала, чтоб фестивалил без нее, позапирала все двери и отправилась за участковым.

Когда она вернулась в компании старшего лейтенанта, Женя успел порубить в капусту две межкомнатные двери и уже почти справился с бронированной. При виде полицейского он малость поостыл и даже пригласил его зайти, выпить чайку. Старший лейтенант отважно

согласился. Правда, не раньше, чем подросел наряд патрульно-постовой службы: дескать, ребята тоже что-то чаю внезапно захотели. Оглядев руины, участковый спросил, с кем была битва и кто победил. Женя честно рассказал. Полицейский проявил недюжинную выдержку: он бледнел, краснел, затыкал себе рот, делал большие глаза, потом извинился и сказал, что ему надо проверить, хорошо ли припаркована машина. И только выйдя на лестничную площадку и вызвав спецбригаду, дал себе волю.

– Кибердомовята! Ыыы!!! Траву косят! Ой, не могу!! И сами курят! Упс... Какую траву?

Он пулей влетел обратно в квартиру.

– Женя, родное сердце, а какую травку у тебя эти злыдни таскают?

– Так мою, собственную! Вот этими руками сажал, растил! – Женя показал, какими именно.

– А где она у тебя растет?

– А вон в том шкафу, пойдемте, я вам покажу.

Заглянув в шкаф, полицейские поняли, что сегодня – их счастливый день. Отчетность, премии, возможно, даже очередные звания – вот что пряталось за дверцами. Делянка конопли была оборудована по последнему слову техники: подсветка, датчики температуры и влажности, каждый горшочек промаркирован.

– А я смотрю – что-то не то! – жаловался Женя. – То тут листочек помят, то там веточка надломилась.

– И давно ты, мил человек, наркоту выращиваешь?

– Это не наркота, – обиделся Женя. – Это лекарство. Я специально из разных мест у знающих людей заказывал! Вот этот куст – это антидепрессант. Такой смешной! Вот этот – от шизофрении, от него сразу голову отпускает и ни о чем не думается. Вот этот – если аппетит пропал, от анорексии, по-научному. Вот этот – для повышения потенции. Могу угостить, я тут засушил немного.

Женя отошел к столу и достал из ящика несколько аккуратных конвертиков с сушеной коноплей.

– Я сейчас покажу, у меня есть машинка для самокруток.

Полицейские от сеанса повышения потенции вежливо отказались – мол, спасибо, у нас с этим проблем нет.

– А сейчас я вам покажу свою гордость, – важно анонсировал Женя. – Это лофофора Уильямса! Усиливает магические способности и развивает воображение.

– Это не лохофлора, это ж кактус! – не выдержал сержант. – Ты что, им колешься?

– Лохофлора – это ты! – возмутился Женя. – Причем одноклеточная! Индейцы его как божество почитают! Кастанеду надо читать, а не устав патрульно-постовой службы!

Спецбригада прибыла вовремя: конфликт культур был в самом разгаре и грозил закончиться бурными дебатами, но при виде санитаров обе стороны немного смутились и не стали продолжать перепалку. Женя поначалу заупрямился: мол, не поеду никуда, я и так успешно лечусь, без этой вашей химии. Даже попытался сходить в атаку, но положение спас участковый полицейский.

– Женя, – ласково сказал он. – Ты, конечно, человек образованный, ты читал много книг и разбираешься в ботанике. Но что-то мне подсказывает, что на суде – а он обязательно состоится – тебе будет очень стыдно, что уголовный кодекс прошел мимо тебя. Особенно статья 228. Ты ее все же почитай на досуге, ладно? Опять же, сам подумай: одно дело лежать в больнице и совсем другое – сидеть в следственном изоляторе. Ты сам-то что выбираешь?

Женя подумал и выбрал. По дороге к барбухайке он было попытался уговорить участкового проследить за посевами, но тот вежливо отказался, пояснив, что вид человека в погонах с лейкой над горшками с коноплей – это, конечно, очень мило и по-домашнему, но совершенно несовместимо с карьерой.

Тоже мне, жених нашелся!

Человек – крайне противоречивое существо. Особенно по части желаний и мечты. Взять хотя бы тех, кто, обчитавшись фэнтези и руководств по прикладной магии, влачит свои унылые дни и годы во вселенской скорби о навсегда покинувших этот мир чудесах и волшебных созданиях. Стенают, пеняют мирозданию – мол, сколько можно увлекаться грубым соцреализмом! Ну хорошо, только потом не жалуйся, говорит мироздание и делегирует к страждущему дежурную фею. С топориком, по причине дурного настроения, ибо нефиг было от работы отрывать. Алярм! – кричит заказчик, соприкоснувшись с чудесным (точнее, с его обухом). Верните все взад, хочу обратно, в милую материалистическую реальность! Мироздание пожимает плечами и отправляет по указанному адресу спецбригаду...

Ольга Егоровна (назовем ее так) никогда с психиатрией знакома не была. И не собиралась восполнять этот пробел. У нее и так забот хватало, а после того, как она овдовела, еще и прибавилось: содержать в порядке квартиру и дачу в одиночку не так-то просто. Дочь, конечно, помогала по мере возможности, но у нее своя семья, дети, так что рассчитывать приходилось больше на себя.

Обзаводиться мужиком в доме Ольга Егоровна не спешила: в той фауне, что была на примете, преобладал мелкий рогатый пьющий скот, а шанс на то, что извлеченное из лужи, отмытое и приодетое окажется еще и человекообразным, был исчезающе мал.

Впрочем, на пятом году одинокой жизни женихи все же появились. Но и тут все пошло не как у людей. Нормальному жениху надлежит являться через дверь и с цветами. В отдельных исключительных случаях – по веревочной лестнице через окно с гитарой в зубах. А эти...

Началось все с фотообоев на стене. Ветви какой-то труднодифференцируемой тропической растительности по краям, песчаный берег теплого ласкового моря в центре кадра, конус потухшего вулкана где-то на заднем плане. Однажды вечером, в сумерках, картина ожила. Ветви качнулись, волна бесшумно лизнула песок. Вулкан, правда, так и не пробудился, за что огромное ему от Ольги Егоровны спасибо. Стоило включить свет – движение пропадало, и картинка застывала, снова становясь обычными фотообоями. Днем она тоже не проявляла никакой активности, оживая только в сумерках.

Тревоги и страха не было: ну оживает изображение, ну иногда волна плещет чуть дальше, чем обычно, проливаясь на пол – зато какое-никакое развлечение. Опять же, соседи снизу ни разу не пожаловались на потоп.

А через месяц с пляжа стали забредать мужики. По одному. Выйдет, бывало, очередной товарищ, посмотрит внимательно на Ольгу Егоровну, протянет букет цветов – сватается, не иначе. Сначала было интересно, даже забавно, а потом начало надоедать. Нет, гости вели себя прилично, ничего предосудительного себе не позволяли, но ведь и толку от них никакого. И не уснешь толком: мало ли что у них на уме. А в однокомнатной квартире кровать особо не переставишь, разве что на кухне себе постелить, но это уже совсем ни в какие ворота: хозяйка она в доме или кто!

Как-то раз дочь, придя в гости, засиделась допоздна. Ольга Егоровна отлучилась в комнату за какой-то безделицей, а через пару минут оттуда раздался звон бьющегося стекла и гневный вопль.

– И ты туда же, сволочь! Вот только тебя мне тут не хватало!

Дочь метнулась в комнату. Пол был усеян осколками условно хрустальной вазы, не пережившей тесного контакта с тропическим пейзажем, а Ольга Егоровна грозила кулаком стене.

Выяснилось, что на этот раз (мама, на какой на этот раз? Что, были прецеденты?) пришельцем с пляжа оказался Муаммар Каддафи. Он приперся со своим шатром и стал деловито его устанавливать посреди комнаты. Опешившей Ольге Егоровне он жестами пояснил, что намерения его самые серьезные, что отныне его верблюды – ее верблюды, его нефть – ее нефть, а его враги, включая президента США и весь его Конгресс, – ну, вы поняли. Так что насчет свадьбы?

– Мне только покойника в мужьях не хватало! – возмущалась Ольга Егоровна. – Мой-то, кстати, прилично себя ведет, с кладбища ни ногой, земля ему пухом. А ты. А ну кыш отсюда. И шатер свой забери!

– Мама! – наконец обрела дар речи дочь. – Я никого не хочу обидеть, но, по-моему, тебе пора показаться психиатру. Ты как хочешь, но вылезающие из стены женихи – это уже перебор!

Доктор, выслушав рассказ Ольги Егоровны, задумчиво потер переносицу.

– Лечение я вам, конечно, назначу. Но причину появления всех этих ваших претендентов на руку и сердце еще предстоит поискать. Так что вот вам направление к неврологу, а еще – на электроэнцефалографию и на томографию.

– А живую картинку пляжа можно оставить? – робко поинтересовалась Ольга Егоровна.

– Боюсь, что нет, – ответил доктор. – Если уж рубить канал связи с потусторонним – то полумерами мы с вами не обойдемся. К тому же, сами подумайте: мало ли кто еще оттуда заглянет? Опять же, не стоит списывать со счетов возможность цунами и извержения вулкана. И вообще – как насчет новых обоев?

Как родные

Возможно, когда-нибудь пламенные борцы с карательной психиатрией смогут придавить разгул энтропии в своем сознании и своих рядах, консолидируются и выступят единым фронтом против объекта своей всепоглощающей ненависти. И тогда нашему серьезному учреждению в очередной раз придется сделать ход конем. Точнее, слонем. Мы закроем диспансер, отправим медперсонал в длинный-длинный отпуск, а на дверях учреждения повесим список пламенных борцов. С телефонами и адресами. Мол, все вопросы теперь к ним. Ага, и госпитализировать можете непосредственно на их свободные койки. Ничего, освободят, если надо.

Виктор Евгеньевич (назовем его так) знаком с психиатрией уже больше десятка лет. И все эти годы прошли в борьбе. Вначале – с компаниями сотовой связи, вступившими в преступный сговор с иностранной разведкой. Ишь чего удумали – транслируют шифрограммы прямо в мозг, используя его, Виктора Евгеньевича, мощнейший интеллектуальный ресурс как обычный накопитель информации! Они ему даже агентурную кличку дали – «флешка с плешью»!

Переписка с прокуратурой и прочими органами длилась долго. Когда Виктор Евгеньевич уличил их в волоките и пригрозил, что напишет президенту и в ООН, органы заволновались, стали отговаривать – мол, президенту-то за что такое счастье. И быстро вспомнили, что есть такие специальные люди в белых халатах, у которых сейчас наверняка мало работы. Вот пусть и займутся этим плешивым флеш-накопителем. А то он уже собрался вышки сотовой связи валить, офисы громить.

Начался новый этап борьбы Виктора Евгеньевича, на этот раз – с психиатрами. Заявления в суд он носил пачками: на главврача, на участкового, на персонал отделения, на спецбригаду – в общем, человек был занят.

А потом вся болезнь как-то постепенно сошла на нет, госпитализации прекратились, операторы сотовой связи и их иностранные друзья-агенты, судя по всему, нашли себе новые флешки, и Виктор Евгеньевич ходил на прием уже просто для того, чтобы отметиться, рассказать про жите-бытие и выписать лекарства. Ну и, конечно же, снова написать на кого-нибудь жалобу. Чисто чтоб не расслаблялись.

В этот раз Оксана Владимировна расспросила его про самочувствие (традиционно так себе, но с головой все в порядке, вы не подумайте, доктор!), обсудила с ним соседей по подъезду (традиционно сволочей), погоду (традиционно гадскую), экологию (вы, наверное, уже догадались), полистала амбулаторную карту и сказала:

– Виктор Евгеньевич, дорогой. У вас уже лет пять как нету обострений. И лекарства, что я вам выписываю, мы снизили до такой дозировки, что можно смело отменять. Я вас поздравляю. Вы в стойкой ремиссии. Можете к нам больше не приходить. Всего вам доброго.

Виктор Евгеньевич встал. Его губы задрожали, и он разрыдался.

– Вы... Вы меня прогоняете?

– Виктор Евгеньевич, что с вами?

– Я... Вы... Вы же мне теперь как родные. Я ведь больше в этой жизни никому не нужен! Понимаете? Никому-никому! Вдовец, на пенсии, ни друзей, никого! Только вы, ваша больница, у меня и есть! Куда же мне теперь?

Доктор встала и положила руку ему на плечо.

– Виктор Евгеньевич, не расстраивайтесь. Ну что вы! Конечно же, вы можете к нам приходить. Рассказывать, как дела, как соседи, что в вашем ЖЭКе снова накуролесили. Приходите обязательно! Только лекарства больше пить не нужно.

Виктор Евгеньевич просветлел лицом.

– Правда?

– Правда, – серьезно и веско ответила Оксана Владимировна.

– Тогда вот, поглядите. – Он вынул из потрепанного портфеля папочку. – Я тут новую жалобу написал...

Не любите, девки, орков!

Странно, на первый взгляд, но при всем богатстве того, что слышат, видят и кем себя мнят наши пациенты, героями произведений Толкиена и его многочисленных последователей не грезит почти никто из них. Видимо, не успели гномы, эльфы и хоббиты прочно окопаться в коллективном бессознательном: вон, у тех же чертей времени было не в пример больше. Кто-то возразит – мол, а компьютеры, а электричество, а всякие излучения? Они ведь тоже не так давно заняли место в нашей жизни, а с ума сводят не хуже чертей. Но на то и сочетание повседневности, утилитарности и некоторой загадочности, чтобы добиться нужного мозговоносящего эффекта.

Но какое же правило без исключений! Дашу (назовем ее так) привел ко мне один знакомый парапсихолог. Во всяком случае, он так себя позиционирует. Правда, он настаивает, чтобы его звали просто и по-домашнему, магистром. Можно мессиром. На что я обычно рекомендую лития карбонат, и вопрос о регалиях как-то незаметно сходит на нет.

У парапсихолога есть идефикс: доказать мне, что не все, что лечат психиатры, есть продукция нездоровой психики. Мол, есть же, доктор, случаи, когда на человека нападает враждебная информационно-энергетическая субстанция: бхута, лярва, кто там еще? Курва, стерва... док, хватит мне всякую похабщину транслировать! Правда, пока все, кого он

приводил, в итоге оставались почему-то лечиться у нас, но он не теряет надежды.

Даша никогда особо не считала себя ценителем Толкиена и знатоком Средиземья. Да, было дело, прочла его «Взад-назад» или куда там хоббита посылали. Но как-то не зацепило. Другое дело, когда вышел на экраны фильм о братстве кольца. Даша долго ходила под впечатлением, даже какое-то время смотрела сны на эльфийскую тематику в новозеландском антураже. А потом как-то незаметно влилась в ряды толкинистов – и пошло-поехало: конвенты, полевки, углубленный курс эльфийского...

Гром грянул, когда Даша поругалась со своим молодым человеком. Точнее, орком. Тот получил неплохую должность и решил завязать с ролевым прошлым: орки в банке хороши либо с целью открытого хищения чужого имущества, либо в томатном соусе, но никак не в качестве начальника отдела. Даша обозвала его предателем, он что-то говорил про реальный взгляд на жизнь... Он звал замуж. Она пожелала ему контрольный банковский пакет в руки, галстук на шею и Сильмарилл ректально, чтоб светился. В общем, сцена расставания была громкой, бурной и аффективно насыщенной.

Прорыдав несколько ночей над трофейным ятаганом, Даша решила поделиться горем и праведным эльфийским гневом с подругой, благо та жила через квартал. Выйдя на улицу, она с ужасом обнаружила, что долбаная реальность, в которую всякий раз так неохота было возвращаться из Средиземья, истаяла до тонкого, едва уловимого налета.

То есть внешне, если не приглядываться, все было так же, как и раньше: та же квадратно-гнездовая геометрия застройки, те же люди, те же машины. Но стоило приглядеться повнимательнее, как знакомые детали начинали оплывать, и вот уже сквозь бетон многоэтажек проступает камень и бойницы мордорских цитаделей, вокруг не лица, а одни мерзкие орочьи рожи, а на дороге... О, а вон и назгулы с мигалками поехали, ишь как завывают. А на горизонте – та самая башня с оком Каданникова... тьфу ты, Саурана!

Вон оно что! Пока она тут, как дура, убивалась по несчастной любви, этот гад зря времени не терял. В банке он начальник, как же. С бандой гоблинов сауоновский общак стережет. А его подельники уже взяли город под контроль! Ну, держись, клыкастый, сейчас твоя зубная фея в гости пожалует!

Взять орочий банк штурмом не удалось. Пока гоблины-охранники тянули волынку с проверкой документов, ее бывший подсуетился и позвонил Дашиной подруге – мол, приезжай, забирай свой сильмарилл неограниченный, пока я полицию не вызвал. Подруга сумела убедить Дашу, что даже гоп-стоп без должной подготовки – дело гиблое. Сейчас, мол, заручимся помощью знакомого мага, он подскажет, что надо делать. И они отправились к парапсихологу. Тому самому.

Магистр взялся за работу с энтузиазмом, но уже на второй день занятий понял, что еще чуть-чуть – и эльфы с орками будут мерещиться ему самому. Поэтому решил подключить тяжелую артиллерию. И отправился с Дашей в диспансер. Мол, там базируется штаб партизанского эльфийского движения, туда орки не суются. Ты не смотри, что они все под сумасшедших косят, это они просто умело маскируются.

Вопреки ожиданиям, на госпитализацию Даша согласилась легко. Она подмигнула, сказала, что будет ждать условного сигнала, чтобы начать боевые действия – и позволила отвести себя в приемный покой.

– Ну что, доктор? Вот вам типичный пример прорыва в параллельную реальность! – гордо заявил парапсихолог. – Она чуть меня за собой не утянула!

– Скорее, это типичный пример истерического психоза, – возразил я. – А вас она чуть не индуцировала.

– И что теперь будет? – спросила подруга.

– Теперь все будет хорошо, – заверил ее я. – Полечим, реальность на место вернем. Что же касается ее увлечения ролевой... Я, конечно, понимаю ее желание спрятаться от серых будней, но ведь это она сама видит их такими. Пусть после выписки поработает с психотерапевтом. И, кстати, покажите ей ту же трилогию о кольце, но в версии Гоблина!

Думай!

Отношение человека к мыслительному процессу довольно сильно варьирует, равно как и способность оный совершать легко и непринужденно. Для иных это непосильная задача, кто-то вообще никогда толком не пробовал, кто-то попробовал, ему понравилось, он втянулся, и дальше пошло-поехало. Есть герои умственного труда, есть инвалиды умственного труда. Кстати, об инвалидах.

Анатолий (к примеру, звали его так) с психиатрией знаком давно и не понаслышке. Шутка ли – двадцать лет регулярных визитов! Но он не в претензии. Даже напротив, во многом нам благодарен, поскольку именно на сотрудничестве и взаимопонимании Анатолия, с одной стороны, и отечественной психиатрии в лице Оксаны Владимировны, с другой, и держится хоть какой-то порядок во вселенной.

Когда-то давно Анатолий работал учителем в школе. Преподавал алгебру, но втайне считал, что достоин большего. Занимался на досуге разработкой формулы влияния малых событий на глобальные процессы. Да-да, вроде взмаха крыльев той самой бабочки. Это ведь какие перспективы открываются! Тут насекомое шугнул, там масло пролил, плюс еще паратройка нехитрых действий – и привет стране предполагаемого противника, получите ураган пятой категории у берегов, а то и вулкан в центре города!

И это не считая таких приятных мелочей, как джек-пот в любом казино, на выбор. Хотя можно и не размениваться, ведь Нобелевка, считай, уже в кармане. Осталось только сообразить, куда его пришло мироздание.

Мироздание, судя по всему, сообразило, что избыток свободного времени у Анатолия, в том числе и на основном месте работы, грозит планете глобальными катаклизмами. Уж больно товарищ амбициозен. Не успел узнать, почему нынче дважды два, а уже метит в демиурги. Великий мыслитель, говоришь? Есть тут одна вакансия...

И однажды Анатолий вдруг обнаружил, что так глубоко проник в тайны бытия, что теперь просто не может о них не думать. Не потому, что нравится или хочется. Все очень просто и страшно: как только он прекратит думать о порядке вещей и событий, этот самый порядок рухнет. Наступит хаос. Причем всемирный. Причем сразу. Какая работа, какая школа – тут вселенная в опасности!

Директор школы, внимательно выслушав доводы Анатолия, долго не раздумывал. Демиурги в преподавателях – это всегда лишняя гемморой, да и нет у них таких должностей в тарифной сетке, это же никакого бюджета не хватит. Нет, все демиурги строим идут к психиатрам.

Психиатры оказались людьми понимающими. Да, мировой порядок – это серьезно. Да, мы понимаем, какой это труд и какая ответственность. Да, мы видим, как вы устали. Может, ляжете, отдохнете. А участковый психиатр пока за вас о порядке подумает. Справится-справится, не сомневайтесь. Опять же, вы подстрахуете, если надо.

Вернуться к работе Анатолий так и не смог: какое там работать – думать надо! Через некоторое время ему выправили инвалидность, и заботиться о вселенском устройстве стало легче. А когда становится неважно – можно лечь отдохнуть, делегировав полномочия Оксане Владимировне. Она уже опытный помощник, практически архангел, она последит, чтобы энтропия не баловала.

Кругом ворье!

Каких бы страшилок ни рассказывали об отечественной психиатрии, нужно очень, очень отличаться, чтобы заполучить в гости барбухайку с дюжими молодцами. И даже если в приемном покое кандидата сочтут достойным наблюдательной палаты, в течение сорока восьми часов в дурдом на огонек заглянет выездная комиссия суда – чисто поинтересоваться, по делу лег товарищ или по беспределу.

Клавдию Ефимовну (назовем ее так) доставили в больницу после ссоры с дворником. По мнению невинно угоспитализированной, по шее тот получил за дело. Ибо нефиг воровать чужое нижнее белье. Прямо из работающей стиральной машины. Тоже мне, Копперфильд-фетишист! Дворник уверял, что ни сном ни духом, и что вообще он ее Глонасс Протон ронял. Нет чтобы повиниться и вернуть танковые чехлы на место.

Если с коллективом нашего серьезного государственного учреждения пациентка была знакома давно и едва ли не поименно, то прибывшую выездную комиссию суда встретила с недоверием: мало ли вас тут шарахается! Но побеседовать согласилась, надо же чем-то себя развлечь.

– Вы бы делом занялись! – с ходу попеняла она судье. – В стране ворья как собак нерезаных, а они тут заседают с умным видом! Почему дворник на свободе? Откупился?

– Про дворника мы еще поговорим, – ответила судья, не ожидавшая такого напора. – Вы лучше скажите, как вы считаете – госпитализация обоснована или нет?

– Конечно, обоснована! – уверенно кивнула Клавдия Ефимовна. – Эти (кивок в сторону доктора) что хошь обоснуют. Ибо иномирцы. Вы ведь тоже из этого племени? Не отпирайтесь, я породу вижу! Вы же сами с ними и договорились. А теперь спектакль разыгрываете.

– А мне-то с того что за прок? – от удивления забыла возмутиться судья.

– Ой, а то вы не знаете! – усмехнулась пациентка. – Вы же все из невидимого мира!

– Какого такого невидимого мира? – попытался встрять в беседу прокурор.

– Нехорошо забывать свои корни, мальчик! – назидательно воздела перст Клавдия Ефимовна. – Даже в угоду хорошим должностям. Это мир воров. Он невидимый, но он прямо тут, словно с изнанки. В него-то вы и таскаете у нас все самое хорошее.

– А вы уверены, что это вам не кажется? – спросила судья.

– Я-то уверена! Я-то ведь здорова. А вот обычные невинные люди – в бреде. Им из этого невидимого мира внушают, будто этого самого невидимого мира нет. А если кто-то им пытается открыть правду, его тут же записывают в психи. А вы (судья аж отшатнулась от пальца) этим нагло пользуетесь!

– Чем пользуемся? – спросила секретарь заседания, длинноногая девушка с внушительным бюстом и хищным маникюром.

– Уж ты-то помолчала бы, глядишь, за умную б сошла! – огрызнулась Клавдия

Ефимовна. – Кто у меня грудь слямзил? Носишь теперь, радуешься. Не жмет. А ноги у кого отжала?

– Давайте обойдемся без оскорблений! – строго сказала судья.

– Давайте лучше обойдемся без воровства! – парировала пациентка. – У матери моей прямо в утробе пятьдесят моих сестер своровали? Своровали. Я должна была родиться умницей-красавицей, так нет же – еще до рождения лицо украли, мозгов отлили, волосы подменили. А инвалидность только в тридцать лет дали, а на пенсию-то не больно и проживешь, и ту воруют.

– А какая у вас, кстати, пенсия? – спросил прокурор.

– Пятьсот тысяч долларов должна быть, но тут, в больнице, ее на всех поделили, и мне ничего не осталось. Так что вы скажите, пусть мне ее полностью платят!

– А на что вы ее будете тратить? – полюбопытствовала судья.

– А вы в мой кошелек не заглядывайте! – нахмурилась Клавдия Ефимовна. – А то ишь, глазки заблестели! Пенсию не трожьте. Я ее как сполна получу, так сразу организму капитальный ремонт сделаю. Буду снова умница-красавица, за миллиардера выйду.

– Так они все уже пристроены, – с потаенной тоской возразила секретарь.

– Коли своих мозгов мало, то тебе ни мой бюст, ни чужие ноги не помогут, – доверительно сообщила Клавдия Ефимовна. – А у меня получится. Так что носи на здоровье, я себе лучше прикуплю. И мужика такого найду, что ты от зависти удавишься. Хоть того же Абрамовича, хоть, прости господи, Дерипаску.

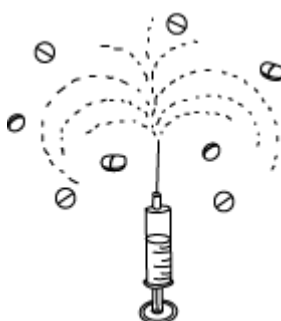
– Давайте все-таки вернемся к вопросу о вашей госпитализации, – спохватилась судья.

– Давайте-давайте, – согласилась пациентка. – Насчет пенсии договорились? Вот и ладно, делайте то, за чем пришли, и разбегаемся. А то обед скоро, не хотелось бы его из-за вас пропустить.

– А зачем мы пришли, вы хоть в курсе? – спросила судья.

– Ясен пень, за моей печенью! – уверенно ответила Клавдия Ефимовна. – Вы-то свою уже пропили на своей нервной работе. А моя свежая, с алкоголем не знакомая. Ну, забирайте – и давайте уже расходиться. Я себе новую прикуплю, как только выпишусь и пенсию получу. И давайте уже, посадите дворника в тюрьму, а то ведь никакого неглиже не напасешься!

Я уже буду большой!

Если какой-нибудь из очередных призывов в армию окажется под угрозой срыва, я знаю один верный способ спасти ситуацию. Достаточно всего лишь разрешить мамам служить вместе с сыновьями. И сформировать отдельные мамские роты. И все, и никакой головной боли у военкоматов. Правда, начнется эпидемия геморроя у офицеров и прапорщиков, но им по уставу положено стойко преодолевать все тяготы и лишения воинской службы, не так ли?

Оксану Владимировну на пару месяцев отправили в командировку в военкомат. Работать в призывной комиссии. По сравнению с нашим амбулаторным приемом, военкоматские пятьдесят человек в день – это отдых.

На днях пришел на комиссию парнишка. Этаким русский богатырь: кровь с молоком, широкоплечий, высокий, бесхитростный до степени легкой незамутненности.

Оксана Владимировна поинтересовалась, где тот учится. Оказалось, что на тракторостроительном факультете. Доктор удивилась: для нашего города, производящего только легковушки, хоть и в невероятных количествах, профессия нехарактерная. Но, возможно, молодой человек всю жизнь грезил большими машинами с мощным мотором, мечтал своими руками собирать тру внедорожники? Опять же, у института не было брони от армии.

– Нет, доктор, я спортсмен, – пояснил парень.

– А тракторостроение тут при чем. У нас есть соревнования по скоростной сборке-разборке трактора? Или гонки на бульдозерах по пересеченной до их начала местности?

– Нет, – смутился тот и покраснел. – Я занимаюсь борьбой. И, пока я ездил на соревнования, мама взяла мои документы и отнесла в институт, он как раз напротив нашего дома. Она сказала, что так я буду у нее на глазах, и ей будет спокойнее.

– Понятно, – кивнула Оксана Владимировна. – А сам-то ты доволен выбором будущей профессии?

– Да мне эти чувашпиллеры нафиг не приснились! – с чувством сказал парень. – Я сейчас схожу в армию, потом вернусь, заберу документы из института и подам их в университет, на спортивный факультет.

– Так забрал бы раньше, – удивилась доктор. – И в армию бы не пришлось идти, от университета бронь бы получил.

– А мне до армии мама бы не разрешила, – обиженно оттопырил губу призывник.

– А что изменится после армии? – Оксана Владимировна подняла голову и пристально посмотрела на парня.

– После армии я буду типа уже взрослый! – важно пояснил тот и с чувством добавил: – После армии фиг я буду ее во всем слушаться!

Ой, где был я вчера...

Судебно-психиатрическая экспертиза интересна уже тем, что после прочтения материалов очередного дела порой возникает легкая оторопь и появляется масса вопросов. Например, как можно было умудриться настучать назойливому соседу тапком по голове, чтобы тот скончался? Причем не от огорчения, а от полученных травм? Или, например – почему за двадцать эпизодов краж уже третий раз подряд дают только условный срок? Прямо фантастический детектив какой-то.

А эта история, например, была бы хороша в плане антиалкогольной пропаганды, но, положа руку на сердце – кто из нас учится на чужих ошибках?

Виктор (допустим, его звали так) алкоголиков не уважал и мнил чуждым себе элементом. Алкоголики – они у киосков пасутся да по аптекам блындают, фанфурики со спиртом покупают. Запоями пьют, гады. Он же запоев за собой как-то не замечал. Пивка после работы, водочки по праздникам, коктейль-другой под настроение – вот и все, и никакой аддикции. Нет, бывало, конечно, когда нет с утра той свежести. Раз или два случалось, что жена и тесть на него обиженно молчали после вчерашнего, и тогда приходилось собирать анамнез, чтобы понять, почему сегодня его никто не любит, но обзывать такое алкогольным палимпсестом –

это слишком.

Наверное, не надо было ссориться с тестем по пустякам. Скорее всего, полировать обиду пивом тоже было глупо. И уж точно лишними были те восемь банок «Яги» после полторашки пива. Или все же девять? Нет-нет, решение помириться пришло на пятой, а три пошли вдогонку, для храбрости и убедительности, девятая уже не влезла бы.

Очнувшись, Виктор удивился: а почему не дома, а в полиции. И почему во рту словно стадо скунсопотамов потопталось. А главное – откуда такое восхищение во взорах полицейских?

Оказалось, что провал между последней (так восьмой или все-таки девятой?) банкой коктейля и полицейским участком был богат на события. Некто, с виду вылитый Виктор, допустил столкновение себя, как пешехода, с припаркованным на тротуаре автомобилем. Рассказать водителю всю горькую правду о том, кто так паркуется, возможности не было, за отсутствием слушателя. Поэтому беседу Виктор вел с машиной. Точнее, монолог: транспортное средство старалось не перебивать.

Сочтя молчание за признание неправоты, Виктор попытался открыть машину, чтобы вручную оттолкать с тротуара и припарковать, как положено вежливому и грамотному автомобилисту. Пришлось, правда, разбить стекло, но это такие мелочи. Устав от усилий, парень сел в салон, прикурил. Полюбовался на огонек зажигалки. Потом вгляделся в него повнимательнее. Потом достал из бардачка какие-то бумаги и развел костер, а сам вышел полюбоваться. Занялось знатно.

Следующие пять машин Виктор сжег уже с профессионализмом опытного пироманьяка. Чего-то не хватало. Зрителей, точно! Поэтому, когда запылял микроавтобус, Виктор постучал в окно первого этажа и пригласил жильцов на фаер-шоу – мол, зацените, как красиво!

Пока народ искал огнетушители, Виктор отошел метров на двадцать – и парой уже отточенных движений поджег еще одну иномарку: то ли из расовой ненависти, то ли из классовой зависти, то ли просто в раж вошел. Прокололся он именно на ней: свидетелей набралось достаточно, чтобы зафиксировать не только факт поджога, но и самого Виктора, физиономией к асфальту. А там и полиция подросла, и пожарные. Так оно всегда бывает: как поджигать, так никого, а как погреться, так сразу толпа.

Врач-эксперт, закончив расспрос, снял очки, потер переносицу и улыбнулся парню:

– Ну вот, теперь и вы знаете, что такое алкогольный палимпсест. А вообще, во всей этой истории есть как минимум один положительный момент.

– Чего же тут может быть положительного? – удивился Виктор.

– Я к тому, что некоторые люди долго и мучительно ищут цель в жизни, – пояснил доктор. – А у вас она уже есть.

– Какая же?

– Много и упорно трудиться, чтобы компенсировать пострадавшим материальный ущерб. Ради этого даже стоит найти какую-нибудь высокооплачиваемую работу, не правда ли?

